АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. С. ДЯКИН

САМОДЕРЖАВИЕ БУРЖУАЗИЯ И ДВОРЯНСТВО

в 1907–1911 гг.

Под редакцией
Р. Ш. ГАНЕЛИНА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1978

Монография посвящена политическому кризису в России в период реакции 1907—1911 гг. В ней рассматривается проблема классового характера третьеиюньской монархии, исследуются взаимоотношения царизма с буржуазией и дворянством. Большое внимание уделяется борьбе в правящих верхах вокруг столыпинских реформ, направленных на укрепление царизма, сохранение классовых позиций поместного дворянства и создание наряду с ним новой социальной опоры самодержавия — сельской буржуазии, выясняются причины краха этих реформ. При исследовании позиций буржуазных партий особое внимание уделяется их отношению к проблемам реформы и революции.

Издание рассчитано на историков и всех интересующихся проблемами истории России.

Д $\frac{10604\text{-}574}{042\,(02)\text{-}78}$ 18-78

© Издательство «Наука», 1978

ВВЕДЕНИЕ

Государственный переворот 3 июня 1907 г. завершил процесс перехода самодержавия к последней фазе своей эволюции — фазе третьеиюньской монархии. «Развитие русского государственного строя за последние три века, — писал В. И. Ленин в начале 1911 г., — показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии».[1] В. И. Ленин не случайно исключил 1905—1907 гг. из этой периодизации эволюции монархии. Пока революция не потерпела временного поражения, в огне ее классовых битв решался вопрос не о том, какой станет монархия, а сохранится ли она вообще. Вплоть до 3 июня 1907 г. «объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи..., а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шеи».[2] После 3 июня В. И. Ленин констатировал «конституционно-монархический „зигзаг“» в развитии революционного процесса, «монархически-конституционный поворот истории» России,[3] заключавшийся в создании в стране «учреждений бонапартистской монархии».[4]

Исследуя бонапартизм как политическое явление, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин видели в нем не только совокупность определенных форм и методов управления, но и определенную стадию развития монархии от абсолютистской к буржуазной. При этом наиболее существенными в характеристике бонапар-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 121.
[2] Там же, т. 19, с. 248.
[3] Там же, т. 16, с. 20.
[4] Там же, т. 17, с. 346.

тизма являются следующие моменты: 1) бонапартизм есть особая государственная форма, переходная от старой абсолютистской монархии к буржуазному государству, возникающая в ситуации, когда задачи буржуазного переустройства общества еще не выполнены, но буржуазия уже стоит перед угрозой пролетарской революции и речь идет «не о защите дворянства от натиска буржуазии, а об охране всех имущих классов от натиска рабочего класса»; [5] 2) в этих условиях лавирование государственной власти между поместным дворянством и буржуазией продолжается, но буржуазия уже боится перехода власти в ее руки, «покупает свое постепенное общественное освобождение ценой немедленного отказа от собственной политической власти»,[6] и это позволяет экономически оскудевающему дворянству сохранять свое политическое влияние; 3) правительственная власть сосредоточивается при этом в руках «самостоятельной» и всесильной бюрократии, а государственное устройство принимает форму «мнимого конституционализма», при котором законодательная власть делится между представительными учреждениями и короной, а исполнительная не ответственна перед парламентом; 4) выступая на исторической арене как определенная форма контрреволюции, бонапартизм в отличие от легитимизма (стремящегося к возможно более полной реставрации дореволюционных порядков) в той или иной степени учитывает произошедшие в ходе революции изменения, признает их необратимыми и пытается «взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции».[7]

Характеризуя третьеиюньскую систему, являвшуюся конкретно российской формой бонапартистской монархии, В. И. Ленин писал, что эта система «специально рассчитана на использование, в очень широких пределах, антагонизма либеральной буржуазии и помещичьей реакционности при гораздо более глубоком *общем* их антагонизме со всей демократией и с рабочим классом в особенности».[8]

Потопив в крови вооруженные восстания рабочих и выступления крестьян, царизм не снял этим вековых противоречий российской действительности. «Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, — подчеркивал В. И. Ленин, — не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились».[9] Никакие репрессии, никакая политическая и идеологическая реакция не могли уже вычеркнуть из памяти и сознания широчайших трудящихся масс опыт революции 1905—1907 гг., заставить их смириться с торжеством контрреволюции, удовлетвориться теми предельно ограниченными реформами, на которые только и была бы в лучшем случае способна третьеиюньская монархия. Поэтому уже в 1907 г. В. И. Ленин сформулировал в качестве основного, определяющего всю стратегию и тактику большевиков вывод, что Россия не может выйти из переживаемого ею кризиса мирным путем.

Антагонизм между либеральной буржуазией и помещичьей реакцией был хотя и менее глубоким, чем антагонизм трудящихся и эксплуататорских классов, но тоже неразрешимым в условиях России начала XX в. В основе этого антагонизма лежало неустранимое противоречие «между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества».[10] При этом бесперспективность борьбы буржуазии и дворянства за власть и доходы в третьеиюньской монархии определялась объективной невозможностью для буржуазии ни порвать с царизмом, защищавшим ее от рабочего класса и от революции, ни примириться с самодержавно-крепостническим строем, стоявшим на пути капиталистической эволюции. По мере углубления общего политического кризиса в стране все более острыми становились разногласия в вопросе о методах борьбы с революцией, о том, ускоряют ли умеренно-буржуазные реформы наступление революции или предотвращают ее. По сути дела этот же вопрос находился в центре противоречий между бонапартистским и легитимистским течениями внутри самодержавно-крепостнического лагеря.

Отмечая, что усвоение массами опыта революции 1905—1907 гг. играет гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, В. И. Ленин в то же время постоянно предостерегал от недооценки «казалось бы, удаленных от настоящего очага революции» [11] противоречий в правящих верхах. «Все зависит от обстоятельств, — подчеркивал он, — от нищей массы крестьян (коих Столыпин придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и „сферами“ и т. д.».[12] Противоречия между царизмом и буржуазией, разногласия в либеральном лагере, расхождения между царизмом и поместным дворянством, столкновения группировок в правящих сферах, были, таким образом, тоже слагаемыми общего социального и политического кризиса в России.

В XX в. буржуазия составляла заведомое большинство в имущих верхах страны, представляла собой «экономически самый могущественный класс капиталистической России».[13] После 1861 г. «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, за-

[5] Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 18, с. 495.
[6] Там же, с. 496.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 359.
[8] Там же, т. 22, с. 325.
[9] Там же, т. 16, с. 124.
[10] Там же, т. 9, с. 130.
[11] Там же, т. 17, с. 280.
[12] Там же, т. 47, с. 225.
[13] Там же, т. 23, с. 395.

нявшие в некоторых старых странах Европы целые века».[14] В результате, как и в передовых капиталистических странах, в экономическом отношении лицо российской буржуазии определяли акционерные предприятия, «самый передовой промышленный и финансовый капитализм»,[15] на долю которых приходилось 70.3% прибылей всех предприятий с доходом свыше 50 000 руб. в год.[16]

В то же время структура верхних слоев российской буржуазии отличалась от западноевропейской рядом особенностей. Более позднее создание тяжелой промышленности в России, часто сразу в акционерной форме (а не из предприятий, ранее принадлежавших отдельным владельцам), осуществлявшееся в большой мере на иностранные капиталы и при активном содействии правительственных органов, привело к тому, что узкий слой российской, по-преимуществу петербургской, финансовой олигархии формировался в значительной степени не из потомственных предпринимателей, а из числа директоров и членов правлений акционерных предприятий и банков, не имевших значительных личных капиталов и лишь приобретавших их уже в XX в. Выходцы из разных слоев (купечество, дворянство, техническая интеллигенция, иностранные подданные, в очень большом числе — чиновники), эти «сатрапы нашей промышленности» представляли собой «кучку монополистов, защищенных государственной помощью» [17] и тесно связанных экономически и политически с самодержавным государственным аппаратом.

Иной характер имела московская и тяготевшая к ней крупная провинциальная буржуазия. Рябушинские, Морозовы, Мамонтовы, Вогау, Кноны, Анатра, Ралли и другие капиталисты русского и иностранного (как правило, из давно осевших в стране) происхождения обладали многомиллионными состояниями,[18] нажитыми «старорусскими» «доходными формами эксплуатации»,[19] «русской сверхприбылью». В конце XIX в. они стали быстро превращать свои семейные фирмы в акционерные, главным образом в виде паевых товариществ с очень узким кругом владельцев крупных паев.[20] Но в этой группе был еще высок и процент неакционированных предприятий (особенно в торговле и в легкой промышленности). Представляя в экономическом отношении менее современную капиталистическую группировку, московская буржуазия, однако, успешно претендовала на роль выразительницы общих интересов российских торгово-промышленных кругов, и В. И. Ленин писал поэтому о «московском (а, значит, и всероссийском) капитале».[21]

[14] Там же, т. 20, с. 174.
[15] Там же, т. 16, с. 417.
[16] Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906, с. XVIII—XIX.
[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 361.
[18] Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974, с. 71—73.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 62.
[20] Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973, с. 79.

В состав капиталистической элиты вливались — в наименьшей степени как предприниматели, в большей мере как держатели акций или домовладельцы — представители старой феодальной знати и бюрократии.

Численный состав этой элиты был очень невелик. В 1913 г. В. И. Ленин применительно к США относил к богатым капиталистам лиц с доходом свыше 10 000 долларов (20 000 руб.) в год.[22] В России по приблизительным подсчетам Министерства финансов на 1905 г. такой доход от торгово-промышленных предприятий, городских недвижимостей, денежных капиталов и «личного труда» получали 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов (акционеры и пайщики которых должны войти в первую цифру как получающие доход от капитала).[23] В. И. Ленин в 1917 г. писал, что «если составить список *пяти или даже трех тысяч* (а может быть даже и одной тысячи) самых богатых людей в России..., то откроется весь узел господства капитала, вся главная масса богатства, накопленного на счет чужого труда...».[24] Но именно этот узкий слой крупнейших капиталистов экономически господствовал над всеми остальными.

Для характеристики социального и политического лица буржуазии представляют, однако, интерес и данные о ее общей демографической структуре.

Эти данные свидетельствуют прежде всего о преобладании торговых элементов над промышленными и ремесленными. Из общего числа промысловых свидетельств, выбранных в России в 1905 г., 86.9% приходилось на торговые, 11.05% на ремесленные (промышленные VI—VIII разрядов) и 2.05% на промышленные.[25]

[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 224.
[22] Там же, т. 23, с. 244.
[23] Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления..., с. 90—91. — Цифры Министерства финансов занижены. По рубрике торгово-промышленных предприятий оно насчитало всего 3767 физических и юридических лиц. Между тем по статистике промыслового обложения в 1905 г. было выбрано по России 10 405 свидетельств на торговые заведения I и промышленные заведения I—III разрядов, к которым относились предприятия с доходом как раз свыше 20 000 руб. (Статистические материалы к проекту об изменении Положения о государственном промысловом налоге. СПб., 1909, с. XV—XXII). Если принять подсчеты Министерства по другим рубрикам за более или менее верные, общее число обладателей дохода свыше 20 000 руб. составит 12 377 человек и 1595 юридических лиц. Поскольку Россия была экономически менее развита, чем США, уровень дохода, позволяющий отнести его получателя к крупным капиталистам, видимо, следует понизить. Но подсчеты при этом становятся еще более приблизительными. При уровне дохода в 10 000 руб. число его получателей составляло, по данным Министерства, 2296 юридических лиц и 16 963 человека (по нашим подсчетам — 31 725 человек).
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 109—110.
[25] Подсчитано по: Статистические материалы к проекту..., с. XV—XXII.

Материалы, собранные Министерством внутренних дел в 1905 г. в процессе подготовки Положения о выборах в Государственную думу, позволяют сделать еще ряд наблюдений. Сохранившиеся материалы МВД [26] охватывают 367 городов 30 губерний Европейской России (всего в Европейской России насчитывалось 606 городов) и являются, таким образом, достаточно репрезентативными. В этих городах Министерством было учтено 25 255 владельцев торговых предприятий I—II и промышленных предприятий I—V разрядов из общего их числа в Европейской России в 112 861, или 22.5%. Города, по которым имеются сведения, составляют 60% от общего их числа, и, следовательно, можно считать, что всего в городах проживало 37.5% владельцев торгово-промышленных предприятий, скорее даже 40%, так как по самым крупным городам сведения отсутствуют. Эти цифры подтверждают уже известное в литературе явление — превращение населенных пунктов, не имеющих статуса городов, в крупные торгово-промышленные центры, о чем писал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России».[27] Существенно также, что 27% владельцев торгово-промышленных предприятий жили в городах с населением менее 50 000 человек и лишь 5—7% — с населением свыше 100 000 человек.

Представление о структуре предпринимательских кругов крупнейших городов можно почерпнуть из городских переписей. Ближайшими к 1905 г. являлись переписи Москвы 1902 г. и Петербурга 1900 г. Данные переписей (см. табл. 1) [28] о владельцах предприятий с наемными рабочими, как и материалы МВД, показывают, что с ростом размеров городов доля владельцев промышленных и ремесленных предприятий в общем числе предпринимателей увеличивается. К сожалению, в петербургских переписях владельцы промышленных предприятий не отделяются от ремесленников, но по московской переписи 1902 г., где хозяева фабрично-заводских заведений учитывались особо, их число составило 1394 [29], или 4.9% всех хозяев, что в 2.4 раза превышало общероссийскую цифру.

Таблица 1

Отрасли	Петербург * 1900 г.		Москва * 1902 г.	
	число	%	число	%
Сельскохозяйственные промыслы	2532	7.6	652	2.3
Промышленность и ремесло	16 754	49.9	16 445	57.6
Торговля	9927	29.6	7829	27.5
Банки и кредит	113	0.3	40	0.1
Транспорт	2546	7.6	2485	8.7
Трактирно-гостиничная промышленность	1686	5.0	1100	3.8
Итого предпринимателей	33 558		28 551	

* Без пригородов.

Материалы МВД (см. табл. 2) дают возможность представить себе и сословный состав владельцев торгово-промышленных предприятий.

Таблица 2

Сословный состав предпринимателей	Предприятия		Всего	%
	торговые	промышленные		
Дворяне и чиновники	436	117	563	2.20
Купцы, мещане, ремесленники	18 544	2078	20 622	81.65
Крестьяне	2291	290	2581	10.25
Лица иных сословий	1267	232	1499	5.90
Всего	22 538	2717	25 255	100.00

Таким образом, почти 82% предпринимателей входило в состав старых городских сословий, включенных в свое время в иерархию феодального общества, располагавших своими сословными организациями и потому менее ощущавших необходимость общебуржуазного классового представительства.[30]

Позднее развитие капитализма в стране, политика царизма, не допускавшего до 1905 г. образования политических организаций даже эксплуататорских классов, особенности демографической структуры привели к тому, что буржуазия «впервые начала ... складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу» [31] только в период революции 1905—1907 гг., когда страх перед самостоятельными выступлениями пролетариата отбросил ее в лагерь контрреволюции. Кроме того, российская «буржуазия тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией».[32] Все это вело

[26] Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 1327, оп. 1, 1905 г., д. 135а—135л.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 567—569.
[28] Составлено по: С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года, вып. 2. СПб., 1903, с. 2—23; Перепись Москвы 1902 года, ч. 1, вып. 3. М., 1906, с. 28—30, 54—55.
[29] Перепись Москвы 1902 г., ч. 2, вып. 2. М., 1906; с. 136—137, 158—159.
[30] Необходимо подчеркнуть, что речь идет о принадлежности к тому или иному сословию на момент сбора сведений, а не о происхождении. Кроме того, очевидно, среди предпринимателей в поселках промышленного типа, не имевших статуса городов, и в деревнях доля крестьян была значительно выше.
[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 125.
[32] Там же, т. 21, с. 220.

к тому, что буржуазия боялась свержения царизма и уничтожения остатков крепостничества, боялась «думать об организации *своего* класса в государственную силу»,[33] предпочитая «делить с Пуришкевичами их средневековые привилегии...».[34]

Революция 1905—1907 гг. поставила буржуазию перед проблемой выработки собственной политической платформы и создания своих классовых партий. Однако поражение революции пресекло и без того не очень решительные шаги по созданию особой торгово-промышленной партии, вместо которой был создан Совет съездов представителей промышленности и торговли, подчеркнуто отмежевывавшийся от общеполитических выступлений. Революция дала толчок к созданию и других представительных организаций буржуазии. В реформированном после революции Государственном совете 12 мест были отведены для депутатов от промышленности и торговли. К голосу русской буржуазии в области экономической политики царизм прислушивался внимательно, и в обычай министров торговли и промышленности, часто сменявшихся на этом посту, вошло совершать вскоре после назначения поездки в Москву для встреч с буржуазными лидерами. Со своей стороны представительные организации буржуазии либо непосредственно функционировали в Петербурге, либо открывали там свои отделения, чтобы быть ближе к государственной власти, «путем непрерывных сношений с которою, — как писал исследователь и апологет деятельности этих организаций А. О. Гушка, — торгово-промышленный класс давно привык достигать своих целей».[35]

Но как раз материалы, которые А. О. Гушка пытался использовать для утверждений о политической сплоченности и влиятельности буржуазии, послужили В. И. Ленину основанием для вывода, что лидеры буржуазных представительных организаций не поднимаются до постановки общеполитических проблем и «становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве „ходатайствуют“ об интересах *своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего *класса*».[36] Следствием этого явился запоздалый «процесс образования настоящих классовых партий» буржуазии, лишь развитие, но отнюдь не завершение которого В. И. Ленин констатировал на рубеже 1912—1913 гг.[37] В результате интересы буржуазного развития России были представлены партиями, не являвшимися не только по своему социальному составу, но и по идеологии и тактике чисто буржуазными.

[33] Там же, т. 25, с. 139.
[34] Там же, с. 23, с. 379.
[35] Гушка А. О. Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912, с. 137.
[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 295.
[37] Там же, т. 22, с. 326.

Первоначально большая часть политически активной буржуазии примкнула к «Союзу 17 октября». Это обстоятельство неоднократно подчеркивал В. И. Ленин в своих работах 1906—1907 гг. Но он никогда не считал «Союз 17 октября» чисто буржуазной партией, с самого начала отмечая наличие в нем помещичьего крыла. В более поздних статьях В. И. Ленин в социальной характеристике «Союза 17 октября» выдвигает помещичье крыло на первый план, говоря, что «кроме помещика эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца»,[38] а при подсчете партийного состава III Думы полностью относя октябристов к помещикам.[39] В конце 1912 г. В. И. Ленин, характеризуя позицию широких слоев буржуазии, подчеркивал: «От октябристов эти последние слои отвернулись почти совершенно»,[40] поскольку у октябристов «слишком силен помещичий элемент».[41]

Отмеченные В. И. Лениным постепенный отход буржуазных элементов от «Союза 17 октября» и увеличение в нем удельного веса поместного дворянства были самым тесным образом связаны с тем, что октябристы как партия находились в целом за пределами либерального лагеря. Как известно, В. И. Ленин постоянно напоминал, что октябристы и кадеты сходятся в их отношении к революции, говорил о тяготении кадетов к соглашению с октябристами. Но при этом он специально оговаривал, что кадеты и октябристы не сошлись бы «ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция».[42] В. И. Ленин специально напоминал о необходимости «ясно разделять *правых* (от черной сотни до октябристов), буржуазных *либералов* (к.-д. и все, иже с ними) и *демократию*...».[43]

Не являлась чисто буржуазной по своему социальному составу и партия конституционалистов-демократов (кадетов). При ее характеристике В. И. Ленину приходилось постоянно бороться против попыток кадетов объявить себя представителями демократии, в связи с чем он подчеркивал: «Их программа целиком буржуазна, кадеты не могут даже представить иного общественного строя, кроме капиталистического, за пределы которого не выходят самые смелые пожелания их».[44] Но в то же время с самого возникновения кадетской партии В. И. Ленин отмечал и другую сторону дела — интеллигентский по-преимуществу состав кадетов, за которыми «не стоит ни масса, ни решающие величины

[38] Там же, т. 21, с. 280.
[39] Там же, с. 286.
[40] Там же, т. 22, с. 168.
[41] Там же, с. 245.
[42] Там же, т. 20, с. 136.
[43] Там же, т. 21, с. 43.
[44] Там же, т. 12, с. 287.

помещичьего и капиталистического элементов».[45] Интеллигентский состав кадетов отражался на их программе, поскольку процесс идейно-политического сближения интеллигенции с буржуазией, особенно крупной, не получил в России своего окончательного завершения. Выражая по существу интересы капиталистического развития, кадеты, тем более в 1907—1914 гг., не отражали взглядов большинства русских капиталистов, выступали на русской политической арене как «идеализированная, подслащенная персонификация общебуржуазных стремлений», «партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, „идеальном“ буржуазном обществе».[46]

Необходимо отметить еще одну важную сторону ленинской характеристики кадетской партии. В связи с существованием двух направлений в партии, затруднявшим для определенных демократических кругов уяснение подлинной природы кадетов как буржуазных либералов, и в связи с общей политикой кадетов, В. И. Ленин постоянно вскрывал фальшь и лицемерие кадетской программы и тактики. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что «было бы в корне ошибочно, разумеется, объяснить это лицемерие и эту фальшь личными качествами кадетских вождей или отдельных кадетов», поскольку «среди кадетов несомненно есть прнскренние люди, верящие в то, что их партия есть партия „народной свободы“»,[47] а потому сводить дело к личному предательству кадетских вождей — это «грубый взгляд», в корне чуждый марксизму.[48] Именно поэтому претензии кадетской партии на демократизм, на то, что она выражает интересы масс, В. И. Ленин характеризовал как «самообман кадетов и обман ими „общественного мнения“, мнения масс...».[49]

Достаточно сложной и неоднозначной представляется и характеристика поместного дворянства.

В руках поместного дворянства и после революции 1905—1907 гг. были «сосредоточены гигантские средства, позволяющие грабить десятки миллионов трудящихся».[50] Стоимость земель, находившихся в руках дворян в 50 губерниях Европейской России, по средним продажным ценам 1900—1902 гг. составляла в 1905 г. 4040 млн. руб.,[51] на 60% превышая, таким образом, общую массу акционерных капиталов в стране. Сохранение гигантских земельных фондов в руках поместного дворянства являлось основным условием «преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни».[52]

В то же время к началу XX в. даже крупное землевладение уже утратило чисто дворянский характер. По данным статистики 1905 г., из 27 833 поместий свыше 500 десятин дворянам принадлежало 18 102 (или менее $^2/_3$, а из земельного фонда этой категории чуть больше $^2/_3$ (44 471 тыс. десятин из 61 991 тыс.).[53] Треть крупных землевладельцев была буржуазной по своему происхождению (главным образом, купцы и крестьяне). В еще большей мере это относилось к имениям от 100 до 500 десятин, которые В. И. Ленин считал наиболее приспособленными к переводу хозяйства на капиталистические методы. В этой категории дворянам принадлежало 46% имений с 50% земли.

Далеко зашла экономическая дифференциация среди дворян-землевладельцев. При общем числе их в 107 242—33 205 дворян (31%), владевших участками менее 20 десятин (0.5% дворянского земельного фонда), заведомо находились уже вне класса помещиков. Их участки (в среднем по 7.9 десятины на владельца) были меньше тех, которые В. И. Ленин считал недостаточными и для крестьян.[54] 27 705 владельцев имений от 20 до 100 десятин (26% имений и 2.5% земельного фонда) в конце XIX в. не выдерживали конкуренции кулацких хозяйств.[55] С другой стороны, как уже указывалось, 18 102 крупных помещика (17% дворян-землевладельцев) владели 44.47 млн. десятин (83% всего дворянского земельного фонда), а из них 155 крупнейших латифундистов имели 16.2 млн. десятин.[56]

Дворянское поместное землевладение было дифференцировано и по способам ведения хозяйства, и по доходности имений.

Крупнейшие латифундии были главным тормозом развития сельскохозяйственного производства. Владея большим числом имений, латифундисты, как правило, эксплуатировали сколько-нибудь рационально лишь немногие из них,[57] в результате чего, с одной стороны, значительная доля земель была выключена из производства, а с другой — огромные доходы латифундистов оказывались в пересчете на десятину их общих земельных владений очень низкими, да и те получались в основном не от сельского хозяйства,

---

[45] Там же, т. 14, с. 192.
[46] Там же, т. 12, с. 291, 294.
[47] Там же, с. 288.
[48] Там же, т. 13, с. 89.
[49] Там же, т. 20, с. 370.
[50] Там же, т. 10, с. 200.
[51] Подсчитано по: Опыт приблизительного исчисления..., с. 4—5; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, с. 78.

[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 403.
[53] Статистика землевладения 1905 г...., с. 78.
[54] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 202—203.
[55] Вайсберг И. Д. Совет объединенного дворянства и его влияние на политику самодержавия в 1906—1914 гг.— Учен. зап. Борисоглебск. пед. ин-та, вып. II. Борисоглебск, 1957, с. 257.
[56] Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX—начала XX в. М., 1971, с. 76.
[57] Пермская казенная палата указывала, например, что Николае-Павдинская лесная дача площадью в 321 616 десятин «могла бы быть эксплоатирована, но по желанию владельца не эксплоатируется» (ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 20, д. 2348, л. 442).

а от принадлежащих латифундистам промышленных предприятий.[58] Владельцы латифундий являлись одновременно крупными домовладельцами, собственниками предприятий (прежде всего по переработке сельскохозяйственной продукции и горных), держателями значительных портфелей ценных бумаг. Именно их в первую очередь имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «„Соседи по имению“ в наш капиталистический век все чаще сами становятся заводчиками, винокурами, сахароварами и т. п., все больше принимают участия во всевозможных торгово-промышленных, финансовых, железнодорожных предприятиях».[59] Но, включаясь в капиталистическое предпринимательство, латифундисты не меняли своих классовых позиций, оставаясь защитниками крепостнических интересов в политике, так же как их владения оставались, несмотря на частичный перевод их на капиталистические методы, главной основой крепостнических пережитков в ведении хозяйства.

Мы не располагаем сколько-нибудь представительными данными о доходности имений тех помещиков, которые не могли себе позволить оставлять неэксплуатируемой в той или иной форме значительную часть своих земель. Данные обследования, проведенного в конце XIX в., говорят о чрезвычайно низком уровне хозяйства, мало отличавшемся по урожайности от хозяйства на крестьянских надельных землях.[60] Эти данные, однако, захватывают и годы аграрного кризиса, когда сельскохозяйственное производство в России было во многих отношениях просто убыточным. В начале XX в. благодаря росту цен сельское хозяйство становится прибыльным, но все же следует, очевидно, считать преувеличенными предположения Министерства финансов, исчислявшего «нормальную доходность» помещичьих земель в 6% от их стоимости, особенно, если учесть стремительный рост цен на землю. По данным Крестьянского банка, даже «правильно поставленные частные хозяйства» редко приносили доход свыше 4.7%.[61] Но даже считая доходность в 6%, Министерство финансов насчитало в 1905 г. только 2775 поместий с доходом свыше 20000 руб. в год и 6923 поместья с доходом свыше 10000 руб.[62] Иными словами, землевладельцы (дворяне и недворяне) составляли в общей массе лиц с доходом свыше 20000 руб., по мнению Министерства финансов, 32.5%, по нашим подсчетам — 18.3%, а среди лиц с доходом свыше 10000 руб. соответственно 29% и 14.25%, причем при дальнейшем понижении уровня дохода доля землевладельцев

[58] Минарик Л. П. Экономическая характеристика..., с. 82, 110—112. — По подсчетам Л. П. Минарик, средняя доходность имений А. П. Струкова составляла 0.2 руб. с десятины, С. М. Челищева — 0.5 руб., Пашковых — 1.0 руб., Нарышкина — 1.1 руб., украинских поместий Мусиных-Пушкиных — 3.5 руб. и т. д.

[59] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 139.

[60] Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. III. СПб., 1902, с. 2—3.

[61] Отчет Крестьянского поземельного банка за 1909 г. СПб., 1910, с. 115.

[62] Опыт приблизительного исчисления..., с. 90—91.

еще более уменьшается. Поскольку расходы помещиков, как правило, превышали их доходы, дворяне систематически прибегали к залогу и продаже своих земель, и фонд дворянского землевладения неуклонно сокращался. С 1 января 1905 г. по 1 января 1915 г. по 47 губерниям Европейской России (без Прибалтики) общая площадь дворянских владений уменьшилась с 49.78 до 38.98 млн. десятин, или на 20%.[63]

Составляя явное меньшинство среди имущих верхов и все более слабея экономически, поместное дворянство было, однако, сильно своими давними связями с феодальным по происхождению самодержавным государством, своими сословными организациями, своими политическими позициями на местах — в земстве, в уездном управлении, представляло собой «самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс...».[64]

Революция 1905—1907 гг. дала толчок к созданию политических представительных организаций поместного дворянства. В предреволюционные годы реакционные элементы дворянства не видели еще серьезной надобности в самостоятельной классовой организации, и лишь революция показала им необходимость «выступать на поприще самостоятельных политических организаций».[65] «Крепостник-помещик силотился и окончательно „сознал себя“ в революции. Черные партии становятся классовой организацией тех, кто должен защищать не на живот, а на смерть самые угрожаемые современной революцией блага: крупнейшее землевладение, — этот остаток крепостной эпохи, — привилегии высшего сословия, возможность вершить государственные дела путем личных связей с камарильей и т. д.».[66] Во главе этих партий стал созданный в 1906 г. Совет объединенного дворянства, важную роль которого в определении всего правительственного курса в последующий период неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. В то же время различие экономического положения мелко- и среднепоместного дворянства и латифундистов вызывало острые противоречия внутри дворянско-помещичьего лагеря, которые правительство использовало в своей политике.

«Классовая природа русской государственной власти, — писал В. И. Ленин, — потерпела серьезное изменение после 1905 года. Это изменение — в сторону буржуазную. Третья Дума, „верховский“ либерализм, ряд других признаков свидетельствуют о новом „шаге по пути превращения в буржуазную монархию“ нашей старой власти. Но, делая еще один шаг на этом новом пути, она *остается старой,* и сумма политических противоречий от этого уве-

[63] Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России. — История СССР, 1974, № 1, с. 85.

[64] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 26.

[65] Там же, т. 17, с. 433.

[66] Там же, т. 15, с. 20.

личивается».[67] Полемизируя с меньшевиками, торопившимися сбросить со счетов черносотенное дворянство в своих схемах будущего мирного завоевания власти либералами, В. И. Ленин указывал на всесилие крепостников «и в Думе, и еще более в Государственном совете, и еще более в черносотенной царской шайке, и еще более в управлении Россией».[68] Но, называя царизм средоточием банды черносотенных помещиков,[69] В. И. Ленин еще до революции 1905—1907 гг. подчеркивал, что самодержавие удовлетворяет не все, а лишь «*известные* интересы господствующих классов. . ., представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу».[70] После революции В. И. Ленин особенно часто и настойчиво указывал, что «классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти. . .»[71]

Относительная самостоятельность, присущая государству вообще,[72] усиливалась в России особенностями ее исторического развития. Экономической основой этой самостоятельности являлись к началу XX в. огромный фонд государственных, кабинетских и удельных земель и широко разветвленное государственно-капиталистическое хозяйство: Государственный банк, осуществлявший все эмиссионные операции, сеть казенных железных дорог (превышавших по протяженности частные), казенные заводы (особенно военные), винная монополия и т. п. Наличие государственно-капиталистического хозяйства расширяло возможности царизма в лавировании между поместным дворянством и буржуазией, служило одним из факторов движения царизма по пути к буржуазной монархии.[73]

Важным элементом государства как организованной политической силы В. И. Ленин считал «учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом».[74] В. И. Ленин неоднократно в разных обстоятельствах и контекстах подчеркивал, что именно бюрократия «de facto и правит государством российским»[75] и что царское самодержавие есть самодержавие чиновников.[76]

По сведениям Министерства финансов, число чиновников и офицеров, получавших оклады свыше 1000 руб. в год, достигало

[67] Там же, т. 21, с. 298.
[68] Там же, с. 24.
[69] Там же. т. 20, с. 359.
[70] Там же, т. 6, с. 363.
[71] Там же, т. 21, с. 32.
[72] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 37, с. 416—417.
[73] См. подробнее: Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975, с. 42—52.
[74] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 455.
[75] Там же, т. 1, с. 301.
[76] Там же, т. 7, с. 137.

91204,[77] т. е. превышало количество лиц, имевших такой же доход из любого другого источника, взятого в отдельности. Общее же число гражданских и военных чинов составляло 145.2 тыс. человек,[78] причем степень зависимости чиновника от казны была обратно пропорциональна его жалованию. Высшие чины могли и нередко переходили на службу в частные банки и акционерные предприятия, низшие были фактически прикованы к государственной машине и, выступая «самодержавными» по отношению к народным массам, были бесправны перед лицом «высшей власти» и правительства.

Социальное лицо российской бюрократии было двойственно, и в разных контекстах В. И. Ленин оттенял обе стороны ее характеристики. В 1894 г. он писал: «Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной. . .»[79] В 1911 г. В. И. Ленин отмечал: «„Почерпая силы“ от поддержки верхов буржуазии, бюрократия рекрутируется *не* из них, а из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства».[80] При сопоставлении этих характеристик следует иметь в виду, что в работах, посвященных критике взглядов народников, В. И. Ленин полемически подчеркивал тенденции буржуазного развития России. Охарактеризовав бюрократию как «глубоко буржуазную», В. И. Ленин в следующих фразах писал о ее „крепостнических симпатиях и связях“.[81] С другой стороны, в характеристике 1911 г. говорится о происхождении бюрократии из поместного и служилого дворянства, а последнее имело своим источником пополнения и разночинцев.

По подсчетам А. П. Корелина, удельный вес потомственных дворян среди офицеров и гражданских классных чиновников составлял в 1897 г. 36.9%, а среди гражданских чинов XI—XIV класса и того меньше — 22%. Высшие чины, гражданские, а особенно военные, были в большинстве своем потомственными дворянами, однако их связь с землевладением была уже в значительной степени нарушена. В 1901 г. из 3420 чинов I—IV классов 70% либо вовсе не имели земли, либо владели поместьями менее 100 десятин, т. е. заведомо не обеспечивавшими их владельцев самостоятельным доходом. Усложнение хозяйственной и общественной жизни вызывало специализацию государственного аппарата и требовало привлечения подготовленных людей в таком количестве, какого уже не могло дать поместное дворянство. Жалование превращалось в главный источник существования всего чиновниче-

[77] Опыт приблизительного исчисления. . ., с. 86—87.
[78] Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России (1861—1904 гг.). — Исторические записки, т. 87. М., 1971, с. 148, 161.
[79] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 301.
[80] Там же, т. 21, с. 58.
[81] Там же, т. 1, с. 301.

ства и в том числе служилого дворянства, в результате чего «в плане социально-экономическом „служилое“ дворянство все более обособлялось от поместного».[82]

Существование собственной организованной силы — бюрократии — и самостоятельной экономической базы не только давало самодержавию возможность лавировать между поместным дворянством и буржуазией и между различными группировками внутри этих классов, но и вызывало необходимость такого лавирования, предопределяя наличие у него собственных интересов.

Революция 1905—1907 гг. заставила царизм пойти на «создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне...»[83] Именно в связи с этими двумя направлениями в деятельности царизма В. И. Ленин констатировал сдвиг «в сторону бонапартизма и аграрной политики самодержавия и его общей политики...»[84]

Но здесь-то и сказывалась существенная разница между российским и западноевропейским бонапартизмом. Лавируя между буржуазией и пролетариатом, Наполеон III, как отмечал К. Маркс, опирался на консервативного мелкого крестьянина,[85] в Германии Бисмарка крестьянская буржуазия тоже была «удовлетворена и реакционна»,[86] и голоса консервативного крестьянства давали бонапартистским режимам возможность прибегать к всеобщему избирательному праву как средству своего господства. В России же консервативного крестьянина-собственника еще требовалось создать. Эту цель и преследовала столыпинская аграрная реформа. Имеющаяся литература по данному вопросу[87] избавляет нас от необходимости освещать аграрную реформу как таковую и характеризовать ее значение для истории России 1907—1917 гг.

Ставка на разрушение общины и насаждение «крепкого крестьянства» преследовала две цели. Одна, непосредственная, заключалась в том, чтобы отвлечь крестьян от борьбы за помещичьи земли, внести классовую рознь в крестьянские ряды, перетянуть деревенские верхи на сторону контрреволюции. В этом смысле аграрная реформа поддерживалась не только большинством правящей бюрократии, но в первое время и практически всем поместным дворянством, видевшим в разрушении общины спасение для себя. Вторая цель заключалась в создании в лице «крепкого крестьянства» новой опоры самодержавия, способной стать рядом с поместным дворянством и тем увеличить для царизма возможности бонапартистского лавирования. Столыпинский официоз газета «Россия» недвусмысленно разъясняла, что рассматривает сельскую буржуазию как опору не только против революции, но и против сил, которые хотели бы сместить правительственный курс правее, чем оно признает необходимым.

Однако для превращения сельской буржуазии в новую опору самодержавия было недостаточно снять рогатки на пути капиталистической эволюции деревни. Необходимо было сделать и политические выводы из аграрной реформы, перестроив в соответствии с нею и с общим изменением государственного строя всю систему местного управления и самоуправления, чтобы обеспечить крестьянину-собственнику больший политический вес в деревне. С аграрной реформой были связаны и преследовавшие в целом более широкие задачи проекты вероисповедных реформ, облегчавшие положение старообрядцев (влиятельных среди крестьян Сибири, Урала и севера Европейской России) и насильственно обращенных в православие униатов (крестьян юго-западных губерний). Проект введения всеобщего начального обучения тоже примыкал к административным и аграрной реформам, так как сельской буржуазии, получавшей большее представительство в местном самоуправлении, нужно было обеспечить образовательный ценз. Иными словами, все реформы, намеченные правительством Столыпина и являющиеся объектом исследования в данной работе, так или иначе базировались на аграрной реформе и вытекали из нее как логическое следствие.

Эта программа реформ была провозглашена в правительственной декларации Столыпина 24 августа 1906 г., в которой объявлялось и о создании военно-полевых судов для беспощадной расправы с революционным движением, что подчеркивало связь столыпинских реформ и «успокоения». Но, составленная в общих словах, чтобы иметь возможность маневрировать при разработке конкретных законопроектов, программа включала в себя меры, которые Столыпин действительно собирался провести в жизнь. Приехав в Петербург в апреле 1906 г. в настроении, близком к октябристскому, и считая себя вначале «первым в России конституционным министром внутренних дел»,[88] Столыпин в январе—феврале 1907 г. следующим образом сформулировал кредо, с которым он приступил к своей деятельности: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбою с революциею, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот *путь* реформ торжественно возвещен, создана Государственная Дума, и идти назад нельзя.

---

[82] Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России..., с. 160—164.
[83] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 359.
[84] Там же, с. 283.
[85] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 208.
[86] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 406.
[87] Назовем здесь только обобщающие работы: Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Першин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1966; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974.
[88] Столыпин П. А. — Столыпиной О. Б. 26 апреля 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 213, л. 103.

Это было бы и роковою ошибкою — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти».[89]

На данном этапе представляется затруднительным очертить и охарактеризовать тот круг лиц, который разделял со Столыпиным его программу и стремился провести ее в жизнь. Мы имеем в виду не его сотрудников, а тех, кто мог отстаивать бонапартистский курс перед царем и вообще составлял бонапартистскую группировку в верхах.[90] Очевидно, бонапартистскому курсу сочувствовали, понимая его необходимость для царизма на новом этапе, определенные круги высшей бюрократии, традиционно этатистски настроенной, особенно из числа пользовавшихся либеральной репутацией, которая в российских условиях означала всего лишь способность видеть дальше сегодняшнего дня.

Как мы видели, речь шла не о коренных реформах, круто поворачивающих развитие политического строя России по буржуазно-конституционному пути. Таких реформ царизм давать не хотел, да и не мог, ибо их осуществление привело бы в движение столь мощные силы, которые неминуемо смели бы все здание романовской монархии. Говоря о возможности сделки царизма и буржуазии на пути компромиссов последней с самодержавием, В. И. Ленин подчеркивал: «Путь „реформ“ на данной политической почве и при данном соотношении сил означает не улучшение положения масс, не расширение свободы, а бюрократическую регламентацию несвободы и порабощения масс... Разве Наполеон III и Бисмарк не сумели удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии? Разве своими „реформами“ они не затянули на долгие годы петлю на шее трудящихся масс? Какие же основания думать, что русское правительство в своей сделке с буржуазией способно согласиться на иного рода реформы?».[91]

Тем не менее даже такая программа реформ вызывала сопротивление поместного дворянства. Осуществление бонапартистского курса, проводником которого был кабинет Столыпина, отвечало широко понятым интересам дворянства, а задуманные им реформы были призваны укрепить царизм и приспособить его к новой обстановке. Однако эти реформы вступали в противоречие с сиюминутными интересами той части помещиков, которая не могла приспособиться к капиталистическому развитию. Соглашаясь на аграрную реформу, поместное дворянство имело целью стравить крестьян между собой и отвести угрозу от собственных усадеб. Но на весь период осуществления реформы вышедшие из общины продали, по преимуществу богатым крестьянам, 3439 тыс. десятин земли, причем большая часть этих продаж приходилась на последние предвоенные годы. За период же 1905—1915 гг. из рук поместного дворянства ушло 10 801 тыс. десятин земли, что составляло 19.7% всего их земельного фонда на 1905 г., и из них 9795 тыс. десятин попали в руки крестьян.[92] Экономическая угроза помещикам со стороны деревенской буржуазии была реальностью, и жалобы на обезземеление дворянства имели под собой явные основания.

И в этой обстановке Столыпин своей местной реформой задумал сделать политические выводы из идущего в деревне экономического процесса. Плоть от плоти российского дворянства, он, елико возможно, старался сохранить за помещиками их привилегированное положение на местах, но в интересах государства и в более далеко идущих интересах самих помещиков считал необходимым предоставить «крепкому крестьянину» большую, чем прежде, роль в местном самоуправлении и передать административную власть на местах из слабеющих рук дворянского предводителя в руки назначаемого правительством чиновника. Для крепостников-помещиков, привыкших считать, что государство — это они, такая перспектива была непереносима. Поэтому именно по планам местной реформы был нанесен первый удар, и мотив борьбы против нее отчетливо звучал в моменты самых острых столкновений крайней реакции со Столыпиным и его союзниками по бонапартистскому курсу.

Вероисповедные законопроекты Столыпина также непосредственно затрагивали интересы реакционного дворянства, понимавшего связь между сохранением его позиций в деревне и поддержанием господствующего положения православной церкви. С другой стороны, эти проекты (да еще разработанные Министерством внутренних дел в обход Синода) заведомо превращали в противников столыпинского курса церковных иерархов, поскольку всякие шаги в сторону веротерпимости означали для «господствующей» церкви, и без того терявшей паству, дальнейшую потерю ее идеологического и политического влияния и ее доходов.

Так складывался блок «ничего не забывших и ничему не научившихся», которые не из особой политической дальновидности и предчувствия неизбежной неудачи, а из-за нежелания поступиться сегодняшними интересами ради более долгосрочных выгод выступили против столыпинского бонапартистского курса. Оценивая возможную перспективу конфликтов третьеиюньской Думы

---

[89] См.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 234.

[90] О том, что Столыпин выражал (как во внутренней, так и во внешней политике) взгляды какой-то влиятельной группы, свидетельствовало, в частности, донесение германского посла в Петербурге, писавшего о необходимости приобрести друзей «также и в тех кругах, которые стоят за г. Столыпиным» (Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Bd 26, H. 2. Berlin, 1927, S. 836).

[91] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 170—171.

[92] Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Новые данные..., с. 85.

и кабинета Столыпина, В. И. Ленин приходил к выводу: «Такие конфликты возможны прежде всего между черносотенным элементом первого большинства (в Думе, — *В. Д.*) и правительством».[93]

Как отмечал в свое время Ф. Энгельс, в столкновениях правительства и оппозиции реальная борьба классов отражается «не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы».[94] Подвигнутая на сопротивление бонапартистскому курсу своими реальными интересами, дворянско-клерикальная реакция выступала (нередко и в своих собственных глазах) под идейным знаменем легитимизма, выдвигая на первый план обвинения против правительства в том, что оно ущемляет права верховной власти и что намечаемые им реформы подготовляют почву для новой революции.

Надо, однако, помнить, что перспектива революции, которой либералы и крепостники пугали друг друга, казалась и тем, и другим значительно более отдаленной, чем они говорили и чем она оказалась на деле. Крики о революции были для крайне правых демагогическим приемом, с помощью которого они стремились провалить неугодные им меры. Более других разглагольствовавший о неизбежности революции как следствия октябристских и даже правительственных законопроектов Н. Е. Марков 2-й признавался в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (где он, в отличие от большинства допрашиваемых, не юлил, а вызывающе отстаивал свои черносотенные позиции): «Революции я не мог предвидеть и не предвидел, но смену министров и возможность появления враждебных людей я всегда имел в виду».[95] Вот это-то появление враждебных или просто нежелательных Маркову и ему подобным лиц и законопроектов правые и объявляли «революцией».

Сложнее обстоит дело с вопросом об отношении легитимистского лагеря к существованию Государственной думы и связанному с этим формальному ограничению самодержавия. Прежде всего для легитимистских элементов принципиально важным было положение, что навязанные им в 1906 г. Основные законы ни в коей мере не ущемляют самодержавной власти царя, имеющего право эти законы отменить. В крайне правом лагере, в основном за пределами Думы, существовали группировки, добивавшиеся полной ее ликвидации (дубровинское руководство «Союза русского народа» и т. п.). В позиции более «солидных» представителей легитимистского лагеря можно проследить известную эволюцию. В 1905—1906 гг. под воздействием революции даже такие представители крайней реакции, как И. Л. Горемыкин и Н. П. Балашов, говорили о невозможности возврата к дореволюционному строю и о необходимости существования законодательной Думы. В ходе подготовки и в первое время после третьеиюньского переворота в этих кругах были сильны настроения в пользу более радикального возврата к прежним порядкам и практической ликвидации Думы и всей системы государственного устройства, сложившейся после 17 октября 1905 г. Один из лидеров крайне правых гр. С. Д. Шереметев выражал недовольство недостаточной кардинальностью переворота и тем, что «мы продолжаем цепко держаться почвы 17 октября».[96] В январе 1908 г. (о чем речь будет идти в гл. IV) большинство московского губернского дворянского собрания приняло адрес, в котором почти открыто выступало против законодательных прав Думы. В дальнейшем опыт убедил правых в удобности существования Думы для них самих в качестве одного из опорных пунктов при давлении на правительство. Кроме того, ликвидация Думы означала бы для многих правых деятелей возвращение в политическое небытие. Однако они продолжали добиваться пересмотра Основных законов в сторону расширения законодательных прерогатив монарха и особенно такого изменения избирательной системы, которое означало бы изгнание из Думы буржуазных элементов и превращение ее в орган власти поместного дворянства. На таких условиях крайне правые готовы были стать «конституционалистами», но этот конституционализм означал бы отказ от бонапартистского курса.

Столкновение бонапартистской и легитимистской группировок лежало в основе борьбы в верхах в 1907—1911 гг., содержание которой в этом плане В. И. Ленин рассматривал как попытку правительства «завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией на основе известного минимума конституционных реформ»[97] октябристского характера, прежде чем «в случае неудачи *и этого опыта* придется целиком отдаться во власть „Совету объединенного дворянства“».[98]

Парадокс истории заключался, однако, в том, что как раз тогда, когда обострение противоречий между различными классами требовало и одновременно создавало возможность перехода царизма к бонапартистской политике и увеличения независимости государственного аппарата, параллельно усиливалась зависимость царизма от одного класса — а именно от поместного дворянства. «Двадцать лет покоя» просил у истории Столыпин для претворения в жизнь своей программы и перевода России на «немецкие рельсы»[99] в развитии капитализма в сельском хозяй-

[93] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 145.
[94] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 417.
[95] Падение царского режима, т. 6. М.—Л., 1926, с. 183.
[96] Шереметев С. Д. — Самарину Ф. Д., 8 июня 1907 г. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — РО ГБЛ), ф. 265, папка 208, ед. хр. 25 (листы не нумерованы).
[97] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 59.
[98] Там же, с. 61.
[99] Там же, т. 47, с. 224.

стве, на «немецкие рельсы» приспособления старой абсолютистской монархии к новому буржуазному общественному строю. Но псевдоконституционное прикрытие в форме Государственной думы с подтасованным большинством требовалось царизму еще до того, как аграрная реформа создала бы его новую опору — мелкого земельного собственника. А среди тех разнородных элементов, между которыми лавировало самодержавие, наиболее связанным с ним общностью прошлой и будущей судьбы было дворянство. Естественно, на него и была сделана ставка в третьеиюньском избирательном законе. Но тем самым Дума отдавалась в руки класса, который самим своим экономическим оскудением ставился в ряды противников эволюции самодержавия в сторону бонапартизма, эволюции, обещавшей самодержавию весьма проблематичное укрепление, а поместному дворянству вполне реальное ослабление его позиций.

Силы противников бонапартистского курса увеличивались также тем, что, как писал В. И. Ленин, в России, «как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья. Эта последняя всегда и везде опирается на самые реакционные слои общества, на феодальное — по-нашему черносотенное — дворянство... Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров...» [100] Определить персональный состав камарильи — задача крайне трудная, если вообще выполнимая, так как степень близости к царю и возможность влиять на него определялись не официальным положением, а личными связями и симпатиями, совсем или почти совсем не фиксируемыми документально. Следует иметь в виду и идейные позиции самого Николая, воспитанного в духе приверженности самодержавию и не желавшего отказываться от него даже на пороге Февральской революции. Оказавшись вынужденным в 1905 г. пойти на уступки и создать законодательную Думу, он никогда не мог примириться с ее существованием и вынашивал планы ее ликвидации. Мысль о каких бы то ни было дальнейших реформах политического строя тем более была чужда Николаю. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и вековую привычку российской бюрократии откладывать самые назревшие реформы из страха перед их последствиями. Если учесть все это, станет понятно, что соотношение сил в правящих верхах складывалось в пользу откровенно крепостнических элементов.

Назвав политику царизма после 3 июня переходом к бонапартизму и новым шагом по пути превращения в буржуазную монархию, В. И. Ленин уже в феврале 1911 г. констатировал: «Этот новый шаг, столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же несостоятельный, как прежде, ставит перед нами старые вопросы».[101] В апреле того же года В. И. Ленин подчеркивал, что пресловутыми «министерским» и «конституционным» кризисами «подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток „оправдать“ требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной думы, посредством столыпинской аграрной политики...» и этот итог — «не оправдалось».[102] Не сумев «присогласить господ помещиков» [103] на реформы и оказавшись в конечном итоге «не более, как уполномоченным или приказчиком» [104] российского дворянства, Столыпин не смог удовлетворить буржуазию, все более убеждавшуюся «в тщете ее жертв на алтарь Пуришкевичей».[105] Политическая смерть Столыпина, предшествовавшая его физической смерти, была и концом бонапартистской политики по существу. Созданный для ее проведения государственный механизм оставался, но работал вхолостую. Не случайно именно в последние годы существования самодержавия В. И. Ленин особенно часто подчеркивал засилье поместного дворянства в политической жизни страны.[106]

---

[100] Там же, т. 16, с. 140.

[101] Там же, т. 20, с. 169.
[102] Там же, с. 224.
[103] Там же, т. 16, с. 61.
[104] Там же, т. 20, с. 325.
[105] Там же, с. 375.
[106] Там же, т. 21, с. 297; т. 25, с. 15, 267.

Глава I

«УСПОКОЕНИЕ» И РЕФОРМЫ

Придя к власти в момент, когда спад революции уже наметился, но революционные бои еще продолжались, правительство Столыпина поставило перед собой двуединую задачу «*насильственного* подавления интересов и движения *масс*» [1] и проведения таких реформ, «которые подавляют восстание угнетаемых путем уступок, *приемлемых* для угнетателей без *уничтожения* их власти».[2]

Карательная политика правительства Столыпина на каждом шагу подчеркивала стремление власти жесточайшим террором запугать народные массы, разгромить и физически уничтожить революционные организации. 19 августа 1906 г. было утверждено Николаем разработанное по его прямому требованию Положение о военно-полевых судах, которое предусматривало фактически полное изъятие дел революционеров из ведения обычных судебных инстанций и передачу их полевым судам, составляемым из офицеров и рассматривающим дело не дольше чем в течение 48 часов. Чтобы устранить возможность хотя бы относительно беспристрастного рассмотрения дел, военный министр А. Ф. Редигер специально предупреждал, что председателями судов должны быть «офицеры от войск, а не чины военно-судебного ведомства»,[3] привыкшие соблюдать некоторые юридические формальности, ныне признающиеся излишними. Положение предусматривало, что приговоры военно-полевых судов приводятся в исполнение «во всяком случае не позже суток», и Николай через военного министра специально предупреждал генерал-губернаторов и командующих округами, «чтобы по этим делам не представлялось государю императору телеграмм о помиловании».[4]

В феврале 1907 г., понимая, что II Дума отвергнет закон о военно-полевых судах, Совет министров решил не вносить его

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 62.
[2] Там же, т. 15, с. 82.
[3] Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 4. М., 1962, с. 92—93.
[4] Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1936, с. 82.

на утверждение Думы, и таким образом 20 апреля, спустя 2 месяца после открытия ее заседаний, деятельность военно-полевых судов должна была быть прекращена.[5] Большая часть дел по обвинению в участии в революционном движении рассматривалась с весны 1907 г. в военно-окружных судах, производство в которых по закону 27 июня 1907 г. было по своим срокам и «упрощению» процедуры приближено к практике военно-полевых судов.[6] При этом Столыпин лично следил за тем, чтобы и приговоры военно-окружных судов были не менее суровы, чем приговоры «скорострельных» полевых судилищ.

По официальным данным за 1906—1909 гг., военно-окружными судами было приговорено к смертной казни 6193 человека, из которых казнено 2694.[7] В 1910 г., по неполным сведениям журнала «Право», казнено еще 129 человек.[8] По приговорам военно-полевых судов в 1906—1907 гг. было казнено 1102 человека,[9] кроме того, без суда и следствия в 1905—1906 гг. по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно во время карательных экспедиций (по просочившимся в печать сведениям) 1172 человека.[10] К каторжным работам в 1906—1911 гг. было приговорено 66 638 человек. Эта цифра включала в себя и уголовных преступников, но число осужденных в 1905—1911 гг. на каторгу по государственным делам — 6950 (из которых 5999 — по приговорам военно-окружных и военно-морских судов) [11] — меньше истинного, ибо в целом ряде случаев участники террористических актов и экспроприаций с политическими целями проходили по уголовным статьям.

Всего по политическим делам только за 1907—1909 гг. были приговорены к смертной казни, каторжным работам и тюремному заключению более 26 тысяч человек.[12] Кроме содержавшихся на каторге и в тюрьмах существовала еще категория административно (без суда) высланных в отдаленные районы России. За 1906—1908 гг. и 9 месяцев 1909 г. административной высылке подверглся 32 891 человек, в том числе за революционную деятельность — 22 830, за участие в фабричных «беспорядках» — 348, за подстрекательство к аграрным «беспорядкам» — 4203 и за «порочное поведение» (в эту рубрику обычно попадали кресть-

[5] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 625, л. 30—31.
[6] Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958, с. 31—32.
[7] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ДП, 2-е д-ство, 1910 г., д. 34, л. 28.
[8] Право, 1911, № 1, с. 23.
[9] Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 4, с. 105.
[10] Право, 1910, № 7, с. 355.
[11] Никитина Е. Горная дорога. Тюрьма и каторга 1905—1913 гг. — В кн.: Девятый вал. К десятилетию освобождения из царской каторги и ссылки. М., 1927, с. 28, 31.
[12] История КПСС, т. 2. М., 1966, с. 239.

яне, неугодные местному начальству) — 5505.[13] Только в 1911 г было решено ликвидировать административную ссылку как не оправдавшую себя меру воздействия.

Введенное в 1881 г. в качестве временного Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, «юридически» обосновывавшее самоуправство центральных и местных полицейских властей, продолжало действовать почти на всей территории страны. Еще в феврале 1905 г Комитет министров признал, что «установленные правилами этими средства воздействия не соответствуют понятию нормальных приемов государственного управления. Однако же правила эти существуют ныне уже непрерывно 22 года; при действии их успело вырасти целое поколение, которое не видало иного порядка поддержания общественного благоустройства и лишь по книгам знает об общих законах Российской империи».[14] Тем не менее действие Положения 1881 г. регулярно продлевалось. По подсчетам печати к январю 1912 г. из 157 млн. человек населения России только 5 млн. проживало в местностях, на которые не распространялось действие ни военного положения, ни чрезвычайной или усиленной охраны. В местностях, находившихся в условиях усиленной охраны, проживало 63 млн. человек, в районах, где губернаторы имели право издания обязательных постановлений (подменявших законодательство), — 86 млн.[15]

Жестоким преследованиям в порядке обычного и чрезвычайного законодательства подвергались массовые легальные организации, в первую очередь рабочие профессиональные союзы, подчиненные полицейскому надзору по правилам 4 марта 1906 г. Всего с 1906 по 1910 г. было закрыто около 500 профсоюзов, число членов легальных союзов сократилось за 1907—1909 гг. с 246—250 до 13 тыс.[16] Постоянным преследованиям подвергались рабочие клубы самообразования и другие культурно-просветительные организации, в том числе и руководимые либеральной интеллигенцией, непричастной к революционному движению.

Драконовскими мерами подавлялась провозглашенная под давлением революции 1905 г. свобода печати. Уже в 1906 г. — начале 1907 г. преследование печати — запрещения изданий, штрафы, аресты редакторов, судебные преследования авторов неугодных статей — приняли массовый характер. Накануне третьеиюньского переворота, в ночь со 2-го на 3 июня в Петербурге, Москве, Казани, Пензе, Симбирске, Саратове, Тобольске были изданы одинаковые, т. е. явно предписанные свыше, обязательные постановления губернаторов и градоначальников, воспрещавшие публиковать статьи и сообщения, возбуждающие враждебное отношение к правительству или к деятельности отдельных должностных лиц, а также вызывающие тревогу слухи о правительственных распоряжениях, общественных бедствиях и иных событиях.[17] Под действие этих обязательных постановлений фактически можно было подвести любое выступление печати. В течение 1908 г. было приостановлено 73 печатных издания, в том числе в Петербурге 28 газет и журналов, в Москве — 14. В первую очередь закрывались левые органы (особенно профсоюзная печать), но среди запрещенных журналов оказался и кадетский «Вестник народной свободы», закрытый по постановлению суда от 12 февраля 1908 г. за публикацию в 1906 г. документов РСДРП.[18] В январе 1909 г. ведущие газеты страны были оштрафованы за опубликование сообщений о провокаторской деятельности Азефа. Правда, спустя несколько дней правительству пришлось признать правильность этих сообщений и снять наложенные на прессу взыскания. За 1906—1911 гг. были закрыты 978 газет и журналов. Характерны и данные о преследовании неповременных изданий. Если за весь период с 1872 по 1904 г. был наложен арест на 172 книги, а за 1905—1906 гг. на 46, то за 1907—1910 гг. аресту подверглись 1236 книг.[19]

Карательная политика царизма всей своей тяжестью была направлена прежде всего против революционно-демократического лагеря. Но, как отмечал В. И. Ленин еще в 1906 г., «борьба самодержавия с пролетарско-крестьянской революцией неизбежно обрушивается и на либеральную оппозицию. Раз молчит пролетариат, правительство погромщиков не упустит, конечно, случая придушить и кадета».[20] Уже в сентябре 1906 г. Совет министров в специальном циркуляре министерствам и главным управлениям указывал, что «должностным лицам, как стоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах, не только явно революционных, но и таких, которые хотя и не причисляют себя открыто к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков (как, например, Выборгское воззвание) и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к таковой борьбе население».[21] За период с декабря 1905 по апрель 1907 г. Министерство внутренних дел предложило другим ведомствам уволить со службы или подвергнуть иного рода дискриминации за принадлежность к кадетам 248 человек.[22] 16 февраля

[13] ЦГАОР СССР, ДП, 2-е д-ство, 1910 г., оп. 67, д. 34, л. 27.
[14] Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений. СПб., 1905, с. 11.
[15] Право, 1912, № 27, с. 1440.
[16] История КПСС, т. 2, с. 240.
[17] Право, 1912, № 27, с. 1439—1440.
[18] Речь, 1908, 13 февраля.
[19] Русские ведомости, 1911, 8 апреля.
[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 37.
[21] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 625, л. 22.
[22] Там же, д. 168, л. 359.

1908 г. Сенат окончательно отказал в легализации кадетской партии[23] и вслед за тем подтвердил запрещение принимать на службу, государственную и по выборам (т. е. в местном самоуправлении) членов нелегализованных партий.[24] За этим последовало требование Министерства просвещения, чтобы кадеты профессора и педагоги либо оставили службу, либо дали подписку о непринадлежности в будущем к противоправительственным партиям.[25] В течение ближайших двух месяцев были уволены 65 преподавателей гимназий и сами подали в отставку 112 преподавателей гимназий и реальных училищ, 7 приват-доцентов и 4 профессора (кадеты и левее их).[26] Но большинство кадетской профессуры с разрешения ЦК дало подписку о непринадлежности к противогосударственным партиям, подразумевая под этим, что свою партию они противогосударственной не считают. Не имея возможности заменить всех кадетов профессорами правого направления, Министерство просвещения сделало вид, что не поняло этой уловки, и удовлетворилось.

Преследования кадетов не шли, разумеется, ни в какое сравнение с карательными мерами, обрушенными на деятелей революционного движения. Наиболее громкий процесс над членами I Думы, подписавшими Выборгское воззвание, проходивший в декабре 1908 г., закончился приговором к трехмесячному тюремному заключению. Гораздо более существенно и для кадетов, и для правительства было то, что все обвиняемые по этому процессу лишались права быть избранными в Думу, чего, собственно, и добивалось правительство при организации процесса. Ту же цель преследовало и возбуждение судебных процессов против кадетов — деятелей земств, устранявшее их от выборной общественной деятельности, а также отстранение кадетов с должностей предводителей дворянства и исключение из дворянского сословия.

Но, воздерживаясь, как правило, от судебного преследования кадетов, правительство чинило препятствия их деятельности в различных общественных организациях, запрещая эти организации вообще, если они начинали пользоваться сколько-нибудь заметным влиянием, а правительственная пресса травила кадетов как «скрытых революционеров» и тайных вдохновителей революционного движения, чтобы отпугнуть от кадетов оппозиционно настроенные буржуазные и интеллигентские круги и помочь октябристам вовлечь их в сферу своего влияния.

Если карательная сторона деятельности правительства встречала полную поддержку всех представителей правящих верхов, а также реакционного поместного дворянства и, до известного

[23] Речь, 1908, 8 марта.
[24] Россия, 1908, 12 июня.
[25] Голос Москвы, 1908, 29 августа.
[26] Там же, 26 октября.

времени, контрреволюционной октябристской буржуазии, то «реформаторская» политика правительства вызывала, как уже отмечалось, глубокие разногласия в верхах и очень сильное противодействие. Это было одной из причин, побуждавших Столыпина широко использовать прессу и в особенности свой официоз — газету «Россия» для обоснования своего курса, и в частности для доказательства необходимости известного минимума реформ именно для ликвидации причин, порождающих революцию. Эта идея постоянно проводилась в статьях редакторов газеты С. Н. Сыромятникова и И. Я. Гурлянда, которые писали всегда с учетом мнения Столыпина, а часто и по прямым его указаниям[27] (Гурлянд являлся, кроме того, и одним из наиболее близких к Столыпину чиновников МВД).

Еще в мае 1907 г., выражая радость по поводу поражения революции, Сыромятников оговаривался, что «после безумного поворота влево надо опасаться столь же безумного поворота вправо, возрождения старой нашей исторической лжи, что все обстоит благополучно и что шапками закидаем».[28] Вскоре после третьеиюньского переворота в передовой статье «России» за 1 июля (обычно их писал Гурлянд) к числу тех, кто «силою вещей должен придти к полной отрешенности от непосредственных запросов жизни», были отнесены и революционеры, и люди, сосредоточившие «все свои мысли и стремления вокруг одного подавления революции». Двумя неделями позже, видимо, тот же Гурлянд объявлял правительство «рукой, которая отстраняет от реальных интересов страны все покушения, откуда бы они ни шли, а следовательно, и те, которые являются отголосками первых успехов освободительства, и те, которые выражают увлечение контратаками».[29] В передовице за 28 августа идеи столыпинской записки о необходимости реформ нашли наиболее открытое выражение. Отвечая на упреки правых, сетовавших, что революция до сих пор не подавлена, «Россия» писала, что для подавления революции нужно решить те вопросы, которые дают ей кадры. К вопросу о необходимости реформ «Россия» возвращалась и в дальнейшем. Так, 31 октября третий ведущий сотрудник газеты А. Н. Гурьев, выступавший под псевдонимом «Idem», писал: «Центральный вопрос переживаемой нами эпохи, как известно, заключается в следующем: 17 октября 1905 года Россия вступила в число конституционных стран — а между тем в действительной жизни конституционные свободы до сих пор почти совсем еще не осуществлены». 9 марта 1908 г. Сыромятников называл переживаемый период эпохой «трудных родов запозда-

[27] См., например: ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 84, л. 3; д. 85, л. 3; д. 86, л. 1—2.
[28] Россия, 1907, 13 мая.
[29] Там же, 1907, 15 июля.

лой и все еще запаздывающей реформы государственного строя».

Показательны рассуждения «России» о консерватизме как принципе государственной политики и о его соотношении с реформами. В номере от 28 января 1907 г. явно в связи с выступлением правой группы Государственного совета против столыпинского плана местной реформы Сыромятников горестно отмечал, что «большинство наших „консерваторов" мечтают о невозможном, о перевороте, а жизнь совершенно ушла от всякого соприкосновения с ними». «Времена крепостного права никогда не вернутся, — поучал он зубров Государственного совета, — и надо выходить на борьбу один на один и лицом к лицу, без всяких особых прав и привилегий. Тогда только можно будет сохранить то, что достойно сохранения, не разрушая государства реакцией». Российским правым Сыромятников ставил в пример германских консерваторов, являющихся могущественной партией именно потому, «что члены ее считаются с жизнью, понимают, что реку не засыпешь, но что можно направлять ее русло». К противопоставлению русского и прусского консерватизма Сыромятников вернулся — весьма знаменательно — 3 июня. «Консерватором, — писал он, — надо быть по духу, а не по форме. Надо защищать историческую сущность, а не те или другие временные ее выражения... Пора бы нашим правым поехать в Пруссию и поучиться тому, как работает в ландтаге и рейхстаге прусская консервативная партия, отстаивающая монархическое начало конституционными средствами».

30 сентября в очередной статье Сыромятникова, вообще специализировавшегося в газете в большей мере на полемике с правыми (подобно тому как Гурлянд чаще упражнялся в критике левых), снова отчетливо прозвучали мотивы записки Столыпина: «Консерватизм необходим в государственной жизни каждого народа, и только глупый будет отрицать его законность и необходимость в России. Но надо знать, что консервировать, что охранять. Охранять надо живое, а не мертвое. В этом и ошибка наших крайних правых, что они охраняют формы, а не дух, обряды, а не ту сущность, которую они символизировали...». «После подавления революции, — подчеркивал тут же Сыромятников, — разумные люди обязаны пересмотреть ее причины, разобраться в них и уничтожить их. Разумная политика после революции требует реформ, а не восстановления прошлого в его неприкосновенности и целости для того, чтобы дать нравственное оправдание новому взрыву народных страстей».

При обосновании правительственного курса «Россия» исходила из признания необратимости перемен, происшедших в политическом строе страны. В период II Думы и некоторое время после третьеиюньского переворота «Россия» называла существующий строй и находящееся у власти правительство конституционными и доказывала совместимость монархических убеждений и

конституционных взглядов.[30] Вмешавшись 2 ноября 1907 г. в остро протекавшую полемику о характере самодержавной власти после Манифеста 17 октября, «Россия» выступила против правых, доказывавших, что и после Манифеста страна осталась неограниченной монархией, и права царя не стеснены никакими законами. «Россия» разграничивала понятие «самодержавность» верховной власти, определяемое как «совокупность державных суверенных прав, полновластие и государственную независимость державы и самодержца», и понятие «неограниченность», истолковываемое как «форма проявления самодержавной власти», причем подчеркивала, что самодержавная власть после 17 октября может проявляться, «придерживаясь ею же установленных и потому обязательных форм». В напечатанной вслед за тем (11 ноября) статье Сыромятникова также подчеркивалось: «Надо и верховному сословию настаивать на святости законов, а не подавать пример их нарушения и не требовать отмены существующих законов потому, что они не нравятся господам из „Русского знамени". Если закон свят, то свят и закон 17-го октября». Однако, говоря о конституционности российского государственного строя, сотрудники «России» настаивали на том, что это должна быть конституционность особого рода, отличная от западноевропейских образцов. Признавая, что «в сущности до сегодняшнего дня в России еще не начата работа общественной мысли по преобразованию страны в конституционную державу», Гурьев тут же разъяснял, что он имеет в виду: «До сих пор мы еще не слышали ни одного „русского" слова о конституционных свободах, русского, т. е. пропущенного сквозь призму русской государственности».[31]

Таким «русским» словом в теории государственного устройства являлась настойчиво проповедуемая идея сочетания царского самодержавия и народного представительства, не равнозначного, а, наоборот, противопоставляемого западноевропейскому парламентаризму. В правительственной декларации в III Думе 16 ноября Столыпин назвал «историческую самодержавную власть и свободную волю монарха» «драгоценнейшим достоянием русской государственности».[32] В опубликованной через день редакционной статье официоза «Основы государственности новой России» речь премьера истолковывалась в более «конституционных» выражениях и с попыткой ее исторического обоснования.

Государственно-правовые «построения» сотрудников «России» не были оригинальны. Они представляли собой перепевы раз-

[30] Там же, 1907, 4 мая. — В 1905 г. и сам Николай считал, что «России даруется конституция» (см.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 144).

[31] Там же, 1907, 10 октября.

[32] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая, ч. I. СПб., 1908, стб. 312.

личных теорий консервативных русских и германских правоведов, утилизуемых в политических целях столыпинского правительства. Наибольшее влияние на проповедуемые «Россией» взгляды оказывали германские конструкции дуалистической монархии и некоторые идеи славянофилов. «Россия» утверждала, что государственный строй страны основывается на сотрудничестве самодержавного царя и народного представительства, причем последнее рассматривалось как орган, осуществляющий единство царя с народом.[33] В дальнейшем, по мере того, как конституционная терминология стала исчезать со страниц официоза, тезис о сотрудничестве самодержавной власти и народного представительства стал подменяться идеей сотрудничества правительства и Думы, естественного и обязательного для них, поскольку «они суть проявление одной и той же власти, призвавшей их к бытию и совместному действию».[34]

В двуедином организме власти и народного представительства руководящая роль отводилась правительству, представлявшему самодержавного (хотя и ограниченного в формах проявления этой самодержавности) монарха. «Власть, — доказывал Сыромятников, — есть самое драгоценное, что вырабатывает государство».[35] При этом он ссылался на восточные (татарские и византийские) корни русской государственности и государственной идеи, главным в которой является «идея святости власти».[36] «Восточная демократия, — развивал он свою мысль в газете за 7 октября 1907 г., — тем отличается от западной, что она обращается около сильной власти... Для того чтобы обязанность народного представительства была хорошо отправляема в России..., необходимо..., чтобы власть правительственная была сильна и не зависела от палаты и прежде всего чтобы великая монархическая идея сохранялась и развивалась в умах и сердцах населения».

Другим частым доказательством необходимости сильной и независимой от народного представительства власти был довод о неприемлемости парламентаризма для военных империй типа России и Германии, которые «всегда требовали для управления сильной власти»[37] и судьбу которых нельзя ставить «в зависимость от последствий парламентских выборов».[38] Эта аргументация всегда сочеталась с тезисом о неподготовленности широких масс народа к участию в управлении государством, которое поэтому надо «поставить выше настроений большинства, выделившего того или другого, хотя бы и необычайно способного руководителя партии, победившей сегодня своих противников».[39]

[33] Россия, 1907, 18 ноября.
[34] Там же, 4 декабря.
[35] Там же, 22 апреля.
[36] Там же, 8 апреля.
[37] Там же, 4 февраля.
[38] Там же, 13 мая.
[39] Там же.

«Россия» особенно подчеркивала право и обязанность власти действовать круто в переломные эпохи, когда у населения «затемняется сознание государственной общности» и правительство должно «напомнить народу его государственные обязанности»,[40] а в то же время возникает необходимость в реформах, которые следует проводить постепенно, не допуская передачи страны «в новые руки»,[41] ибо в моменты, «когда все общественные группы находятся в движении... всякий крутой переход от одних принципов к другим является весьма рискованным опытом»,[42] и «правительство принуждено быть консервативнее своего народа потому уже, что всякие изменения в его взглядах ведут за собой изменения быта всего народа».[43]

Центральное место в апологии сильной власти занимал естественно тезис о надклассовой сущности государства. Традиционно этатистские воззрения российской бюрократии получили в столыпинский период дальнейшее развитие, что вытекало и из объективных условий перехода к бонапартистскому курсу. Государство превращалось в некую мистическую силу, самостоятельно выступающую важнейшим фактором исторического прогресса. Исходя из этого Сыромятников провозглашал, что «русская историческая власть» «может и должна противоречить всем партиям», поскольку ее голос «есть голос настоящего, прошедшего и будущего вместе».[44]

При такой постановке вопроса о роли власти на долю народного представительства оставалось, очевидно, немногое. Открыто провозглашалось, что стране нужно лишь такое представительство, которое отказалось бы от «своекорыстной борьбы за власть»[45] и свело свою роль к обсуждению предлагаемых правительством мероприятий. «Парламент, — без тени иронии писал Гурьев в «России» за 6 октября, — есть общественная говорильня и как таковой он выполняет чрезвычайно важные, можно сказать, драгоценные для каждой культурной страны функции. Функции эти выполняются лишь по поводу государственных работ, где-то вне парламента производимых». За представленным в таком «парламенте» общественным мнением отрицалось право на критику, которая «направлена против первооснов правительственной программы»,[46] а критерием работоспособности народного представительства объявлялась «способность работать в сфере законодательно возможного»,[47] разумеется, при данном правительстве. Не случайной обмолвкой, а логически закономерной формулировкой

[40] Там же, 24 августа.
[41] Там же, 13 мая.
[42] Там же, 13 июня.
[43] Там же, 9 июня.
[44] Там же, 9 декабря.
[45] Там же, 30 января.
[46] Там же, 28 сентября.
[47] Там же, 21 августа.

самой сути взаимоотношений власти и народного представительства было поэтому наименование членов этого представительства «выборными от народа служителями верховной власти самодержавного государя»,[48] возлагающего «на народных выборных новые обязанности, которые прежде плохо исполняли чиновники».[49] Не случайно поэтому и то, что «Россия» резко ополчилась против идеи создать в провинции организации, которые содействовали бы установлению «живой связи между Думой и избирателями». Хотя идея эта была выдвинута «Киевлянином», газетой правого направления, и речь шла об организациях правых, «Россия» немедленно заявила: «Всякое стремление связать направление и характер работ законодательных органов с требованиями, а тем более велениями организованных специально для этой цели народных масс, является полным непониманием... самой идеи народного представительства в России»,[50] ибо невозможно создание «правового строя там, где сегодня массовые организации вынуждают у законодательных учреждений одни решения, а завтра другие массовые организации толкают к решениям совсем другого сорта».[51]

Трактуемое таким образом народное представительство прямо противопоставлялось парламентаризму или «народоправству» западного образца. «Идея народного представительства и идея народоправства не только не тождественны, — подчеркивал Гурлянд, — но и могут, да и должны будут иметь каждая свою особую судьбу»,[52] и если, писал он, под парламентом подразумевать «такое собрание народных представителей, которое выражает собою идею народоправства», то в России нет парламента.[53]

В полном соответствии с указанными представлениями о месте народного представительства в системе государственного управления трактовалась и роль оппозиции. Журналисты «России» прошли путь от утверждений, что «бывают эпохи, когда законная оппозиция невозможна» [54] (причем к числу таких эпох явно относилась переживаемая в тот период), до теоретического «признания совершенной необходимости правой, центра и левой в архитектонике всякого представительного собрания».[55] Но в повседневной практике взаимоотношений с Думой «Россия» постоянно проводила различие между «мнимой оппозицией», которая лишь использует оппозиционные формы выступлений прежде, чем перейти к революционным, и «законной оппозицией», представители которой, «не разделяя, может быть, взглядов правительства на те

[48] Там же, 4 декабря.
[49] Там же, 1909, 10 мая.
[50] Там же, 1908, 22 февраля.
[51] Там же, 27 февраля.
[52] Там же, 9 апреля.
[53] Там же, 26 апреля.
[54] Там же, 1907, 27 мая.
[55] Там же, 1910, 7 февраля.

или другие мероприятия, на те или другие особенности политической программы, тем не менее стояли бы с правительством в одной плоскости, в плоскости, завещанной историей национальной государственности».[56] Объявляя себя сторонницей конституционного образа правления, «Россия» 28 июля 1907 г. разъясняла, что «истинные реальные конституционалисты стоят на почве действующей конституции», рассматривая, таким образом, всякую, даже легальную борьбу за изменение конституции как «неконституционность». В качестве главного признака закономерности оппозиции постоянно указывалось отсутствие стремления к власти,[57] готовность смотреть на реформы «не как на орудие борьбы за власть» [58] и способность отрешиться от «всего того, что входит в понятие так называемой партийной политики».[59] «Сейчас, — писал Гурлянд в статье от 30 июня, и это «сейчас» длилось все годы пребывания Столыпина у власти, — идет вопрос не о частностях, а об основном. Все, кто хочет бросить, наконец, политиканство, одинаково должны сознать эту особенность политического момента и объединиться, забыв нескончаемые споры». Роль большинства и оппозиции в желательном для них представительном собрании столыпинские журналисты сравнивали с ролью защитника и обвинителя в судебном процессе, стоящих на почве одного и того же закона, в то время как российская оппозиция, сетовали они, это — «отряд неприятельской армии».[60]

Итак, государство во главе с монархом, самодержавным по существу и объему своей власти и ограниченным в формах ее проявления, с наделенным диктаторскими полномочиями правительством, не зависящим от народного представительства, которое хотя и объявлялось законодательным, но фактически было призвано лишь корректировать частности определяемого правительством курса, и в котором терпима была лишь оппозиция, не стремящаяся к власти, — таков идеал «великой России» в представлении Столыпина и его окружения. Третьеиюньский переворот должен был привести избирательную систему в соответствие с этим идеалом и оставить за пределами Думы элементы, не укладывавшиеся в понятие «закономерной оппозиции». Столыпинский официоз подчеркивал, что новый избирательный закон преследует цель устранить от участия в выборах «наименее просвещенную часть населения» — пролетариат и представителей «мелких и бессильных народностей» [61] — и обеспечить большинство в Думе для «соли земли» — «обладателей наиболее крупных интересов в государстве: землевладельцев и промышленников».[62]

[56] Там же, 1907, 9 июня.
[57] Там же, 16 февраля.
[58] Там же, 12 августа.
[59] Там же, 28 июня.
[60] Там же, 1 декабря.
[61] Там же, 7 июня.
[62] Там же, 9 июня.

Как уже говорилось, центральное место в столыпинской программе реформ отводилось аграрному вопросу. Массовое революционное движение крестьян в 1906 г. вынуждало правительство спешно предпринимать шаги, которые если не вели к реальному уменьшению крестьянского малоземелья, то хотя бы выглядели как меры в этом направлении. Уже летом 1906 г. в чрезвычайно-указном порядке (по ст. 87 Основных законов) были проведены указы о продаже крестьянам казенных земель в Европейской России и о передаче для образования переселенческих участков кабинетских земель на Алтае. Вслед за тем 9 и 15 ноября также по ст. 87 были опубликованы указы об «облегчении выхода из общины» и о праве залога надельных земель, положившие начало столыпинской ломке общины. Еще до того указом 5 октября 1906 г. с крестьян были сняты некоторые правовые ограничения, ставившие их в неравноправное положение при поступлении в учебные заведения, на государственную службу и т. п.

Следующим шагом должны были стать реформы местного управления и суда, о связи которых с аграрной реформой также уже говорилось. Не случайно в перечне дел «первостепенной государственной важности», которыми должна будет заняться II Дума, «если ныне прерванное нормальное течение законодательной жизни восстановится», реформа местного управления была поставлена Советом министров непосредственно за пересмотром законоположения о крестьянах.[63] При этом, как подчеркивалось в подписанном Столыпиным представлении Министерства внутренних дел в Совет министров 7 января 1907 г., «реформа местного управления если не всецело, то в весьма многих отношениях является не только деловой, но и политической реформой. Едва ли не ясно, что и ныне переживаемая нашим отечеством эпоха коренных изменений государственного строя не является достаточно благоприятной для более или менее законченных работ по преобразованию местного строя. Но, с другой стороны, именно эти особенности времени выдвигают с особенной остротой и на первый план необходимость незамедлительного согласования всех существующих в местном управлении распорядков с теми новыми принципами и стремлениями, которые легли в основу вышеуказанных коренных изменений».[64]

Внесенные Столыпиным на рассмотрение Совета министров проекты предусматривали реорганизацию как системы местного самоуправления (земства), так и административного управления. Главным в проекте земской реформы была ликвидация сословного управления крестьян и создание последовательной цепи бессословных организаций — сельских, волостных, участковых, уездных и губернских. В проекте отмечалось, что «сословная группировка населения России представляет из себя нечто определенное лишь в тех своих частях, где ее деления совпадают с реальными различиями отдельных классовых элементов, оставаясь за этими пределами чисто фиктивной величиной». Поэтому вместо сословного принципа Министерство предлагало положить в основу земской системы принцип имущественный.[65]

[63] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 4, л. 194.
[64] Там же, оп. 3, д. 18, л. 41.

Низшей ячейкой системы местного самоуправления предполагалось сделать сельское общество (округ), включавшее в себя земли как общинные, так и частновладельческие. Однако земли помещиков не включались в состав сельского общества, чтобы на них не была переложена вся тяжесть местных сборов. Земельным владениям, составляющим более половины полного земского ценза (т. е. свыше 7500 руб. оценочной стоимости), предоставлялся статут самостоятельных сельских округов.

Следующую ступень составляла волость, охватывающая сплошную территорию, которая включала в себя сельские общества и частные владения, имеющие статут сельских округов. Во главе волости ставился выборный распорядительный орган. Число членов его определялось числом полных земских цензов в волости, причем владельцы полноцензовых имений тем самым являлись членами волостного распорядительного органа. За волостью сохранялось ее прежнее положение не только (и не столько) хозяйственной, но и административной единицы, несущей на себе бремя полицейских функций. Главное в реформе волости заключалось в том, что в ее состав включались теперь не только крестьянские, но и помещичьи земли, на которые соответственно перекладывалась часть волостных денежных повинностей. Однако интересы помещиков охранялись предоставлением им прав членов волостного выборного органа без выборов в силу владения полноцензовым имением.

Хотя во вступительной части представления МВД и говорилось о необходимости создать участковое земство — промежуточное между волостью и уездом — никаких разработанных предложений по этому вопросу проект не содержал, переходя непосредственно к уездному земству. Предусматривалось создание трех избирательных курий. В первую входили владельцы земельных имуществ (дворяне и недворяне), оценочной стоимостью свыше 7500 руб., во вторую — менее 7500 руб., а в третью — владельцы городских недвижимостей и торгово-промышленных предприятий. Число гласных от каждой курии зависело от общей стоимости имуществ лиц, входящих в курию, — по одному гласному на каждые 150 000 руб. оценочной стоимости. Предполагалось также расширение компетенции уездного земства. Оставаясь под контролем властей с точки зрения законности своих действий, земства освобождались от контроля с точки зрения их целесооб-

[65] Подробнее см.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 238—244.

разности, и поэтому отменялась обязательность утверждения постановлений земских собраний административной властью. Главными в проекте уездного земства были три момента: ослабление административного надзора, являвшееся уступкой либеральной оппозиции, расширение компетенции, соответствовавшее общему курсу перемещения центра тяжести местного управления из губернии в уезд и уравнение в правах частных землевладельцев недворянского происхождения с дворянами.

Значительно большие изменения предусматривались в системе административного управления. Надзор за деятельностью волостных управлений поручался особому участковому начальнику. Однако, учитывая одиозность этой фигуры, долженствовавшей заменить земского начальника, вызывавшего постоянную критику даже очень умеренных кругов, представление МВД специально подчеркивало, что «это был бы земский начальник без судебных функций, без дискреционной власти, без **сословного ценза** (подчеркнуто нами, — *В. Д.*)».[66]

Центр тяжести местного управления предполагалось перенести в уезд. Для этого необходимо было создать единую систему правительственных учреждений в уезде вместо разрозненных ведомств, подчинявшихся каждое непосредственно своему губернскому начальству. Проект МВД подвергал критике существующую практику объединения уездных властей, заключавшуюся в том, что формально председателем любых уездных коллегиальных совещаний и межведомственных комиссий являлся предводитель дворянства. «Ни по своему общественному и служебному положению, ни по своей подготовке, — говорилось в проекте, — уездные предводители не могут почитаться органами, удовлетворяющими тем требованиям, которые к ним в этом случае предъявляются».[67] Поэтому, сохраняя за уездным предводителем дворянства председательство в земском собрании и землеустроительной комиссии, попечительство над народными училищами и заведование сословными дворянскими делами, Министерство предлагало освободить их от остальных функций и поставить во главе уезда должностное лицо, обладающее по отношению ко всем уездным правительственным учреждениям такой же полнотой власти, какой обладает губернатор в масштабе губернии.

Значительно расширялись полномочия губернатора. Во-первых, ему в качестве постоянного права, а не в силу положения об усиленной охране, как это было до сих пор, разрешалось издавать обязательные постановления для предупреждения нарушений общественного спокойствия и государственного порядка. Во-вторых, он получал по существу полный контроль над деятельностью учреждений всех министерств в губернии, не будучи обязанным получать предписания от всех этих министерств и отчитываться перед ними. В-третьих, он получал право присутствовать на заседаниях земских собраний и городских дум и быть в них выслушанным по первому своему требованию.

[66] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 63, л. 6.
[67] Там же, л. 7.

Наиболее важным моментом в задуманной Столыпиным реформе административного управления на местах была, разумеется, замена выбираемого местным дворянством уездного предводителя назначаемым правительственным чиновником в качестве главы уезда. Это еще больше увеличивало самостоятельность бюрократического аппарата. В том же направлении шла и замена земского начальника дворянина участковым начальником без сословного ценза.

При обсуждении представленных им «главных начал» устройства местного и губернского управления Столыпину уже в Совете министров пришлось столкнуться с оппозицией коллег по кабинету, недовольных подчинением их учреждений на местах представителю Министерства внутренних дел.

Но наиболее существенные изменения были внесены в целях сохранения привилегий дворянства. Идея создания сельских обществ (округов) была вообще отброшена, и низшей ступенью управления сделана волость. Предположено было лишь выделить из волости в случае необходимости поселки с некрестьянским населением (дачные поселки, при железнодорожных станциях, и т. п.) и предоставить им самоуправление упрощенного городского типа. Министерству внутренних дел было рекомендовано изменить предложенную им систему выборов в земские собрания: установить размер минимального ценза, дающего право быть избранным в волостное собрание (а оттуда и в уездное земство), в 750 руб. оценочной стоимости вместо 150 руб. по проекту и проводить выборы гласных уездного земства отдельно волостными собраниями, собраниями землевладельцев, обладающих участками не менее $^1/_2$ полного земского ценза и городскими думами. Такое распределение избирателей по куриям в большей степени отделяло помещиков-дворян от сельской буржуазии.

Чтобы еще больше защитить интересы дворянского землевладения, Совет министров высказал сомнение в целесообразности устанавливать имущественный ценз вместо земельного. Дело заключалось в том, что земская оценка дворянских имений была обычно занижена по сравнению с оценкой промышленных предприятий и городских недвижимостей, а проект МВД, как указывалось, распределял число гласных между куриями пропорционально количеству цензов, падающих на каждую курию по оценочной стоимости имуществ. Поскольку окончательного решения о характере ценза не было вынесено, Совет министров специально оговорил в своем журнале, что «во всяком случае элемент землевладельческий... не должен в будущем земстве быть отодвинут

на последний план»[68] и что поэтому установленная в проекте квота — не менее трех гласных от землевладельцев в составе уездного земства — должна быть увеличена до 1/4 состава гласных.

Недовольство министров вызвало и стремление Столыпина сделать главу уезда независимым от местного дворянства, передав эту роль от дворянского предводителя назначаемому чиновнику. Они записали в журнале Совета, что «умаление значения должности предводителя дворянства было бы выражением как бы недоверия к дворянскому сословию, не вызываемому действительным поведением дворянства, оставшегося верным своим заветам и по-прежнему представляющего оплот порядка в ныне переживаемую империею тяжелую пору».[69] Поэтому Совет министров предложил считать совмещение должностей начальника уезда и уездного предводителя хотя и не обязательным, но желательным и специально оговорить это в проекте.

Значительная часть замечаний Совета министров была учтена Министерством внутренних дел, и переработанные проекты поселкового, волостного и уездного управления были внесены во II Думу 20 февраля, а проект губернского управления 10 марта 1907 г.

К плану реорганизации местного управления непосредственно примыкал проект реформы местного суда, построенный на тех же принципах и преследовавший те же цели. Действовавшая в России система местной юстиции, как она сложилась после контрреформы 1889 г., как и система местного управления, носила ярко выраженный сословный характер. Дела, касавшиеся конфликтов между крестьянами, подлежали юрисдикции сословного волостного суда, действовавшего на основе не писаного права, а толкуемого вкривь и вкось «обычая» и, главное, находившегося в полной зависимости от земского начальника. В составленной в 1906 г. объяснительной записке само Министерство юстиции вынуждено было дать убийственную характеристику системы «правосудия» над крестьянами. «Правовая и экономическая приниженность волостных судей, — говорилось в записке, — ставит их в зависимость от каждого власть имущего или даже просто зажиточного лица, начиная с земского начальника и кончая урядником и местным кулаком, зависимость же волостных судей от земского начальника полнейшая».[70] Составители записки отмечали широкое применение земскими начальниками при решении дел «личного усмотрения», имевшего отчетливую классовую и политическую направленность. «Многие земские начальники усвоили себе даже такой взгляд на закон 12 июня 1889 г., что он имеет целью „обуздание“ и „дисциплинирование“ крестьянского населения и восстановление особого поместного значения дворян-землевладельцев», — с невинным видом писали авторы записки, «забывая», что такой и была цель контрреформ Александра III.

[68] На полях журнала возле этой фразы Николай написал: «Напротив».
[69] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 63, л. 106.
[70] Там же, д. 77, л. 15, 16.

Так же как и с местной реформой, мысль о необходимости перестройки низшего звена судебной системы была высказана еще до революции. Но первый вариант реформы местного суда был разработан лишь к весне 1906 г. Проект восстанавливал введенный в 1864 г. и отмененный в период контрреформ институт мирового суда. Министерство юстиции явно склонялось к идее коронных судей, назначаемых сверху, якобы, чтобы обеспечить их независимость от местного населения, а фактически чтобы сделать их зависимыми от себя, но с сожалением было вынуждено отказаться от этой мысли, поскольку не считало возможным найти достаточное число кандидатов. Поэтому восстанавливалась выборность мировых судей, желательно с высшим (но не обязательно с юридическим) образованием, владеющих земским цензом оценочной стоимостью не ниже 7500 руб. (в столицах — 15 000 руб.). Министерство выступало против введения коллегиального суда, так как в этом случае присяжными в нем оказались бы крестьяне, что считалось недопустимым.[71]

С приходом Столыпина к власти работа над судебной реформой была ускорена. Указом 5 октября 1906 г. вместе с рядом других правоограничений крестьян — паспортных, в поступлении на гражданскую службу и т. п. — были отменены и «особые правила о наказуемости сельских обывателей» за проступки, которые не считались уголовными преступлениями по общегражданскому кодексу. Это была лишь незначительная часть сословных ограничений крестьян в области права, «однако, — подчеркивалось в представлении Министерства внутренних дел, — упразднение тех особенностей правового положения сельских обывателей, которые тесно связаны с особым строем их учреждений, как административных, так и судебных, возможно только совместно с коренным преобразованием этих учреждений и заменою их иными установлениями суда и управления».[72] Новый проект судебной реформы, рассмотренный и утвержденный Советом министров 19 и 23 января 1907 г.,[73] т. е. сразу же после местной реформы, в общем совпадал с проектом 1906 г., но в соответствии с духом времени был переделан в еще более недемократический. В нем повышался возрастной ценз мировых судей (с 21 до 25 лет), вводилась статья, предусматривавшая судопроизводство исключительно на русском языке, разрешалось избирать в судьи лиц без высшего образования, если такое лицо обладало двойным имущественным цензом, а в качестве кассационной инстанции вместо уездного съезда мировых судей создавалось уездное отделение окружного суда из тех же судей, но под председательством назначаемого правительством члена окружного суда.[74]

[71] Там же, л. 142—144.
[72] Там же, д. 17, л. 1—6.
[73] Там же, оп. 20, д. 7, л. 174—182.
[74] Там же, оп. 2, д. 77, л. 441, 446, 448, 463.

Как и проект организации местного управления, проект судебной реформы предусматривал целый ряд мер, направленных на сохранение определенных преимуществ за поместным дворянством: практически мировым судьей мог стать помещик или чиновник (в случае если не найдется выборного судьи и будет назначен коронный), новый суд оставался далеким от крестьянина, отчетливо классовым по своему характеру. Но при всем том ликвидация сословных ограничений в суде, распространение на крестьян общегражданского законодательства означали удар по всей сословной организации и психологии в стране, шаг в сторону укрепления буржуазных отношений. Особенное значение реформа суда, и в этом была ценность ее для Столыпина и ее роль в общей столыпинской политике, имела для «крепкого крестьянина», конфликты которого с общинным миром подлежали впредь рассмотрению не в волостном суде, где обычай мог обернуться против него, а в мировом, где на его защиту вставал закон, охранявший священную частную собственность.

Важное место в столыпинской программе занимал вероисповедный вопрос, поднятый также еще в предреволюционные годы. В указе 12 декабря 1904 г. было обещано устранение стеснений в правах «раскольников» (т. е. старообрядцев) и сокращение ограничений инородцев. Практически, однако, был проведен в жизнь только весьма ограниченный указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому отпадения от православия в другую христианскую веру больше не преследовались по закону, разрешалось вернуться к нехристианству тем, чьи предки были крещены насильственно и кто в действительности только числился православным, предоставлялось право преподавания закона божия инославных (христианских) вероисповеданий на родном языке и отменялась часть стеснений старообрядцев — им разрешалось строить и открывать молитвенные дома и совершать духовные требы, а их духовные лица освобождались от воинской службы.

Летом 1906 г., когда Д. Ф. Трепов в ходе переговоров с П. Н. Милюковым соглашался на принцип принудительного отчуждения помещичьих земель (как и С. Ю. Витте в апреле того же года), Министерство внутренних дел проявило готовность ради спасения главного — монархического режима — пойти на большие уступки в вероисповедных вопросах, жертвуя интересами церковной иерархии. Вообще, как вспоминал В. Н. Коковцов, в правительстве Горемыкина Столыпин был самым решительным сторонником «идеи полной готовности правительства идти навстречу новым течениям, если только они не находятся в непримиримом несогласии с только что дарованными России Основными законами и обеспеченными ими прерогативами верховной власти».[75] В подписанном Столыпиным представлении от

[75] Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг., т. I. Париж, 1936, с. 183.

16 июня Министерство внутренних дел заявляло о приемлемости для него всех основных мероприятий по осуществлению свободы совести — провозглашения права на бесконфессиональное состояние, введения гражданского брака и метрификации, предоставления всем вероучениям свободы проповеди и другой деятельности (создание молитвенных домов, монастырей и т. п.), отмены административных ограждений твердости в православной вере.[76]

Зимой 1907 г. в результате общего изменения ситуации в стране «радикализм» Столыпина в вопросах веры значительно поуменьшился. Тем не менее в феврале Министерство внутренних дел провело через Совет министров целую группу законопроектов о вероисповедных реформах. Эти проекты вызвали резкое недовольство Синода, считавшего, что они нарушают обязанность правительства «неизменно стоять на страже прав и преимуществ православной церкви, как господствующей в государстве».[77] Несмотря на возражения обер-прокурора Синода П. П. Извольского, некоторое время отказывавшегося подписать журнал Совета министров,[78] и занимавших в кабинете крайне правый фланг И. К. Шауфуса и П. Х. Шванебаха, Совет министров с разрешения Николая позволил МВД внести вероисповедные законы во II Думу.

Проект об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое, начинался с признания, что существующее законодательство «не может быть признано совершенно свободным от излишних в этом отношении ограничений и стеснений» и что «основным требованием, вытекающим из понятия свободы совести, является предоставление каждому достигшему известного возраста лицу избирать ту веру, которая наиболее соответствует его взглядам и убеждениям».[79] Однако теперь МВД уже выступало против признания права на бесконфессиональное состояние, поскольку, де, «едва ли может быть более нежелательный элемент в государстве, как подданный без религии, этого главного устоя нравственности». Соответственно не было уже и речи о гражданском браке и метрификации. Точно так же проект не предусматривал права перехода в нехристианство, хотя и отменял кары за такой переход.

Законопроект об отношении государства к отдельным вероисповеданиям строился на тезисах о том, что, во-первых, провозглашение свободы совести не означает отделения церкви от государства, поскольку, «являясь одним из главных устоев, на которых покоится государственная и общественная жизнь, — религия

[76] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 12, л. 9—12.
[77] Там же, л. 38.
[78] Там же, л. 285. — Извольский, возможно, «за компанию» со своим братом, министром иностранных дел, пользовался репутацией «левого» и чуть ли не кадета. Но в церковных вопросах он все время выступал против курса Столыпина справа.
[79] ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 40, л. 23, 27—29.

должна быть охраняема как ценный интерес всего государственного объединения», и, во-вторых, «за православной церковью должно сохраниться первенствующее и господствующее положение, тем более что таковое признано Основными законами, изменение коих и не входит в компетенцию Государственного совета и Государственной думы».[80] Но МВД считало нужным расширить права существовавших в России церквей и предоставить свободу проповеди «всем признанным в империи вероисповеданиям, а в том числе и старообрядчеству, и отпавшим от православия сектам», поскольку «стремление к проповеди своей веры является... неизбежным последствием убеждения в ее истинности».[81] Правда, тут же делалась оговорка, что такая проповедь не должна быть направлена против православия и за публичное совращение из православия следует сохранить уголовное наказание (непубличное совращение признавалось ненаказуемым). Особым законопроектом предусматривалась отмена разного рода политических и гражданских ограничений, связанных с принадлежностью к нелоялось на евреев, поляков (прежде всего в области землевладения) и иезуитов.[82]

Особым проектом регулировалось и законодательство о старообрядческих и сектантских общинах. Старообрядцы, которых больше не называли раскольниками, получали право «свободного исповедания их веры и отправления религиозных обрядов по правилам их вероучений, а также образования... религиозных общин» по заявлению, подписанному не менее чем 50 лицами, сооружения храмов и скитов с разрешения губернатора, избрания своих духовных лиц, которые «могут пользоваться соответствующим старообрядческим наименованием» (аналогичным православным), употреблять церковное облачение и монашеское одеяние. Несмотря на провозглашенное в проекте об отношении к отдельным вероисповеданиям право проповеди, правила о старообрядческих общинах говорили лишь о праве исповедания веры, а не ее проповедания.[83]

Наконец, законопроект об изменении семейных прав снимал ряд ограничений, связанных со смешанными браками.

При всей ограниченности вероисповедных проектов, оставлявших незатронутыми основы союза самодержавия с православной церковью, они позволяли правительству проводить в своей церковной политике более гибкую линию и были важны для него во многих отношениях. Отмена ряда ограничений инославных церквей, легализация перехода из православия в другие христианские веры и облегчение смешанных браков давали возможность смягчить остроту религиозной борьбы в западных губерниях, облегчали, как уже отмечалось, задачу привлечения на сторону правительства крестьян из числа униатов и старообрядцев. Старообрядческий законопроект был важен и для налаживания взаимоотношений правительства с московской и провинциальной буржуазией, почти все крупнейшие экономические и политические лидеры которой были старообрядцами (сами или по происхождению).

Все перечисленные выше проекты были унаследованы Столыпиным в той или иной стадии разработки от его предшественников. Но, увязанные с созданием Государственной думы и с аграрной реформой, на рубеже 1906—1907 гг. эти законопроекты приобрели в рамках столыпинского «пакета реформ» известную систематичность и стройность нового бонапартистского курса, в котором нашли отражение две главные особенности столыпинской политики: стремление создать и упрочить новую социальную опору самодержавия в лице сельской буржуазии, которой делались уступки в экономической и политической области, стремление расширить поле для маневра и лавирования между поместным дворянством и буржуазией и отчетливо выраженное желание укрепить, сделать более независимой, более действенной и оперативной государственную бюрократическую машину.

Центральное место в столыпинском «пакете» занимал проект местной реформы. Подобно тому как в общенациональном масштабе царизм пошел на создание представительного органа помещиков и буржуазии, в местном самоуправлении делалась попытка превратить земства в орган поместного дворянства и сельской буржуазии. Принципиальная разница заключалась, однако, в том, что в Думе к представительству допускалась реально существовавшая и экономически могущественная промышленная и торговая буржуазия, а в земстве должна была быть представлена частновладельческая (не входящая в общину) крестьянская буржуазия, которую как массовую социальную группу еще в значительной степени предстояло создать в процессе ломки общины. Успех или неуспех местной реформы ставился, следовательно, независимо от сопротивления поместного дворянства в прямую связь с удачей или неудачей столыпинской аграрной политики. Необходимо отметить также еще одно обстоятельство: признав, что существующая система управления неэффективна с точки зрения интересов самого царизма, бюрократия оказывалась неспособной не только осуществить, но хотя бы предложить достаточно действенные и соответствовавшие эпохе меры, направленные на усовершенствование этой системы. Не случайно в качестве «нового слова» в устройстве уездного земства и местного суда собирались восстановить принцип реформ 1864 г., многие идеи реорганизации уездного административного управления восходили к 80-м гг. XIX в.

---

[80] Там же, д. 41, л. 47.
[81] Там же, л. 48.
[82] Там же, л. 184—189.
[83] Там же, л. 210—214. — Правила были 17 октября 1906 г. проведены по ст. 87 и переданы в Думу для превращения в постоянно действующий закон.

Глава II

ОКТЯБРИСТЫ И ЛИБЕРАЛЫ О СУЩНОСТИ ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Переворот 3 июня поставил октябристов и кадетов перед необходимостью определить свое отношение к нему и к перспективам развития третьеиюньской системы. Позиция октябристов была предопределена. Еще с лета 1906 г. они связали себя с политикой Столыпина, публично одобрив не только обещанные им реформы, но и осуществляемое им «успокоение». «Наши политические группировки, — заявлял лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков, — определяются в настоящий момент не столько внутренним содержанием партий, их задачами и программами, сколько внешним фактом того или другого отношения к революции, к революционному способу борьбы. Революция, а не правительство является помехой к обновлению нашего отечества. Я не только считаю политику репрессий по отношению к революционному террору совместимой с вполне либеральной, даже радикальной общей политикой, но я держусь того мнения, что они тесно между собой связаны».[1]

Выражая интересы той части буржуазии, которая, по выражению В. И. Ленина, удовлетворилась «бумажной конституцией»,[2] и той части помещиков, которые, понимая необходимость минимума преобразований государственного строя и социального облика России, были заинтересованы, чтобы этот минимум преобразований не затронул их интересы, октябристы, как бы ни пугал и ни шокировал некоторых из них «бесстыжий» характер 3-июньского переворота, неизбежно должны были одобрить действия правительства. В заявлении ЦК «Союза 17 октября», принятом сразу же после Манифеста 3 июня, столыпинский переворот был назван «прискорбной необходимостью»,[3] а несколькими днями позже Гучков охарактеризовал его уже как акт «государственной необходимости».[4] Одобрение практической деятельности

[1] Московский еженедельник, 1906, № 27—28, с. 1512.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 396.
[3] Голос Москвы, 1907, Прибавление к № 129, 4 июня.
[4] Там же, № 139, 9 июня.

власти сочеталось с поддержкой октябристами и тех «теоретических» построений о существе государственного строя и происхождении российской конституции, которые выставлялись столыпинской пропагандой в качестве обоснования законности его действий. В унисон с официозной печатью октябристы заявляли, что Манифест 17 октября «есть добровольный акт отречения монарха от прав неограниченности», который тем не менее не влечет за собой «какого-нибудь умаления царевой власти»,[5] и что изменение государственного строя есть исключительная прерогатива монарха. Вместе со столыпинскими публицистами «Голос Москвы» настаивал на необходимости исходить не из «формального государственного права», а из «реальной русской государственности», и ставить целью деятельности политических партий и Думы «не изменение существующего государственного строя, а удовлетворение назревших и неотложных нужд страны».[6]

В споре с кадетами о характере третьеиюньского режима октябристы делали акцент на «исторических» элементах, унаследованных от дореволюционного периода, и в согласии с такого рода логикой не видели ничего незаконного в изменении правительством избирательного закона «в стремлении получить такое народное представительство, с которым можно было бы сообща и в согласии начать положительную законодательную работу без риска государственных потрясений». Но как ни малоконституционна была такая теория, провозглашающая право правительства искусственно фабриковать состав Думы, с которым ему удобно было бы срабатываться, как ни антиисторично было думать, будто устранение разногласий между правительством и им же подтасованной Думой равнозначно снятию «риска государственных потрясений», октябристы — и здесь проходила граница между ними и правыми — понимали, что «обычные средства, коими доселе располагала монархическая власть в России, исчерпаны. Сила и благосостояние России (разумеется, желательной для октябристов России, — *В. Д.*) зависят теперь от того, удастся или не удастся монарху создать около себя организованную поддержку народа в виде Государственной думы».[7]

Принужденные в ходе полемики расшифровать, какой конкретный смысл вкладывают они в понятие «народ», октябристские публицисты должны были признать, что они не рассчитывают на поддержку ни интеллигенции, ни рабочих и крестьян. Социальной опорой октябризма признавались буржуазные и помещичьи слои, причем главным принципом программы и тактики партии провозглашалась общность интересов этих классов, «испугавшихся грозного роста анархии и жаждавших скорейшего

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая, ч. I. СПб., 1908, стб. 137.
[6] Голос Москвы, 1907, 12 июля.
[7] Там же, 1907, 22 сентября.

наступления нормальных форм жизни».[8] Обоснование союза буржуазии и помещиков общим страхом перед революцией показалось, однако, неполным и неудобным редакции «Голоса Москвы», вернувшейся вскоре к этой же теме под другим углом зрения. Теперь побудительным мотивом союза объявлялась необходимость добиться упрочения конституционного строя. Поскольку «сама по себе буржуазия недостаточно сильна, чтобы успешно воздействовать на власть», ей нужны союзники, причем естественными союзниками являются, как писал «Голос Москвы», «другие экономические классы, связанные с нею непосредственным участием в хозяйственной жизни», т. е. землевладельцы.[9]

Одну из основ тактической платформы октябризма составляло нежелание создавать (а при возникновении их — обострять) разногласия с властью. Даже левый октябрист А. В. Бобрищев-Пушкин писал, что «оппозицией для оппозиции октябристы никогда не были и не будут»,[10] а левооктябристский «Голос Москвы» выставлял в качестве особой заслуги III Думы и ее «руководящего центра», т. е. своей фракции, «щепетильную лояльность».[11] Поэтому даже тогда, когда разногласия между правительством и октябристским центром Думы становились очевидными, «Голос Москвы» пытался изобразить дело так, будто правительство «преследует именно тот путь, который указывался Думой. Разногласие — только в скорости перехода на него, только во времени».[12]

В первый период после 3 июня октябристы оптимистически оценивали перспективы развития страны в желательном для них направлении. С одной стороны, они рассчитывали на успех карательной политики Столыпина. Уже в феврале 1908 г. Гучков счел возможным выразить в Думе уверенность в том, «что мы быстро идем на пути к успокоению и умиротворению внутреннему».[13] С другой стороны, они надеялись преодолеть сопротивление столыпинскому курсу крайне правых, которые «могут еще, пожалуй, торжествовать частичные победы, но победить вообще не могут».[14] Наконец, октябристов не оставляла надежда и на то, что сами они со временем займут более прочные позиции в своих отношениях с кабинетом.

В целом, однако, октябристы довольно мало писали и говорили на такие «отвлеченные темы», как оценка сущности третьеиюньской системы и перспектив ее развития. Дело заключалось не столько в несомненной беззаботности и слабости их по части теории, сколько в невозможности программных заявлений для «партии последнего правительственного распоряжения». К тому

[8] Там же, 1908, 30 декабря.
[9] Там же, 1909, 17 января.
[10] Там же, 1908, 31 мая.
[11] Там же, 1 июля.
[12] Там же, 4 мая.
[13] Государственная дума... Сессия I, ч. II, стб. 104—105.
[14] Голос Москвы, 1907, 22 декабря.

же всякое изложение «исповедания веры» грозило внести раскол в ряды октябристов, о которых один из их собственных лидеров — Еропкин — высказывался следующим образом: «Я не скажу, чтобы этих людей связывало между собой какое-нибудь идейное, бесспорное и безусловное политическое credo. Наоборот, скорее отсутствие этого credo и является тем цементом, который сдерживает границы столь многочисленной фракции».[15]

Реакция кадетов на 3 июня также была предопределена, поскольку они не могли одобрить переворот, нарушавший их представления о развитии России в сторону конституционной монархии и лишавший их надежд на сохранение большинства в Думе, избираемой по новому закону. Именно так рассматривала переворот «Речь», когда в передовой статье оценила его как «катастрофу, крушение надежд, перерыв в юридической непрерывности правового сознания общества».[16] Но эта оценка не давала ответа на вопрос, что же такое государственный строй России после 3 июня, каковы перспективы ее развития и какой должна быть роль кадетской партии. Такой ответ надо было дать и своим собственным сторонникам, и политическим противникам, причем теоретический ответ приходилось давать с оглядкой на практические потребности партии. Это обстоятельство особенно отчетливо сказывалось на позиции Милюкова, всегда подчеркнуто склонявшегося к прагматическому мышлению.

Существо спора между кадетами и октябристами о характере третьеиюньского режима состояло в трактовке понятия конституционной монархии. Если октябристы писали о «современном историческом государстве», сочетающем в себе конституционализм с неограниченной властью монарха, то Милюков разделял «современное» конституционное государство и «историческую» неограниченную монархию. Признавая, что в реальной действительности грани между этими категориями могут быть стертыми, Милюков настаивал на юридическом различии категорий и отрицал право монарха на одностороннее изменение конституции. Этот тезис Милюков не уставал повторять, пользуясь любым подходящим поводом. «Манифест 17 октября и основные законы, несмотря на их фактическое нарушение 3 июня, все еще сохраняют свою юридическую силу», — говорил он на Гельсингфорсском съезде партии в октябре 1907 г.,[17] а вслед за тем в первых же общих прениях в Думе повторил, что с точки зрения кадетов Манифест 17 октября отменил неограниченную власть монарха.[18] Весной 1908 г., выйдя на трибуну сразу после знаменитой фразы Коковцова «у нас парламента, слава богу, еще нет», Милюков немедленно парировал: «Я полагаю, что Дума и есть

[15] Русские ведомости, 1909, 13 марта.
[16] Речь, 1907, 7 июня.
[17] Вестник народной свободы, 1907, № 43—44, с. 1835.
[18] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 144.

парламент, и только те могут утверждать обратное, кто вслед за этим может повторить — „слава богу, что у нас нет конституции“... Я лично должен сказать: „слава богу, у нас есть конституция“».[19]

Позднее, в эмиграции, Милюков писал, что на деле никакой конституции в России не было, и выдвигавшийся им тезис был не юридической интерпретацией действительности, а средством в политической борьбе.[20] При этом тезис о конституционности режима был направлен как против легитимистской реакции, так и против левых.

В большой степени против оппонентов слева была направлена статья, в которой Милюков, заключая дискуссию о «современном» и «историческом» государстве, давал ответ на вопрос, какой же должна быть тактическая линия кадетов (и — подразумевалось — всех оппозиционных и революционных партий) по отношению к третьеиюньской монархии. Признавая, что конституция в России существует лишь на бумаге, Милюков писал: «Вы, которые пренебрежительно относитесь к тесным рамкам бумажного документа и требуете широких, свободных форм, — наполните сперва содержанием эти тесные рамки, наденьте этот костюм и растите в нем, пока от вашего роста он не расползется по швам. Но пока вы презрительно смотрите на тесный костюм со стороны, костюм висит на вешалке и рукава у него болтаются. Вы уже дали ему обвиснуть и съежиться; не давайте хоть спрятать его в шкаф за ненадобностью. Лучше померяйте и решитесь начать носить: может быть, вы найдете в нем неожиданные удобства».[21]

В первое время после третьеиюньского переворота кадетское руководство, несмотря на все разочарование из-за неблагоприятного поворота событий, все же рассчитывало на то, что новая Дума и ее октябристский центр сыграют положительную роль в конституционном развитии России. В передовой статье «Речи», посвященной открытию Думы и написанной скорее всего Милюковым, выражалась надежда, что депутаты думского большинства «сумеют хоть сколько-нибудь оценить государственное значение той идеи, которую они воплощают как представители русского народа, а не как представители привилегированных, облюбованных правительством классов».[22] Редакторы «Речи», в общем следившие за совпадением всех материалов газеты с их линией, допустили на ее страницы близкого к Струве Г. И. Штильмана, писавшего, что III Дума способна сыграть большую роль в деле реорганизации России, ибо «европейская жизнь дала... не один образец постепенного превращения конституционной формы

[19] Там же, ч. II, стб. 2000.
[20] Современные записки, т. 41. Париж, 1930, с. 362.
[21] Речь, 1907, 17 августа.
[22] Там же, 1907, 1 ноября.

в конституционную сущность».[23] Сходные взгляды высказывали и «Русские ведомости», передовицы которых чаще всего принадлежали ближайшему единомышленнику Милюкова Ф. Ф. Кокошкину. В новогодней передовице газета высказывала надежду, что «старое, как оно ни упирается..., должно будет в конце концов уступить и примириться с неизбежным, хотя и нежелательным ему новым».[24]

В наиболее развернутом виде позиция кадетского руководства была изложена в статьях Д. Д Протопопова, И. И. Петрункевича и Ф. Ф. Кокошкина. Протопопов начал свою статью с констатации того, что действительность резко отличается от той картины будущего, которую столь недавно рисовали себе либералы. Тем не менее он считал, что Россия вступила в стадию европеизации, «пришествия... европейского буржуазно-демократического строя жизни со всеми его положительными и отрицательными сторонами», и что «Дума, именно в меру своей обыденности и подобия сильнейшим в стране классам, будет, несомненно, пускать корни, крепнуть и все более становиться предметом первой политической необходимости».[25] Почти дословно такой же прогноз повторялся и Петрункевичем. «Третья Дума, — предсказывал он, — благодаря своему узко-сословному составу не возбуждает в широких кругах населения ни симпатий, ни надежды... И тем не менее мы полагаем, именно этой Думе... предстоит, вопреки ее намерениям и желаниям, выполнить задачу укрепления конституционного строя».[26]

Статья Кокошкина, видимо, в наибольшей степени отражала взгляды милюковского ядра кадетского руководства (в то время как Протопопов и Петрункевич были несколько правее этого ядра). Кокошкин начал с возражений тем праволиберальным идеологам, которые спешили отречься от «увлечений» революционного периода и видели в «чрезмерности» требований революции причину реакции. «Так называемые „увлечения“ освободительного движения 1904—1905 гг. были не только психологически неизбежны, но и исторически необходимы, — подчеркивал он. — Те политические мудрецы задним числом, которые так сурово осуждают их теперь, забывают, что без той горячей веры и надежды, которые охватили страну три года назад, нельзя было бы достигнуть и того, что было достигнуто». Кокошкин предсказывал кратковременность торжества реакции, не имеющей, на его взгляд, опоры ни в дворянстве, ни в буржуазии, и выражал веру в «новый подъем общественного движения». При этом он утверждал, что нового революционного взрыва не будет,

[23] Там же, 1907, 9 и 19 декабря.
[24] Русские ведомости, 1908, 1 января.
[25] Русская мысль, 1908, № 4, с. 1—7.
[26] Зарницы, сб. 1. 1908, с. 71.

поскольку «поворот произойдет ранее, чем созреет широкое народное движение и даст предупредить это последнее».[27]

Рамки официального партийного оптимизма, базирующегося на общих рассуждениях о необратимости исторического процесса и упованиях, что в следующий раз реформы, авось, опередят революцию, были тесны для правого крыла кадетов, пересматривавшего в это время многие положения партийной платформы. В оценке третьеиюньской России и ее перспектив правые кадеты шли в общем в том же направлении, что и руководство партии, но заходили в своих построениях гораздо дальше. Почти всеобщим в их оценке наступившего периода было убеждение в окончательности (или во всяком случае долговременности) поражения революции. «Русская революция кончилась..., — писал в июле 1907 г. Н. А. Бердяев, — исторического революционного действия нет и в ближайшем будущем не видится».[28] Царская власть будет «жить с народом еще долгие века», — утверждал Н. А. Гредескул[29] и призывал осенью 1908 г. кадетскую конференцию строить партийную тактику «в предположении, что революционное движение в стране кончилось».[30] Аналогичные взгляды исповедовал и лидер мирнообновленцев кн. Е. Н. Трубецкой, почти во всем солидарный с правыми кадетами. «За первой революцией в России, — пророчествовал он, — как и везде, когда-нибудь последует вторая; но это случится весьма нескоро. Новая революция может быть делом только нового поколения, не пережившего нашего революционного опыта».[31]

Однако, сходясь в отношении перспектив революции, правые либералы по-разному оценивали направление и перспективы развития политического строя послереволюционной России. Рекорды оптимизма устанавливал Гредескул. «Я решаюсь здесь утверждать, — писал он в январе 1908 г., — что мы все время неудержимо движемся к указанному „превращению“ России в конституционную монархию и что самое главное, чего нам надо было желать для этого превращения, уже имеется у нас в наличности».[32] Он полагал, что возникло «общее широкое сознание» необходимости народного представительства,[33] и потому «сейчас даже консервативные слои готовы отстаивать конституционные идеи».[34] Близок к Гредескулу был и С. А. Котляревский, писавший, что переворот 3 июня уничтожил только иллюзии, оставив то, что соответствует законам развития.[35]

[27] Там же, с. 74—75, 90.
[28] Русская мысль, 1908, № 7, с. 184. — Статья опубликована через год после ее написания.
[29] Русская мысль, 1908, № 1, с. 65.
[30] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 7, л. 15.
[31] Московский еженедельник, 1908, № 22, с. 10.
[32] Русская мысль, 1908, № 1, с. 71.
[33] Вестник народной свободы, 1908, № 2, с. 47.
[34] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 7, л. 13.
[35] Московский еженедельник, 1907, № 28, с. 13—16.

На противоположном фланге находился А. С. Изгоев, почти неизменно отличавшийся пессимистическими взглядами («мрачно-пророчествующий», как отзывалась о нем А. В. Тыркова).[36] «Всякой реформе на бумаге неизбежно соответствует чрезвычайная охрана в жизни..., — характеризовал он политику столыпинского кабинета и приходил к выводу..., — скоро придется подвести окончательные итоги попытке преобразовать самодержавную Россию в конституционно-демократическую страну. Беззаконие родит анархию, анархия усиливает беззаконие. В этом круговороте нам и предстоит теперь вертеться».[37] Осенью 1907 г., возможно по тактическим соображениям борьбы с левым крылом партии, Изгоев поддержал было официозно-партийный тезис о том, что «русская конституция, какова бы она ни была по объему, существует. 3 июня означает не отмену конституции, а нарушение ее».[38] Но уже вскоре он вернулся к своей позиции и вновь стал предсказывать, что III Дума не может «осуществить какие бы то ни было реформы, хотя бы по октябристской программе»,[39] и что «среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституции даже в формальном ее смысле».[40] Называя «истинно государственной» идею насаждения сельской буржуазии, Изгоев не верил в осуществимость задуманных Столыпиным реформ и предрекал: «Так мы и будем жить, занимая за границей деньги, до нового толчка».[41]

Большая часть правокадетских и прогрессистских лидеров склонялась все же к мнению, что Россия «вступает в фазис плохенькой и двусмысленной конституционной монархии с сильным реакционным наклоном, обычным после революционных эксцессов»,[42] в «октябристскую политическую стадию», которая должна быть «вся пройдена до конца»,[43] и что именно преобладание приемлемого для правительства право-октябристского большинства в Думе, которая тем не менее не откажется от своих законодательных функций, «создает... обстановку возможности широкого использования... конституционных прав».[44] При этом с удовлетворением утверждалось, что «*ближайшее будущее* зависит не от народных масс».[45]

[36] Дневник А. В. Тырковой. ЦГАОР СССР, ф. 629, оп. 1, д. 16, л. 35.
[37] Русская мысль, 1907, № 7, с. 170.
[38] Речь, 1907, 17 октября.
[39] Там же, 16 декабря.
[40] Русская мысль, 1907, № 11, с. 143.
[41] Там же, № 12, с. 152.
[42] Там же, 1908, № 7, с. 124.
[43] Слово, 1908, 17 июля.
[44] Там же, 1907, 18 октября.
[45] Там же, 1908, 25 июля.

Лишь некоторые представители левого крыла кадетской партии, как правило из ее провинциальных комитетов, высказывали мнение, что «новая вспышка революции неизбежна». Об этом говорил на кадетской конференции в октябре 1908 г. делегат из Риги Н. М. Вторых.[46] Еще более определенно выражался нижегородский делегат Е. М. Ещин, отмечавший, что революция «может вспыхнуть с новой силой — и даже не в очень отдаленном будущем».[47] Ту же мысль отстаивал и представитель Вильны Г. Д. Ромм: «Все данные для брожения налицо, — подчеркивал он, — жить стало не лучше, движение в недрах растет, и революционная волна двинется».[48] На конференции в мае 1909 г., видимо, тот же Ромм вновь напоминал: «История должна идти своим обычным путем, т. е. опять путем нарастания народного недовольства до нового, более сильного переворота. История Турции, Китая и даже нашей России показала уже, что без стихийных бедствий, катастроф никакие блага не даются».[49] В целом, однако, такие выступления не находили широкого отклика на кадетских конференциях, а на страницы печати и вообще, естественно, не попадали.

Хотя перспектива новой революции казалась большинству кадетов, а тем более либералам правее кадетской партии достаточно далекой, это не означало, что для них утратил актуальность вопрос об отношении к революции как способу преобразования общества. Революционный метод действий вообще, русская революция 1905—1907 гг. в частности, оказывались в глазах либеральных идеологов виновными в торжестве третьеиюньской реакции. «То, что до революции называлось либеральным и либерально-народническим „обществом“..., — подчеркивал В. И. Ленин, — заняло очевидную теперь для всех *контрреволюционную* позицию по отношению к *массовой* борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьянства».[50] При этом еще в большей степени, чем в вопросе о перспективах развития третьеиюньской монархии, сказывалась разница в позициях правого крыла либералов и руководящего ядра кадетской партии.

В. И. Ленин, подчеркивавший естественно в первую очередь общие черты идеологии и тактики либерального лагеря, неоднократно указывал на различия между правым крылом — «„вехистами“ среди либералов» и «официальными вождями и дипломатами к.-д. партии».[51] Он персонифицировал эти два течения в лице Струве и Милюкова, относя их к «*двум политическим типам* буржуазных деятелей».[52] Правое крыло кадетов, а тем более прогрессисты, представляли собой течение, которое «чувствует бессилие буржуазной *интеллигенции* и хочет переставить центр тяжести либерализма поближе к *имущим классам*»,[53] а потому «откровенно тянет к религии, к Пуришкевичам, к прямой борьбе с демократией и старается последовательно-теоретически обосновать это тяготение».[54] Милюковское ядро кадетов, испытывая то же неприятие революции, все же не шло «на службу к крупной буржуазии» и на полный разрыв с демократическим лагерем, понимая, что «упорядоченный буржуазный конституционализм», к которому стремились кадеты, «*не выйдет без нового движения масс*».[55]

Непосредственно в ходе событий 1905 г. даже правые либералы не решались выступать против принципа революции как таковой. В это время критика революционных взглядов велась в двух направлениях — во-первых, правые либералы призывали «не делать из революции кумира»,[56] во-вторых (и это было главным), они выступали против углубления революции дальше желательного для них этапа. После третьеиюньского переворота содержание и особенно тональность высказываний правых либералов против революции заметно изменились. Теперь открыто подвергалась нападению идея революции вообще, а на потерпевшую неудачу русскую революцию возлагалась вся вина за торжество реакции. Русская революционная интеллигенция, продолжавшая и после 17 октября 1905 г. выступать за вооруженное восстание и свержение царизма, утверждал Струве, «закладывала основы той реакции, в жертву которой отдана теперь страна».[57] В нападении на революцию к почти тождественным выражениям приходили и считавший себя «марксистом» А. С. Изгоев и успевший уже превратиться в мистика Н. А. Бердяев. Последний заявлял, что революция «вымогала у бога того, чего мы еще не заслужили внутренно», и объявлял социал-демократическое рабочее движение «самым большим соблазном современного человечества», ибо оно хочет заменить «хлеб небесный хлебом земным».[58] Тот же страх перед идеей социализма и рабочим движением как ее носителем лежал в основе позиции Е. Н. Трубецкого.

3 июня стало довольно заметным рубежом и в высказываниях праволиберальных политиков о народных массах, о соотношении между политикой партии и настроениями масс. В революционные

---

[46] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 7, л. 19.
[47] Там же, л. 17.
[48] Там же, л. 37.
[49] Там же, д. 8, л. 116.
[50] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 272.
[51] Там же, т. 24, с. 372—373.
[52] Там же, с. 346.
[53] Там же, т. 15, с. 387.
[54] Там же, т. 24, с. 348.
[55] Там же, т. 19, с. 181, 182.
[56] Полярная звезда, 1905, № 2, с. 142.
[57] Русская мысль, 1907, № 7, с. 174.
[58] Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907, с. 10, 71.

годы основной проблемой, волновавшей либералов, было стремление повести народные массы (в первую очередь крестьянство) за собой. При этом правые либералы открыто говорили о своем нежелании подчиняться воле народных масс, если она разойдется с их платформой. В этом отношении показательны рассуждения А. А. Кауфмана, заявлявшего, что стремление крестьян получить всю помещичью землю — «не воля, а грубые эгоистические вожделения, которые не становятся еще волей народа от того, что разделяются миллионами людей».[59] После 3 июня проблема руководства либералов в общей борьбе против старого режима потеряла для праволиберальных политиков свою актуальность, поскольку они сочли поражение революции окончательным. С тем большим рвением обрушились они на социалистические партии, обвиняя их в том, что их стремление удовлетворить чаяния народных масс привело к торжеству реакции. Объявив народные массы «большим зверем», Е. Трубецкой называл служение интересам народа «зверопоклонством»[60] и призывал отрешиться от «веры в народ».[61] С аналогичных позиций выступал и Бердяев. Он требовал разорвать «ложную и исключительную связь идеи народа с низшими, угнетенными классами населения» и «разоблачить ложь разночинно-демократического самомнения».[62]

В отличие от правого крыла либерализма официальное руководство кадетской партии, как ни глубоко чужды ему были идеи и тактика революционного движения, не забывало, что и кадеты «связаны с революционным годом как источником той внутренней силы, по инерции которой продолжается наше собственное политическое движение».[63] Руководство кадетской партии не могло и не хотело публично отрекаться от революционно-демократических традиций освободительного движения, рассчитывая, как говорил Милюков, дать этим традициям «практически осуществимое выражение, вылить политическую идеологию в осязаемую форму осуществимой политической программы».[64] Иными словами, если правые либералы хотели отмежеваться от революционно-демократического движения XIX в., то руководители кадетской партии стремились, напротив, оказаться в роли его наследников. Руководство партии постоянно исходило из необходимости, совершая маневр вправо, не отрезать себе пути к бывшим союзникам слева. Как отмечал позднее Милюков, кадетские конференции неоднократно подтверждали «свое нежелание **при данных условиях** (подчеркнуто нами, — *В. Д.*) сводить счеты с левыми без особенной к тому необходимости».[65]

Было бы неверно видеть в позиции милюковского руководства партии только маневр, рассчитанный на сохранение авторитета в массах (хотя кадеты, разумеется, не отказывались от подобных маневров, стремясь поэффектней подать свои выступления с критикой правительства), или думать, что, защищая традиции 80—90-х гг., Милюков, Родичев, Петрункевич защищали только свое участие в студенческих и земских выступлениях того периода. В их взглядах и психологии неприятие революции как средства преобразования общества сочеталось и с определенным пиететом по отношению к героическому прошлому освободительного движения XIX в., и с пониманием того, что именно революционным действиям масс они обязаны изменением государственного строя России. 17 октября 1905 г., напоминал Милюков своим думским соседям справа, «наступило не одними усилиями партии народной свободы, — а усилиями, гораздо более решительными, партий, стоящих левее».[66]

Однако лидеры партии, сосредоточив внимание на тактическом маневрировании в Думе и вне ее, редко высказывались по программным вопросам, предпочитая ограничиваться ссылкой на неизменность партийных принципов. В результате в роли идеологов либерализма на первый план выступали деятели праволиберального направления.

Среди идей, которые они выдвигали в противовес прежнему «разночинно-демократическому» мировоззрению, наиболее важной для обоснования предлагаемого ими практического поворота в политике кадетской партии и всего либерального лагеря была идея государства как надклассовой силы, чьи интересы стоят выше интересов отдельных классов. С самого начала рассуждения о высших интересах государства означали у Струве и его единомышленников подчинение внутриполитических вопросов внешнеполитическим, защиту империалистических целей царизма.

В январе 1908 г. Струве выступил с нашумевшей статьей «Великая Россия». Провозгласив, что верховный закон бытия для государства — быть могущественным внешне, Струве выступил против тенденции рассматривать внешнюю мощь России как идеал эксплуататорских классов, свойственной, по его словам, радикализму, и выдвинул тезис: «Оселком и мерилом всей т. н. внутренней политики как правительства, так и партий, должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует так наз. внешнему могуществу государства».[67]

Идеи Струве вызвали первоначально замешательство даже в рядах близких к нему по общему мировоззрению людей. По-

---

[59] Полярная звезда, 1906, № 6, с. 404.
[60] Московский еженедельник, 1907, № 22—23, с. 5—6.
[61] Там же, 1909, № 23, с. 17—18.
[62] Там же, 1907, № 42, с. 17—19.
[63] Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб., 1907, с. XI.
[64] Государственная дума... Сессия II, ч. II, стб. 1566.
[65] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 20.
[66] Государственная дума... Сессия II, ч. II, стб. 1570.
[67] Русская мысль, 1908, № 1, с. 144.

стоянный политический обозреватель «Русской мысли» В. Н. Линд посвятил один из своих обзоров рассуждениям о неправильности «затраты... сил вместо культурных целей на воображаемое усиление нашего внешнего могущества».[68] Выразил сомнение и Е. Трубецкой. Напомнив, что «внешнее могущество не есть самоцель», он отметил, что «в статье Струве остается без ответа самый главный вопрос: для чего нам нужно внешнее могущество России и во имя чего оно должно быть нам дорого».[69] Впрочем, ответа на этот вопрос не смог дать и сам Трубецкой.

Эту же проблему, чрезвычайно волновавшую либеральную интеллигенцию, пытался решить Гредескул. Указав, что государство служит объектом истинного патриотизма в нормальных условиях, он в то же время отметил существование кризисных, переходных эпох, когда становится очевидным, что государство «не есть только „наша" территория или „наш" народ, но также и „наша" власть или „наша" организация власти». Гредескул заявлял, что у кадетов есть «отечество», возвещенное Манифестом 17 октября, но основной упор делал не на его внешнем могуществе, а на внутреннем укреплении. «Патриотизм, — писал он, — имеет в России совершенно определенный и ясный смысл, и он должен быть направлен на установление в стране настоящей конституции, т. е. воплощение в жизнь полностью Манифеста 17 октября. Не больше, но и не меньше».[70] Гредескул выражал уверенность, что развитие идет именно в этом направлении, но если Струве, требуя примирения власти и народа, обращался с этим призывом прежде всего к интеллигенции, то Гредескул, напротив, писал, что «патриотическим долгом» правительства является не противиться конституционным стремлениям.[71]

Полемика вокруг «Великой России» вынудила Струве вскоре выступить устно и печатно с разъяснениями. Он, однако, принципиально отказался от рационального ответа на вопрос — во имя чего призывает он укреплять внешнее могущество России, заявив, что «государство есть существо мистическое» и желание его быть могущественным «есть все то же обнаружение его сверхразумной природы. Ибо могущество государства не есть вовсе ни сила, ни счастье составляющих его лиц». Струве недвусмысленно дал понять, чем он готов пожертвовать ради достижения внешнего могущества. «Внутри... государств, — говорил он, — над традиционным рациональным либерализмом торжествует весь проникнутый мощью государства империализм».[72]

---

[68] Там же, № 7, с. 177.
[69] Московский еженедельник, 1908, № 11, с. 6.
[70] Русская мысль, 1908, № 1, с. 64—65.
[71] Там же, с. 73.
[72] Там же, 1908, № 5, с. 187—188, 190. — Выступления Струве в защиту государства встретили одобрение столыпинской «России» (1908, 16 апреля).

Постепенно число единомышленников Струве в вопросе о государстве росло, причем резкий толчок в этом отношении дал боснийский кризис, болезненно задевший «наиболее сознательные, наиболее организованные круги либеральной буржуазии, давно уже тяготеющие к империалистской политике».[73] Отражая их настроения, «Русская мысль» с осени 1908 г. активизировала кампанию против равнодушия к внешнеполитическим проблемам, заявляя, что перед Россией стоит «вопрос об ее достоинстве и значении как державной носительницы славянской идеи».[74] Вслед за тем в эту кампанию включился «Московский еженедельник». Ранее сосредоточивший свое внимание на критике казенного черносотенного «патриотизма» Е. Трубецкой теперь счел нужным открыть огонь и по «радикалам», желающим якобы распылить нацию «во имя космополитической доктрины».[75] Трубецкой предоставил страницы своего журнала московскому миллионеру-октябристу В. П. Рябушинскому для пропаганды «любви к армии».[76] Журнал выступил также против «абсентеизма общества во внешней политике» и призвал закладывать фундамент «русского великодержавного здания».[77]

Рассуждения о надклассовой роли государства и о служении ему являлись до известной степени идеологическим обоснованием для вывода о необходимости достигнуть соглашения с правительством и с октябристами как потенциальными союзниками правительства. «Судьба России в руках правительства», — писал Изгоев и призывал кадетов на путь «последовательных компромиссов с исторически сложившейся властью» ради «законодательного осуществления... конституционного и демократического строя».[78] К достижению «более или менее сносного modus vivendi» между правительством и Думой звал и Трубецкой, подчеркивавший, что только октябристская программа-минимум может считаться в данный момент осуществимой и только октябристы могут обеспечить этот modus vivendi,[79] а А. А. Кизеветтер даже летом 1908 г. призывал Столыпина последовать примеру английских консерваторов, которые «в периоды политического затишья... не раз осуществляли те самые реформы, которые были выдвинуты радикалами в период политического брожения».[80] Все эти выступления вытекали из того настроения праволиберальных кругов, суть коего уже в начале послеиюньского периода сформулировал В. И. Ленин: «Соглашения с короной не

---

[73] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 371.
[74] Русская мысль, 1908, № 10, с. 205.
[75] Московский еженедельник, 1909, № 14, с. 34.
[76] Там же, № 17, с. 5—10.
[77] Там же, с. 39—42.
[78] Русская мысль, 1907, № 10, с. 209; № 11, с. 150.
[79] Московский еженедельник, 1907, № 20—21, с. 8; № 36, с. 7.
[80] Русские ведомости, 1908, 6 августа.

выходит у либералов типа к.-д., — долой к.-д., пусть выйдет соглашение хотя бы с „либералами“ типа октябристов».[81]

Наиболее настойчиво мысль о соглашении с существующей властью проводилась Струве, которого В. И. Ленин не случайно считал наиболее типичным представителем «нового течения в либерализме».[82] Начав на рубеже 1907—1908 гг. пропагандировать идею «великой России» и подчинения всей внутренней политики как власти, так и партий внешнему могуществу государства, Струве не уставал заявлять, что «идея государства и в июле 1906 г., и в июне 1907 г., и теперь, на пороге 1908 г., требовала не торжества материальной силы, а общественного примирения».[83] Струве призывал отказаться «от идеи „борьбы с правительством“, как момента, могущего определить и исчерпать культурно-политическое творчество русского общества».[84] Он возлагал сам и предлагал либералам возлагать надежды на государственную мудрость правящих верхов, выдвигая в качестве идеала политику Бисмарка. Когда Д. С. Мережковский, возражая ему, заметил, что надежды на превращение реакции в революцию сверху равносильны упованию на чудо, Струве сформулировал свою позицию следующим образом: «Величие Бисмарка состояло именно в том, что он с гениальной смелостью и мощью превратил реакцию в революцию сверху. Но такие „чудеса“ — без всяких гениальных людей — с исторической неизбежностью совершались и будут совершаться постоянно в творческом процессе живой истории народов».[85] В ожидании же, пока российский Бисмарк придет и совершит чаемое чудо, Струве призывал «смотреть и жить поверх текущего момента», ведя «суровую идейную борьбу» с демократическими силами.[86]

Уже в рассуждениях Струве о Бисмарке сквозила тревога за ход развития событий в России. «Если он, — писал В. И. Ленин о Струве, — „голосом голосит“, что нам нужен Бисмарк, нужно превращение реакции в революцию сверху, то это именно потому, что Струве *не* видит у нас ни Бисмарка, ни революции сверху».[87] Весной 1908 г. и официальное руководство кадетской партии, и праволиберальные лидеры стали выражать эту тревогу еще более открыто. В апреле «Русские ведомости» выступили против «оптимистического фатализма» и расчетов на то, что все устроится само собой,[88] а «Речь» предоставила слово Струве, обосновывавшему пессимистические прогнозы на будущее, поскольку «нигде в мире действительно умеренные прогрессивные элементы не

[81] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 387.
[82] Там же, с. 388.
[83] Речь, 1907, 18 декабря.
[84] Московский еженедельник, 1908, № 1, с. 12.
[85] Речь, 1908, 18 марта.
[86] Московский еженедельник, 1909, № 2, с. 2.
[87] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 33.
[88] Русские ведомости, 1908, 12 апреля.

имели и не имеют так мало авторитета, как у нас».[89] В мае С. Котляревский, год назад преисполненный оптимизма, заговорил уже в совсем ином тоне: «Едва ли, — писал он, — кто-нибудь взял бы на себя безнадежную задачу доказывать, что хотя бы самые первоначальные элементы, присущие конституционному порядку, проникли в практику и систему нашего управления».[90]

Еще более резкими стали высказывания правых либералов осенью 1908 и зимой 1909 г. В ноябре Е. Трубецкой опубликовал статью «К вопросу о бережении Думы», в которой выступил против «русского Бисмарка» — Столыпина и поддерживающих его октябристов, заявляя, что если Дума не проявит самостоятельности, то она будет только вредна, и что незачем беречь правительство Столыпина, ибо хуже все равно быть не может.[91] С января 1909 г., после скандала, вызванного разоблачением Азефа, Струве начал публиковать серию статей, в которых характеризовал столыпинскую систему как «неестественный режим», «в котором под формами народного представительства скрывается старый абсолютизм».[92] С новыми сетованиями по поводу политики правительства выступил и С. Котляревский. «Если, — предупреждал он, — осуществление свобод отлагается до нового государственного кризиса, а не дается как акт государственной власти, умеющей идти навстречу народным запросам, они всегда будут источником эксцессов».[93] Тревога из-за политики правительства, угрожающей новым революционным взрывом, была постоянным лейтмотивом выступлений В. А. Маклакова. Уже в октябре 1907 г. он посвятил одну из первых своих речей в III Думе доказательству того, что в момент, когда «пароксизм революции действительно кончился», наступило время реформ, и тот, кто их не проведет, будет виновен в новой революции.[94] С конца 1908 г. Маклаков стал настойчиво повторять, что «успокоение отодвигает реформы».[95]

Но как ни недовольны были правые либералы Столыпиным, перспектива его краха пугала их еще больше. «Дело вовсе не в том, — объяснял Струве свое отношение к подобной перспективе, — что Россия может лишиться П. А. Столыпина. Дело в том, что один путь окажется исхоженным до конца. Этому можно радоваться или об этом можно сожалеть, но нужно быть совершенно слепым, чтобы не понимать, что это значит».[96]

Сознание тщетности надежд на столыпинско-октябристское преобразование России и нежелание обращаться к народным мас-

[89] Речь, 1908, 18 апреля.
[90] Русские ведомости, 1908, 3 мая.
[91] Московский еженедельник, 1908, № 46, с. 3—7.
[92] Русская мысль, 1909, № 2, с. 109.
[93] Московский еженедельник, 1909, № 3, с. 5—6.
[94] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 344.
[95] Слово, 1908, 20 сентября.
[96] Там же, 1909 г., 23 апреля.

сам из страха перед перспективой нового революционного взрыва, в случае, если столыпинский путь «окажется исхоженным до конца», вели наиболее последовательных из праволиберальных лидеров к идее отказа от активной политической деятельности вообще. Особенно отчетливо эта идея была видна в известном сборнике статей «Вехи», вышедшем весной 1909 г. Авторы «Вех» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк) наиболее концентрированно выражали идеологию контрреволюционного русского либерализма, призывали к безоговорочному разрыву с демократическими традициями освободительного движения, проповедовали возврат к философскому идеализму и фидеизму, выступали с идеями великодержавного шовинизма. Однако положительная программа веховцев не была ими сколько-нибудь подробно развернута из-за отсутствия у них такой программы. Характеризуя обстановку в России в первые послереволюционные годы, В. И. Ленин подчеркивал: «Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух „смирения“ и „покаяния“, увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности».[97] В этой обстановке основным ответом «Вех» на вопрос — что же делать? — оказался призыв к аполитичности, к признанию «первенства духовной жизни над внешними формами общежития».[98] Авторы «Вех» не могли не сознавать и неоднократно повторяли, что потерпела неудачу не только революция, но и их планы буржуазно-конституционных реформ, что пройдет много лет, прежде чем, может быть, воплотятся в жизнь обещания Манифеста 17 октября.[99] Но они не могли предложить своим читателям ничего, кроме призыва «нести историческое тягло, ярем исторического послушания» и ждать того времени, когда народятся новые люди, которые будут «искать и новых практических путей для своего служения и помимо существующих программ».[100]

За разговорами о «новых людях» и «новых практических путях» стоял чрезвычайно актуальный для всего либерального лагеря вопрос о тех социальных силах, на которые можно было бы опереться в попытках добиться реформ и предотвратить новый революционный взрыв. В одной из своих наиболее откровенных речей Милюков говорил о роли кадетов в революции 1905—1907 гг., обращаясь к своим противникам справа: «Мы оказались

[97] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 87.
[98] Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 2. М., 1909, с. II.
[99] Там же, с. 123.
[100] Там же, с. 55, 59.

слабыми не потому, что вы были против нас. Вы пришли позднее, тогда вы сидели по домам. Мы оказались одни потому, что... отошла от нас та самая левая сторона, в руководительстве которою вы нас обвиняете... Нас звали в министры тогда, когда считали, что мы — сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, — на черную силу. Вот почему нас уважали, пока нас считали революционерами. Но когда оказалось, что мы только строго-конституционная партия, тогда надобность в нас прошла».[101] Но милюковское руководство партии по-прежнему рассчитывало на свою старую социальную базу — буржуазную интеллигенцию — и считало бесцельным обращение к собственно буржуазии, поскольку она «еще не созрела до понимания значения конституции для ее собственных интересов» [102] и вся ее политика «вращается, как и в прежние времена, исключительно в области ходатайств о повышении пошлин, о ссудах, о льготах и т. д.».[103] Правые кадеты и прогрессисты, напротив, взяли курс на изменение социальной опоры либерализма и союз с буржуазией.

Речь при этом шла о нескольких вещах. С одной стороны, возлагались большие надежды на капиталистическое расслоение крестьянства и создание «зажиточных хозяев». Еще в 1906 г. Е. Трубецкой, выступая против кадетского проекта аграрной реформы, предлагал «опереться на присущие крестьянской массе инстинкты собственности»,[104] а в 1907 г. Изгоев приветствовал «идею о превращении России в страну свободного, зажиточного крестьянства (наподобие датского), расселившегося хуторами».[105] Об этом же писал и С. Котляревский, говоривший о необходимости «образования класса мелких земельных собственников», ибо лишь с появлением таких собственников политические взгляды крестьянства «не будут определяться стихийным тяготением к земле».[106] Эти надежды сохранялись и в дальнейшем, и Е. Трубецкой продолжал писать, что «недостающий теперь социальный базис для русского либерализма» появится тогда, когда в России «разовьется новый тип экономически независимого крестьянина-собственника», «по всему своему существу и складу одинаково чуждого как идеалам объединенного дворянства, так и социалистическим мечтаниям».[107] Но только в самые первые месяцы после 9 ноября 1906 г. праволиберальные политики (да и то не все) могли думать, что процесс «ликвидации социального значения дворянства» и нарождения сельской буржуазии будет быстрым. Следовательно, нужна была другая социальная сила,

[101] Государственная дума... Сессия II, ч. II, стб. 1573—1574.
[102] Речь, 1908, 18 февраля.
[103] Русские ведомости, 1908, 13 сентября.
[104] Московский еженедельник, 1906, № 19, с. 6.
[105] Русская мысль, 1907, № 12, с. 151.
[106] Слово, 1908, 29 октября.
[107] Русская мысль, 1911, № 2, с. 193; 1913 г., № 12, с. 8.

которая уже сейчас могла бы оказать влияние на политическую обстановку в стране. В поисках такой силы правые либералы обращаются к промышленной буржуазии.

Процесс изживания традиционных для российской либеральной интеллигенции антибуржуазных настроений совершился у правых либералов очень быстро. Весна 1908 г., когда начало проявляться разочарование в «русском Бисмарке», стала временем распространения упований на «русских Круппов» и на «крепкое мещанство». Струве и Васильев выступили с заявлениями о том, что «преодоление политической реакции возможно только в процессе оживления хозяйственной жизни страны»,[108] а Изгоев стал пропагандировать «организацию средних творческих слоев, которые бы могли по возможности мирно перевести Россию на новые рельсы».[109] Следующий шаг был сделан в конце 1908 г., когда правые либералы начинают устанавливать непосредственные контакты с представителями русской буржуазии. Одновременно они развертывают широкую кампанию в печати, убеждая интеллигенцию отказаться от своих антибуржуазных взглядов.

Кампанию начал Струве, опубликовавший под названием «Интеллигенция и народное хозяйство» свою вступительную речь при открытии «экономических собеседований» с московскими капиталистами (см. об этом далее — гл. V). В своей речи Струве утверждал, что в революции потерпело крах мировоззрение, основанное на идее равенства, и что «прогрессирующее общество может быть построено только на идее личной годности», и основой такого общества «является всегда человеческая личность, отмеченная более высокой степенью годности». Он критиковал интеллигенцию за то, что она «не понимала и до сих пор не понимает значения и смысла промышленного капитализма», и призывал рассматривать содействие развитию капитализма в России «как национальный идеал и национальное служение».[110] В следующей статье Струве подчеркивал, что в России в данный момент «нужны... те свойства, которые создали буржуазный строй».[111] Выступление Струве было немедленно подхвачено Бердяевым. «Скажут, — писал он, — Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо „обуржуазить“, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства».[112]

Вслед за тем в поддержку идей Струве выступил С. Котляревский, поместивший в «Московском еженедельнике» статью «Русская промышленность и политическое возрождение». Также

[108] Слово, 1908, 7 мая.
[109] Русская мысль, 1908, № 5, с. 137.
[110] Слово, 1908, 16 ноября.
[111] Русская мысль, 1908, № 12, с. 167.
[112] Слово, 1908, 30 ноября.

подвергнув критике «традиционное отрицание творческих сторон капитала» со стороны русской интеллигенции, он призвал ее содействовать всему, что сближает ее с «торгово-промышленными элементами».[113] Не остался в стороне и Изгоев. В декабрьском номере «Русской мысли» он выступил с двумя статьями, в которых проповедовал необходимость для интеллигенции проникнуться буржуазной идеологией. Изгоев писал, что «западноевропейская буржуазия своими знаниями, энергией, честностью, трудоспособностью во много и много раз превосходит русскую, даже социалистическую интеллигенцию», и признавал желательным «нарождение энергичной, знающей, честной буржуазии в России».[114] Изгоев требовал от интеллигенции отказаться от «социалистических утопий» и способствовать «организации тех средних творческих слоев», «которые стоят во главе хозяйственной жизни страны и свое право на преобладающее положение почерпают... в своей роли организаторов народного труда и производства».[115] С тех же позиций выступал В. С. Голубев, приветствовавший «путь широкого развития капитализма», ведущий к созданию промышленной буржуазии, которая будет сторонницей нового строя.[116]

Кампания правых либералов за сближение интеллигенции и капитала была не только пропагандой, но и идеологическим обоснованием стихийно уже начавшегося процесса, вызванного, с одной стороны, растущим спросом промышленности на интеллигентные кадры, а с другой — тягой части интеллигенции к буржуазии, вызванной крахом ее претензий на роль гегемона демократического движения и чисто материальными причинами: изгнанием интеллигенции из земства, где после поражения революции взяли верх черносотенные элементы.

Итак, и октябристы, и кадеты (как правое крыло, так и официальное руководство) исходили в 1907—1908 гг. из представления о том, что перспектива революции снята на ближайший обозримый срок с повестки дня, а проведение реформ может и вообще предотвратить новый революционный взрыв. В самые первые месяцы после 3 июня октябристы и правые либералы питали надежды на осуществление реформ кабинетом «русского Бисмарка» — Столыпина. При этом правые либералы готовы были согласиться на осуществление октябристской программы-минимум, а сами октябристы отказывались и от этого, соглашаясь поддержать правительственные проекты и откладывая собственные до лучших времен. Но уже вскоре праволиберальные деятели разочаровываются в Столыпине и начинают строить свои расчеты на постепенном усилении удельного веса буржуазии

[113] Московский еженедельник, 1908, № 48, с. 7—8.
[114] Русская мысль, 1908, № 12, с. 177.
[115] Там же, с. 157.
[116] Слово, 1908, 24 декабря.

в политической жизни страны, одновременно выражая беспокойство, как бы до того, как буржуазия сможет повлиять на развитие событий, правительство не спровоцировало революцию своим отказом от реформ. В отличие от них октябристы, хотя и стали выражать некоторое нетерпение (об этом речь пойдет в гл. IV), еще продолжали делать ставку на Столыпина — с одной стороны, а с другой — выступали против противопоставления интересов буржуазии и поместного дворянства. Официальное кадетское руководство не выражало никаких надежд на Столыпина и не торопилось в отличие от правого крыла партии выдавать октябристам свидетельство об их «конституционности». Но в ожидании, пока грядет чаемый ими поворот к реформам, призывы Милюкова примерить третьеиюньский «костюм» и поискать в нем «неожиданные удобства» означали на деле готовность не только не мешать октябристам, но и сотрудничать с ними в повседневной политике.

Глава III

ОТ 3 ИЮНЯ К III ДУМЕ

Новый избирательный закон поставил и октябристов, и кадетов в условия, резко отличные от прошлых выборов. За исключением городов, где кадеты рассчитывали на голоса 2-й курии, они могли попасть в Думу по большей части лишь с помощью октябристов. Со своей стороны и октябристам могли во многих случаях понадобиться кадетские голоса, чтобы устоять перед натиском крайне правых. Это толкало обе партии к какому-то соглашению, выяснение возможности которого началось немедленно после 3 июня.

Первой реакцией значительной части кадетов на Манифест 3 июня была идея отказа от участия в III Думе. «Бойкотистские» настроения проникли даже в Центральный комитет кадетской партии, где их разделяли И. В. Гессен[1] и, возможно, В. Д. Набоков.[2] Эти настроения были в общем преодолены на совещании ЦК с представителями губернских организаций, состоявшемся в Териоках 10—11 июня.[3] Идея протеста, даже только в виде воззвания (типа Выборгского), была отвергнута, и решено было ограничиться циркулярным обращением ЦК (опубликовав его в печати) к местным организациям. Главной целью циркуляра являлась борьба против бойкотистских идей. Одновременно, «для престижа партии», как выразился председатель ЦК П. Д. Долгоруков, в циркуляр была включена фраза о том, что партия «должна идти на выборы с прежней программой, без малейших изменений в ней, не ища себе союзников ни справа, ни слева».[4]

В действительности, однако, еще 10 июня «Речь» предприняла демарш в сторону октябристов, поместив передовую статью, в которой противопоставляла их якобы конституционное поведение во II Думе позиции социал-демократов и трудовиков, которые, де, обнаружили «безнадежную неспособность здравого по-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 203.
[2] Слово, 1907, 28 июля.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 2—8.
[4] Вестник партии народной свободы, 1907, № 23—24, с. 1326.

литического понимания». Хотя «Речь» писала, что говорить об избирательных («технических») соглашениях преждевременно, ибо неизвестно, что такое современные октябристы, это по сути дела было прямым вопросом к октябристам — хотят ли они принять протягиваемую им руку. Ответ на него был дан за октябристов «Россией». «Мы, — заявлял столыпинский официоз 15 июня 1907 г., — решительно высказываемся против таких компромиссов, которые затрагивают самую основу различия между левыми и правыми общественными группами». На следующий день «Голос Москвы» послушно повторил: «Никакой речи о соглашении с теми, кто идет под знаменем гг. Милюкова, Кизеветтера, Винавера и К°, — у Союза 17 октября быть не может».

Несмотря на столь решительный тон, лидеры «Союза 17 октября», в особенности принадлежавшие к его левому крылу, испытывали тягу к блоку с кадетами, правда, не со всеми, а с их правым флангом, на откол которого они в это время явно надеялись. Многие октябристы откровенно боялись, что, связав себя одобрением третьеиюньского переворота, партия «погубит себя».[5] Их пугала также перспектива оказаться в Думе перед лицом сплоченного правого большинства.

После неудачного демарша «Речи» и в связи с развернувшейся после этого газетной полемикой между кадетами и октябристами новую инициативу сближения обеих партий предпринял Е. Н. Трубецкой. В открытых письмах Гучкову (19 июня) и Милюкову (28 июня) и в ряде статей в редактируемом им «Московском еженедельнике» он развивал аргументацию в пользу создания «конституционного центра» путем сближения «Союза 17 октября» и кадетской партии. В своих рассуждениях Трубецкой исходил из тезиса, что после третьеиюньского переворота результат выборов зависит от взаимоотношений кадетов и октябристов. Он считал, что в таких условиях программные разногласия отходят на задний план, и «если бы можно было сейчас надеяться на осуществление программы-минимум октябристов, кадеты должны бы были считать себя счастливыми».[6] Трубецкой упрекал кадетов в том, что они «увлекаются утопическою мечтою о „политическом воспитании левых“», и требовал от них «окончательного и полного разрыва» с «крайними партиями».[7] В свою очередь Трубецкой упрекал «Союз 17 октября» в том, что тот увлекся борьбой с революцией любыми средствами, когда «необходимость полицейской борьбы слишком поглотила его внимание, заслонила основную цель».[8] Трубецкой призывал октябристов не стараться расколоть кадетскую партию, ибо это привело бы к победе левых во 2-й городской курии,[9] и не блокироваться с правыми. К кадетам же Трубецкой обращался с призывом не добиваться большинства в Думе, чтобы предоставить октябристам возможность достигнуть соглашения с правительством и тем укрепить существование Думы. Он доказывал, что основной задачей новой Думы будет продержаться пять лет, ничего особенного не совершив и лишь сообщив существованию народного представительства силу обычая, а эта задача «как раз по плечу бесцветной серой и посредственной массе».[10] Агитацию Трубецкого поддерживало «Слово», призывавшее кадетов отказаться от своих программных требований, мешающих соглашению с октябристами.[11] «Надо, — доказывал 3 июля на страницах газеты некий «внепартийный прогрессист», — строить новое здание и нельзя быть к нему очень требовательным».

Идея соглашения с кадетами при условии полного разрыва ими связей с левыми была 19 июня одобрительно встречена «Голосом Москвы», но она совершенно не устраивала руководство кадетской партии. Даже на правом фланге кадетов лишь Струве и в меньшей степени С. Котляревский решались открыто писать о необходимости порвать с левыми и блокироваться с октябристами, не задавая вопроса об их конституционности.[12] Позиции правых кадетов в партии были ослаблены недовольством, которое вызвали переговоры П. Б. Струве, В. А. Маклакова, М. В. Челнокова и С. Н. Булгакова со Столыпиным накануне роспуска II Думы (этим воспользовался Милюков, чтобы окончательно выиграть старое соперничество и оттеснить Струве от партийных дел).[13]

Поэтому, когда Милюков немедленно после опубликования первого открытого письма Трубецкого отверг требование разрыва с левыми, он выражал не только свое мнение, но и мнение большинства кадетского руководства, а тем более местных организаций. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, кадеты действительно стремились сохранять связи с демократическим лагерем, понимая, что роль демократии не сыграна, и рассчитывая «на массы, как на *пьедестал* своих успехов, своего господства».[14] С присущей ему четкостью мысли и обтекаемостью формулировок Милюков расценил требование отмежеваться от левых как стремление «отрезать партию от источников ее мощи и ее нравственного авторитета». «Можно ли, — спрашивал он, — спасти конституцию выбором октябристско-кадетской Думы? Будет ли эта Дума проводить и проведет ли реформы, необходимые для умиротворе-

---

[5] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 499—501.
[6] Московский еженедельник, 1907, № 20—21, с. 8.
[7] Там же, № 28, с. 9—11.
[8] Там же, № 29, с. 8—10.
[9] Голос Москвы, 1907, 19 июня.
[10] Московский еженедельник, 1907, № 36, с. 7.
[11] Слово, 1907, 23 августа.
[12] Русское слово, 1907, 10 июля.
[13] Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952, с. 364.
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 180.

ния страны?» Милюков выражал сомнение в том, что по третьеиюньскому закону можно избрать Думу, способную на реформы, и что Думу не распустят опять, если она все же захочет реформы проводить. «Конституция, — отвечал Милюков на поставленный им же вопрос, — подвергнется серьезнейшей опасности, если будет доказано, что вне союза с октябристами для конституции нет спасения».[15]

Не желая бесповоротно рвать с левыми, кадеты в то же время не скрывали, что острие их предвыборной борьбы будет направлено налево. Именно потому, писал Милюков, что «источник авторитета» кадетов и левых в значительной степени общий, они являются «для левых партий самыми опасными конкурентами».[16] Еще более резко эту же мысль формулировал Набоков: «Можно предполагать, что для партии народной свободы третья избирательная кампания явится снова непрерывной борьбой преимущественно налево».[17] Вопреки недовольству левого крыла собственной партии руководство кадетов все время говорило о возможности отдельных «технических» соглашений с октябристами на местах и ради таких соглашений провозглашало готовность поступиться полнотой своих программных требований.

Со своей стороны лидеры «Союза 17 октября» не оставались глухими к такого рода намекам. Помещая многочисленные письма в редакцию и статьи правых октябристов, резко обрушивавшихся на идею сближения с кадетами, и выступая против руководства кадетской партии от собственного имени, «Голос Москвы» в середине июля снова начал выяснять возможности избирательных соглашений. 10 июля в передовой статье гучковского официоза было заявлено, что «октябристы всегда готовы принять всякое разумное предложение со стороны» и им «не придется насиловать себя, чтобы составить желанный думский центр». В другой передовице «Голоса Москвы» от 18 июля уже прямо пропагандировалась идея соглашения кадетов и октябристов на условиях взаимного отказа от союзников справа и слева. В статье выдвигался лозунг: «Кадеты, помните, что левее вас враги личной собственности; октябристы, помните, что правее вас враги конституции». В газетах появились сведения о том, что поиски почвы для сближения с кадетами велись «Голосом Москвы» не за свой страх и риск, а в соответствии с позицией ЦК «Союза».[18] К этим поискам октябристских лидеров вынуждал все тот же страх раствориться в будущей Думе в массе ставленников «озлобленного помещика», хотя бы и не решавшихся открыто назвать себя крайне правыми. «Нынче, — сетовал А. В. Бобрищев-Пушкин, выступавший в печати под псевдонимом «Громобой», — такие господа говорят:

[15] Речь, 1907, 22 июня.
[16] Там же, 11 июля.
[17] Вестник партии народной свободы, 1907, № 29—30, с. 1477.
[18] Русское слово, 1907, 18 июля.

„я — конституционалист", что неловко становится даже носить это имя».[19]

И снова робкие маневры октябристов были прерваны в самом начале окриком «России»: «Чтобы не оказаться вне политической жизни, кадеты прежде всего должны перестать быть кадетами. Они ни на шаг не продвинутся вперед, пока будут оставаться апологетами революции... и вообще пока не разорвут своих непосредственных связей с радикальствующей кружковщиной».[20] Сразу за этим Бобрищев-Пушкин выступил в «Голосе Москвы» с антикадетским фельетоном «Друзья революции» и газета стала доказывать необходимость избирательных блоков с правыми.[21]

В этой обстановке громких взаимных нападок и осторожных поисков соглашения, прерываемых окриками «сверху», кадеты и октябристы развертывали летом 1907 г. организационную подготовку к выборам в III Думу.

Уже на совещании в Терриоках был поставлен вопрос о необходимости созыва нового съезда кадетской партии, поскольку «ЦК не имеет права дать директив, клонящихся к пересмотру тактики».[22] В порядке подготовки к такому съезду ЦК наметил провести ряд областных совещаний, возобновить деятельность комиссий по подготовке законопроектов, создать агитационные пункты для привлечения новых членов (особенно студентов) и развить агитационную деятельность среди рабочих и ремесленников.[23] Так как терриокское совещание отвергло самую мысль созвать съезд за границей, боясь встать на путь нелегальной деятельности, Милюков сделал попытку добиться разрешения провести съезд в Петербурге и даже встречался для этого со Столыпиным.[24] Просьба кадетов была отвергнута, и в связи с этим пленарное заседание ЦК, состоявшееся 15—16 июля в Москве, решило обсудить предвыборную тактику без съезда и высказалось за блок с обычно поддерживавшими кадетов национальными группами — польской, еврейской и мусульманской. «Относительно соглашений с октябристами, — говорилось в протоколе заседания, — остаться при прежних директивах».[25]

Эта обтекаемая формулировка (директив-то как таковых и не было) отражала желание и не закрыть пути к октябристам, и не раздражать провинциальные организации, которые требовали, «чтобы только никакого общения с октябристами не было, а то будет плохо».[26] Состоявшееся в конце июля областное сове-

[19] Голос Москвы, 1907, 24 июля.
[20] Россия, 1907, 29 июля.
[21] Голос Москвы, 1907, 31 июля, 2, 4 и 8 августа.
[22] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 2.
[23] Русские ведомости, 1907, 8 июля.
[24] Русское слово, 1907, 11 июля.
[25] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 212—213.
[26] Выписка из письма А. А. Корнилова Н. М. Кишкину 30 июня 1907 г. (ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1907, д. 47, л. 74).

щание кадетов Урала и Поволжья также выступило против блоков с октябристами. Характерно при этом, что «Русское слово» сообщало о решении конференции допустить блоки с левыми, тогда как «Речь» в явно отредактированной ЦК информации говорила, что конференция отвергла блоки и с правыми, и с левыми (с последними допускались лишь при перебаллотировках). Точно так же в вопросе о перебаллотировках «Русское слово» писало о согласии конференции на объединение вокруг лиц «прогрессивного направления», а «Речь» — вокруг «отдельных лиц» в первой городской и землевладельческой куриях.[27] Иными словами, «Речь» стремилась приглушить расхождение линии, проводимой ЦК, с настроениями на местах.

Кроме Волжско-Уральского совещания в Казани кадеты провели областные конференции центральных губерний в Москве и малороссийских в Киеве.[28] Вслед за тем 18—20 августа в Москве состоялось заседание ЦК с представителями местных организаций, долженствовавшее заменить собой неразрешенный съезд. На заседании обсуждался доклад А. Смирнова о перспективах предстоящих выборов. Смирнов считал, что оппозиционные партии (кадеты и левые) смогут завоевать 38% мест (против 53.7% во II Думе), правые — 32.6% (против 27.7%), а остальные получат октябристы и умеренные.[29] Представители с мест были настроены еще более пессимистично.

Однако из пессимистического прогноза участники заседания делали выводы противоположного характера. Н. А. Гредескул призывал порвать с левыми партиями ради союза со всеми конституционалистами «независимо от их социальной программы» (т. е. с октябристами) и провозгласить в качестве главного лозунга — «спасайте конституцию». Близок к Гредескулу был и А. И. Шингарев, предлагавший отмежеваться от левых в предвыборной декларации. Большинство участников заседания, напротив, считало, что перспектива остаться в меньшинстве в Думе требует (и позволяет) занять на выборах более радикальную позицию. «Мы не должны, — говорил стоявший на крайнем левом фланге партии проф. Е. Н. Щепкин, — делать того, что желает проф. Гредескул и о чем трубит кн. Трубецкой, — мы не станем октябристами». Саратовский представитель А. А. Добровольский также подчеркивал: «Блоки вправо невозможны. Влево технические соглашения на отдельных лицах допустимы».[30]

В соответствии с точкой зрения большинства предвыборная декларация была сформулирована резче, чем циркуляр ЦК после совещания в Териоках. В ней перечислялись основные законопроекты, разработанные кадетами в период II Думы, подчерки-

[27] Русское слово, 1907, 4 августа; Речь, 1907, 16 августа.
[28] Вестник партии народной свободы, 1907, № 33—34, с. 1547.
[29] Русские ведомости, 1907, 21 августа.
[30] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 221, 222, 229.

валось, что партия и далее будет добиваться осуществления этих проектов и критиковать деятельность правительства. Явно в агитационных целях в декларации высказывалась мысль о возможности победы кадетов несмотря на новый избирательный закон и утверждалось, что в таком случае правящие круги «не в состоянии будут более упорствовать в отказе от осуществления требований страны».[31] Нарочито бодрые ноты звучали 21 августа в сообщении «Речи» о кадетском совещании, в котором (вопреки протоколам совещания) говорилось, будто среди делегатов царила уверенность, что новый «общественный подъем не за горами» и выльется он не в «юношески восторженные», а в «зрелые» формы, т. е. в победу кадетов, а не революционной демократии. По сообщению «Речи» вопрос об избирательных блоках был передан на усмотрение местных групп.

Еще больше времени потребовалось на выработку предвыборной платформы «Союзу 17 октября». Октябристы начали готовиться к выборам с первых же дней июня, объединяя вокруг себя мелкие партии на местах и ведя переговоры о блоке с партиями правового порядка и торгово-промышленной.[32] В условиях, когда в провинциальных отделах «Союза 17 октября» тон задавали элементы, мало отличавшиеся от черносотенцев, а в Москве и особенно в Петербурге фрондировало левое крыло партии, ЦК «Союза» решил вообще обойтись без воззвания к избирателям во всероссийском масштабе и предоставить каждому отделу выступить самостоятельно.[33] В начале сентября Петербургский городской совет октябристов опубликовал в «Новом времени» воззвание, составленное представителями правого крыла.[34] Оно было выдержано в резко антикадетском духе. Кадеты объявлялись главными противниками октябристов на предстоящих выборах. Защищая это воззвание от критики «Речи» и «Слова», «Голос Москвы» также утверждал 5 сентября, что «кадетская партия является главной виновницей и двух неудачных опытов с народным представительством, и того длительного политического кризиса, от которого истекает кровью наше отечество». Однако уже вскоре столь воинственный тон показался октябристским лидерам неподходящим. Комиссия во главе с Гучковым[35] составила воззвание Московского совета октябристов, отличавшееся редкой бессодержательностью и уклончивостью формулировок и избегавшее прямых упоминаний о кадетах.[36] Сразу после этого экстренное заседание петербургского Совета «Союза 17 октября» постановило переделать свое воззвание в московском духе.[37] В кругах

[31] Речь, 1907, 24 августа.
[32] Слово, 1907, 7 июня.
[33] Русские ведомости, 1907, 14 сентября.
[34] Слово, 1907, 23 августа.
[35] Русские ведомости, 1907, 8 сентября.
[36] Голос Москвы, 1907, 16 сентября.
[37] Слово, 1907, 18 сентября.

октябристов снова заговорили о соглашениях с кадетами, в том числе в Петербурге.[38]

Если октябристами руководила при этом все та же боязнь оказаться в Думе перед лицом слишком многочисленных правых депутатов, то кадетами, которые также во второй половине сентября возобновили поиски соглашения, двигала еще и возникшая было надежда на собственный успех. В серии статей в «Речи» Смирнов стал предсказывать большее представительство оппозиционных партий в Думе, чем он предполагал на августовском заседании ЦК.[39] «Речь» стала утверждать, будто, несмотря на новый избирательный закон, «есть еще возможность померяться силами»,[40] а Милюков даже высказал надежду на завоевание оппозицией большинства в Думе.[41] Разумеется, следует сделать поправку на предвыборный блеф, но, очевидно, кадеты и в самом деле начали переоценивать свои шансы. Но если составлять оппозиционное меньшинство в Думе кадеты были готовы и с партиями, стоящими левее их, то в качестве союзников по руководящему большинству им нужны были октябристы. 22 сентября Милюков выступил в «Речи» со статьей, в которой, расчищая путь к кадетско-октябристскому сближению, нападал на левых. Напомнив эволюцию отношения кадетов к левым, которых они называли сначала своими союзниками, затем соседями, еще позже противниками, Милюков заявлял: «Мы приобрели нравственное право сказать теперь, что к величайшему сожалению, у нас — и у всей России — есть враги слева».

В последовавших затем интервью Милюков еще продолжал говорить о том, что соглашения с октябристами на выборах невозможны, но станут возможны в Думе, если не кадеты придут к октябристам, а октябристы к кадетам,[42] продолжая верить или делать вид, что верит в победу. Но 28 сентября, получив первые итоги избрания выборщиков в провинции, «Речь» вынуждена была признать, что большинство выборщиков от землевладельческой курии — правые. Это означало, что создание значительной кадетской фракции и затем октябристско-кадетского большинства в Думе возможно только при соглашении обеих партий уже на стадии губернских избирательных съездов. 30 сентября «Речь» поместила статью А. А. Стаховича «Срочный, насущный вопрос» о необходимости заключения блока с октябристами. Поддерживая Стаховича, газета в передовой статье писала, что после того как выборщики уже избраны, «пререкаться относительно их политических воззрений уже поздно и бесполезно. Дело партийной полемики на этом кончается; дальше вступает в свои права политическая арифметика. Как из наличных элементов скроить наиболее выгодную политическую комбинацию — такой единственный вопрос, который предстоит решить». Поскольку, писала «Речь», исход выборов зависит от помещиков, надо заключать соглашения с октябристами, чтобы не дать победить правым, и при этом «едва ли следует поднимать вопрос о степени „конституционности“ октябристов». Очевидно, к этому же времени относится и предложение, переданное кадетами товарищу председателя ЦК октябристов Ю. Н. Милютину, поделить места от Петербурга и Москвы на основе взаимоприемлемых кандидатур.[43]

Трудно сказать, как далеко зашли негласные переговоры о блоке кадетов и октябристов. В пользу того, что какие-то переговоры имели место, говорит позиция, занятая в эти дни «Голосом Москвы». 2 октября газета сочувственно высказалась о Стаховиче и его предложении и назвала идею соглашения обеих партий жизненной, хотя и зависящей от «разных обстоятельств». 3 октября «Голос Москвы» поместил передовицу, в которой уже прямо писал о необходимости блока кадетов и октябристов на собраниях выборщиков. Однако в ночь на 4 октября ЦК «Союза 17 октября» с участием Гучкова и Милютина принял решение не вступать в блоки с кадетами в губернских собраниях и следить, чтобы кадеты не прошли в Думу за счет правых. Было решено объявить, что передовая статья «Голоса Москвы» выражала мнение не ЦК, а редакции газеты. Сразу же после заседания ЦК Гучков сообщил о принятом решении в Петербург.[44] Очередное шараханье вправо было вызвано давлением сверху, свидетельством которого была новая серия статей «России» против соглашения кадетов с октябристами.[45]

Тем не менее Гучков и его единомышленники старались не закрыть окончательно пути к сотрудничеству с кадетами. Усилив опять нападки на кадетов (особенно в связи с выборами в столицах), «Голос Москвы» снова стал выступать за «технические» соглашения на местах и доказывал, что «необходимость... солидарной работы в ближайшем будущем нельзя оспаривать ссылками на разное отношение к недавнему прошлому».[46] Гучковский орган теперь уговаривал кадетских лидеров быть реальными политиками и осуществлять конституционную программу «по частям, сообразуясь с проводимостью той или иной ... части».[47] 16 октября, подводя итоги выборам, газета публично заявила, что «крайних правых прошло больше, чем нужно по требованиям переживаемого момента».

---

[38] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1304, л. 108—109.
[39] См., например: Речь, 1907, 11 сентября.
[40] Там же, 4 сентября.
[41] Слово, 1907, 16 сентября.
[42] Там же, 28 сентября; Русское слово, 1907, 29 сентября.
[43] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1287, л. 570.
[44] Речь, 1907, 5 октября; Слово, 1907, 5 и 6 октября. — Стахович, однако, утверждал, что передовица 2 октября была написана самим Гучковым (Речь, 1907, 12 октября).
[45] Россия, 1907, 2, 5 и 6 октября.
[46] Голос Москвы, 1907, 5 октября.
[47] Там же, 7 октября.

Приступив к сколачиванию думского большинства на основе право-октябристского блока, Гучков по-прежнему стремился к сотрудничеству и с кадетами. 23 октября он писал Милютину: «Относительно президиума (Думы, — *В. Д.*) никаких решений или предрешений, разумеется, нет. Но следует теперь же внушать мысль, что президиум д[олжен] б[ыть] смешанного состава, с председателем из центра, с товарищами от правых и левых и с помощниками секретарей, взятыми из всех более крупных фракций».[48] 25 октября «Голос Москвы» выступил за привлечение кадетов к сотрудничеству с умеренными элементами и призвал «бросить глупые разговоры о том, что кадеты не могут, де, работать с умеренными». На следующий день «Русское слово» поспешило сообщить со ссылкой на «вполне достоверные источники» о том, что соглашение кадетов и октябристов о действиях в Думе и о составе президиума уже достигнуто.

Если это сообщение оказалось ложным, то причиной тому было отнюдь не несогласие кадетов. В первой половине октября кадетская печать, выступая с критикой октябристов и агитируя за своих кандидатов в Думу, одновременно продолжала проповедь умеренности и «политического компромисса». Сразу после появления передовой статьи «Голоса Москвы» об «избытке» правых в Думе кадеты возобновили прерванный в начале месяца диалог о соглашении. А. И. Каминка выразил надежду, что и без формального соглашения октябристы будут действовать вместе с кадетами «просто в силу сознания, что иначе существовать нельзя»,[49] а Милюков 21 октября в интервью «Голосу Москвы» «предвидел образование стойкого центра».

В правокадетских кругах стали открыто выражать надежду на возможность сотрудничества не только с октябристами, но и с правительством. 24 октября «Русские ведомости» призывали кабинет Столыпина не отказываться от своих законопроектов, внесенных во II Думу, и тем «содействовать образованию хотя бы и весьма умеренного, но все-таки конституционного центра, от существования которого зависит вся участь Думы». К кадетской фракции Изгоев обращался с призывом «в сотрудничестве с более правыми партиями и министерством... осуществить то, что при данных условиях возможно, предоставив „чистую критику“ депутатам крайней левой».[50]

Таковы были настроения, с которыми кадетская партия шла к V съезду, состоявшемуся 24—27 октября в Гельсингфорсе. Кадетское руководство ставило перед собой цель «коренным образом» перестроить тактику партии и приучить ее членов к «повседневной „органической“ работе» в Думе во имя «частичных, мелких побед», которые, по мнению кадетских лидеров, должны

[48] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1389, л. 29.
[49] Вестник народной свободы, 1907, № 41—42, с. 1788.
[50] Русская мысль, 1907, № 10, с. 217.

были в конечном итоге привести к перегруппировке сил в Думе и созданию «нового (т. е. октябристско-кадетского, — *В. Д.*) большинства».[51] Этой цели был посвящен доклад Милюкова о тактике в III Думе.[52] Определив задачу съезда — установить «разумное соотношение» между постоянными целями партии и средствами к их осуществлению, «которые находятся в распоряжении фракции», Милюков предложил предоставить фракции свободу действий, ограничившись лишь самыми общими указаниями. Эти указания сводились к тому, чтобы «вести борьбу на правовой почве», т. е. сугубо легальными методами, и стремиться к законодательной работе, которая должна быть поставлена «в зависимость от предварительного выяснения практической проводимости партийных проектов», т. е. в зависимость от соглашения с октябристами. Как подчеркивал В. И. Ленин, это означало «*в угоду* октябристам урезывать свои проекты».[53]

Немногочисленные представители левого крыла выступили с критикой доклада Милюкова. Наиболее резко выступал московский адвокат М. Л. Мандельштам. Курс на соглашение с октябристами, говорил он, «заведет нас в такую трясину, что кроме унижений мы ничего не получим». Фактически он, однако, не мог противопоставить курсу Милюкова никакой другой тактики и его выступление свелось к призыву «знать себе цену» и «не продешевить себя» на переговорах с октябристами.[54] Столь же внутренне противоречива оказалась и резолюция левых, собравшая всего 13 голосов. Она предлагала, с одной стороны, не идти на сближение с октябристами, а с другой, поддерживать проекты реформ, «откуда бы таковые ни исходили»,[55] т. е. от тех же октябристов. «Горстка левых кадетов, — резюмировал В. И. Ленин, — оказалась состоящей из крикунов, не сумевших даже толком поставить вопроса».[56]

В соответствии с установкой — не связывать руки фракции — тезисы о тактике, принятые Гельсингфорсским съездом, состояли из общих фраз о необходимости бороться за существование и права народного представительства, участвовать по мере сил в активной законодательной политике и т. п. Комментируя тезисы, «Речь» писала 28 октября: «В этих тезисах тщетно искать прямого ответа на злободневный вопрос об отношении к.-д. фракции к октябристам. Но из смысла всей постановки вопроса будущей тактики этот ответ вытекает с полной ясностью. В нем не заключается никакой оценки октябристов в прошлом, а лишь указание на те условия, при которых становится возможной об-

[51] Милюков П. Н. Винавер как политик. — В кн.: М. М. Винавер и русская общественность начала XX в. Париж, 1937, с. 27, 29.
[52] Вестник народной свободы, 1907, № 43—44, с. 1833—1840.
[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 156.
[54] Вестник народной свободы, 1907, № 49, с. 2137, 2146.
[55] Там же, с. 2154.
[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 154.

щая работа элементов, объединяющихся вокруг одной общей задачи. Кто примкнет к этим элементам — это дело будущего». Руководство кадетской партии хотело, однако, получить ответ уже сейчас. Торопясь встретиться с Гучковым, Милюков, скомкав работу съезда, поспешил в Петербург.[57]

Но к этому времени определилось, что ответ октябристов будет отрицательным. Гучков и Столыпин занялись созданием группы умеренно-правых, которая вместе с октябристами составила бы большинство, поддерживающее правительство,[58] и «Россия» выступила против каких-либо уступок кадетам при формировании президиума Думы. В самой фракции «октябристов и примыкающих» большинство было на стороне элементов, для которых сама мысль о хотя бы отдельных соглашениях с кадетами была в первое время невозможной.

Если несостоявшееся в значительной степени из-за вмешательства сверху сближение октябристов и кадетов определило тем самым границу правительственного большинства слева, то граница его справа определялась в ходе сложных взаимоотношений кабинета Столыпина с реакционным дворянством и черносотенными организациями.

Придя к власти в период массового революционного движения, Столыпин понимал необходимость для правительства иметь свою массовую и притом активную опору. Еще в бытность министром в кабинете Горемыкина Столыпин завязывает связи с различными партиями правого толка, и в его окружении появляются не только типичные для старой эпохи сановные и богатые дворянские лидеры, но и демагоги типа Пуришкевичей, Восторгова, Дубровина и др. Наибольшее внимание в течение 1906 г. Столыпин уделял «Союзу русского народа». По утверждению одного из лидеров «Союза», Б. В. Никольского, деньги на разного рода темные дела вроде убийства Герценштейна «Союз» летом 1906 г. получал через В. М. Пуришкевича от товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского, действовавшего с ведома Столыпина.[59] Сам Крыжановский также признавал, что Министерство финансировало черносотенные организации и прессу и делало на них главную ставку на выборах во II Думу.[60] Один из наиболее близких к Столыпину помощников, автор многих столыпинских проектов, Крыжановский писал в эмиграции, что «Союз русского народа» мыслился им и его шефом как массовая организация, сходная по типу с фашистской партией.[61]

[57] Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Архив русской революции, т. XXII. Берлин, 1937, с. 258.
[58] Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Последние новости (Париж), 1936, 16 августа.
[59] Дневник А. В. Богданович. Три последних самодержца. М.—Пг., 1924, с. 462.
[60] Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, б/г [Берлин, 1938], с. 100.
[61] Там же, с. 152.

Столыпин в невиданных до него в России масштабах развил и дело правительственной пропаганды. Бульварная газета «Россия» была превращена в официозное издание, о чем губернаторы были оповещены специальным циркуляром. Политические памфлеты еще одного из ближайших помощников Столыпина И. Я. Гурлянда печатались массовыми тиражами и рассылались всем лицам, занимавшим заметное общественное положение. Пропаганда по социальным вопросам велась через издательство С. С. Подолинского, а по аграрным — через Н. А. Демчинского. Общий расход на дела пропаганды достиг при Столыпине 3 млн. руб. в год, и Крыжановский, пользуясь опять терминологией более позднего времени, называл в своих мемуарах органы, ведавшие всей этой кампанией, зародышем Министерства пропаганды.[62]

Однако расчетам на создание массовой опоры правительства не суждено было сбыться. Дело при этом заключалось не только в том, что «Союз русского народа» не стал массовой партией, но и в том, что очень скоро выявилось несовпадение политических программ Столыпина и взлелеянной при его содействии черной сотни.

С одной стороны, правительство не могли не пугать слишком громко звучавшие в пропаганде СРН и аналогичных ему организаций ноты социальной демагогии, сквозь которую иногда прорывался и голос низов, обманом вовлеченных в черносотенные ряды. «В нашем черносотенстве, — отмечал В. И. Ленин, — есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий... Нет-нет, и прорвется голос подлинной мужицкой жизни, мужицкий демократизм через всю черносотенную затхлость и натасканность».[63] Особенно явно прорывался этот голос в решениях киевского Всероссийского съезда русских людей в октябре 1906 г. Именно с этого времени начинается некоторое отчуждение Столыпина от «Союза русского народа», с которым он, впрочем, никогда не порывал окончательно. К тому же открытые связи с «Союзом» и особенно с его председателем Дубровиным сделались неудобными из-за разоблачения их роли в убийстве М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса.

С другой стороны, деятели объединенного дворянства, приобретавшие все больший вес в «Союзе» по мере того, как становился неудобен Дубровин, тоже не были, как уже отмечалось, надежными союзниками Столыпина, являясь представителями той части дворянства, которая не сумела приспособиться к новым, буржуазным отношениям и для которой сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавного ре-

[62] Там же, с. 102—103.
[63] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 18.

жима было, как писал В. И. Ленин, вопросом жизни и смерти.[64] Эти деятели, как и все объединенное дворянство, неизбежно должны были вступить в конфликт с кабинетом Столыпина, ставившим своей целью осуществление известного минимума экономических и политических реформ, буржуазных по своему содержанию. Неудивительно, что на II съезде объединенного дворянства в ноябре 1906 г. предложение послать приветственную телеграмму Столыпину вызвало возражения ряда участников съезда, заявивших: «выражать одобрение программе Председателя Совета министров преждевременно, ибо она еще пока является невыясненной»,[65] а один из участников, расшифровывая причины такого отношения к Столыпину, откровенно говорил: «Наши интересы сословные могут разойтись с интересами правительства».[66]

Столкновение интересов стало очевидным, как только объединенное дворянство узнало о наиболее неприемлемой для него столыпинской реформе — плане реорганизации местного управления. Один из виднейших лидеров дворянской реакции гр. С. Д. Шереметев увидел в этом плане желание «ускорить переход к иной форме правления».[67] В январе-феврале 1907 г. группа правых членов Государственного совета составила записку, в которой выразила недовольство тремя основными положениями намечаемой реформы: устранением предводителя дворянства от руководящей роли в уезде, образованием всесословной волости и расширением земского избирательного права. Авторы записки откровенно заявляли о желании вообще сорвать осуществление реформы.[68]

Одновременно были предприняты меры для координации действий противников местной реформы. 5 января в Москве состоялся съезд губернских предводителей дворянства, на котором было сообщено о подготовляемых проектах. Затем борьба против реформы была перенесена на III съезд объединенного дворянства, состоявшийся 27 марта—2 апреля. Самый факт разработки реформы, а в особенности намерение правительства внести ее проект на рассмотрение Думы, были расценены участниками съезда как «незаслуженное оскорбление», и ряд дворянских лидеров предложил направить депутацию к Николаю, чтобы сорвать разработку законопроекта. В ответ на возражения немногочисленных представителей оппозиции на съезде (мирнообновленцев и кадетов), убеждавших съезд не вмешиваться в вопросы законодательства, сам шурин Столыпина А. Б. Нейдгарт заявил: «Раз жизненные основы... сословия затрагиваются, то не только его право, но обязанность подать свой голос. Мы должны знать и помнить, что дворянством Русь строилась и в дальнейшем без него не может обойтись».[69] Против проведения местной реформы высказалось большинство выступавших на съезде. Одновременно (и, вероятно, в том же примерно составе) 31 марта в Петербурге состоялась встреча 92 гласных из 27 губерний, на которой был избран временный совет по созыву земского съезда. Как затем признавали участники этого съезда, совет был составлен из противников правительственного проекта. Их побудительным мотивом был страх, что правительство проведет реформу, невыгодную поместному дворянству.[70]

Показательно, что в те же дни дворянство выступило с критикой аграрной политики Столыпина. 17 марта Совет объединенного дворянства направил Столыпину меморандум о возмещении убытков, причиненных помещикам крестьянскими выступлениями в ходе революции. В меморандуме не только провозглашалась «имущественная ответственность» государства, «органы которого не сумели ни предвидеть, ни вовремя предотвратить причиненного вреда», но и прямо выражалось недовольство нынешними действиями Столыпина. «Направив все усилия на подъем крестьянского хозяйства, — говорилось в меморандуме, — правительство бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».[71]

26—28 мая Совет объединенного дворянства специально собрался для обсуждения составленной по поручению III съезда записки, посвященной проекту местной реформы. В подготовлявшую эту записку комиссию входили А. С. Стишинский, Я. А. Ушаков и другие лидеры крайне правого фланга объединенного дворянства. Фактическим автором записки был Стишинский. В записке высказывалось «серьезное сомнение» в «своевременности коренной ломки существующего административного строя в ту пору, когда страна охвачена революционной смутой», и подвергались критике проекты поселкового и волостного управления. Стишинский считал недостаточным для ограждения интересов помещиков ограничить поселок чертой усадебной оседлости (что освобождало от поселкового обложения их поместья), утверждая, что и в этом случае включение частных владельцев в состав поселкового общества «угрожает... крайне тягостными последствиями в особенности наиболее состоятельным из этих лиц».

---

[64] Там же, т. 16, с. 140.
[65] Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. 14—18 ноября 1906 г. СПб., 1907, с. 5.
[66] Там же, с. 22.
[67] Шереметев С. Д.—Самарину Ф. Д. 13 января 1907 г. (РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25).
[68] См.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 246.
[69] Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907, с. 20.
[70] Стенографические отчеты 2-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Заседания 25—28 августа 1907 г. М., 1908, с. 5—6, 74.
[71] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 184, л. 14, 15.

Точно так же в проекте волостном Стишинского больше всего пугало, что «представители крупного и среднего землевладения окажутся затерянными в массе владельцев мелких недвижимостей».[72]

При этом Стишинский выступал и противником столыпинского курса опоры на сельскую буржуазию, видя угрозу именно в том, что руководство волостным земством захватят «люди того же хищнически-промышленного типа, которых немало среди домохозяев, владельцев надельных и купленных с содействием Крестьянского банка земель», которые к тому же, как утверждалось в записке, будут сотрудничать с ненавистным реакции «третьим элементом».[73]

В записке Стишинского подвергался критике и план ликвидации волостного суда. Нападки на проект судебной реформы были поддержаны и выступавшими при обсуждении записки Ушаковым и А. П. Струковым, тогда как А. Б. Нейдгарт и Л. И. Зыбин признавали необходимость ликвидации волостного суда.[74]

Совет объединенного дворянства заявил, что в настоящий момент местная реформа несвоевременна, а в будущем, когда она станет возможной, разработку ее следует поручить «силам, знакомым с русской жизнью» (подразумевалось, конечно, поместное дворянство). Записку Стишинского решено было передать губернским предводителям и в бюро «предполагающегося земского съезда»[75] в качестве основы дальнейших выступлений.

Не случайно именно в весенние месяцы 1907 г. в салоне Богдановичей, месте постоянных встреч правых, как из придворных кругов, так и из черносотенных низов, особенно часто ругали Столыпина, говоря, «что он ведет двойную игру, что он левее „17 октября“», «что от Столыпина добра нельзя ждать» и потому нужен «другой кабинет с П. Н. Дурново во главе».[76]

Переворот 3 июня не примирил правых со Столыпиным. «Едва ли, — писал Шереметев, — настолько существенны изменения избирательного закона, чтобы уверовать в 3-ю Думу... Конечно, слава богу, что вышел и такой манифест. Вот и пришлось коснуться основного закона Виттевской кухни, да и коснуться путем своеобразным. Как бы не пришлось подойти и к другим, а в то же самое время мы продолжаем цепко держаться почвы 17 октября».[77] В том же духе высказывался и близкий к Николаю генерал А. А. Киреев. «Россия, — писал он царю, — рукоплещет совершенному Вами перевороту, жалея лишь, что он оказался недостаточно радикальным, глубоким, что он не возвращает Россию к ее исконному самодержавно-совещательному строю».[78]

[72] Записка комиссии, избранной 3-м съездом уполномоченных дворянских обществ, по поводу законопроекта правительства о поселковом управлении. СПб., 1907, с. 3, 5, 13.
[73] Там же, с. 14—16.
[74] Там же, с. 19, 24, 28, 29.
[75] Там же, с. 31.
[76] Дневник А. В. Богданович, с. 412—415.
[77] РО ГБЛ, ф. 265, папка 208, ед. хр. 25.

Открытую кампанию против третьеиюньского переворота как недостаточного развернул на страницах своего журнала «Гражданин» один из старейших представителей камарильи кн. В. П. Мещерский. Он настаивал на устранении из Основных законов того, что, по его мнению, «уничтожает законодательную верховную власть»: необходимость не только обсуждения, но и одобрения Думой законов, обязательность внесения в Думу указов, изданных в перерыве между сессиями по ст. 87, представление царю мнений только большинства Думы и Государственного совета. Иными словами, Мещерский предлагал превратить обе палаты в законосовещательные органы.[79] Показательно, что кампания за превращение Думы в законосовещательную сочеталась у Мещерского с выступлениями против проектов местных реформ, ни одна из которых, по его словам, «не заключает в себе материала для укрепления монархического строя».[80]

Высказывая полупредположение, полунадежду, что III Дума окажется последним опытом парламентаризма, сотрудник «Гражданина» А. Бабецкий предсказывал крупную роль, которую предстоит играть в ближайших событиях «русскому земельному дворянству», и писал: «Нельзя никоим образом ставить в вину русскому дворянству то, что оно, наконец, решилось сплотиться и спасти то немногое, что осталось у него после революционных погромов».[81] В это «немногое» входило, очевидно, политическое влияние в центре и на местах, борьбой за которое являлись выступления легитимистской реакции против законодательной Думы и против реформы местного управления.

В этой борьбе придворная камарилья использовала в качестве суррогата «общественной поддержки» черносотенцев, и тот же Киреев убеждал Николая открыто опереться на «Союз русского народа», в котором, де, «зарегистрировано шесть миллионов человек».[82] Правда, черносотенцы еще не решились сразу после

[78] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 2374, л. 1. — В своем дневнике Киреев записал 4 июня: «Вчера в клубе правых мы радостно толковали о роспуске Думы. Говорили, что будущая Дума будет лучше первых двух. Поздравляли друг друга. Пили шампанское, пропели от души гимн, послали приветственные телеграммы (царю) и даже Столыпину. Хотя относительно последней il y a eu du tirade. Прекрасно, но что далее? Ведь новый государственный уклад есть все же 17ое октября» (РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 226). В то же время он выражал типичные для его единомышленников опасения, что избранная по новому закону Дума «продержится и даст конституционной отраве испортить наш организм, сделает невозможным возврат к строю древнерусскому, совещательному» (там же, л. 229).
[79] Гражданин, 1907, № 43—44, с. 11—12; № 49—50, с. 9—11; № 73, с. 9.
[80] Там же, 1907, № 45—46, с. 13.
[81] Там же, 1907, № 47—48, с. 3.
[82] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 2374, л. 3.

3 июня выступить против Столыпина, но, по словам Киреева, Дубровин в эти дни направил Николаю ряд писем, советуя удалить некоторых его приближенных, казавшихся «союзникам» недостаточно правыми.[83] Стремясь использовать третьеиюньский переворот для максимального сдвига вправо, камарилья с согласия царя инсценировала грозивший далекоидущими последствиями обмен телеграммами между Дубровиным и Николаем. На приветствие по случаю разгона II Думы Николай ответил публичной благодарностью черносотенцам. «Да будет же мне, — говорилось в царской телеграмме, — союз русского народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка».[84] Составленная и посланная тайком от Столыпина[85] телеграмма переполошила не только октябристов, увидевших в ней отказ от Манифеста 17 октября, но и Коковцова, испугавшегося за курс русских бумаг. Даже наиболее дальновидные из правых считали выражение солидарности Николая с черной сотней преждевременным.[86]

Открытая манифестация дружбы Николая и «Союза русского народа» была тем более некстати для Столыпина, что сам он в эти дни предпринимал попытку укрепить позиции своего кабинета маневром в противоположном направлении.[87] Но единственное, чего удалось добиться Столыпину, это удаление из правительства государственного контролера П. Х. Шванебаха, крайнего реакционера, на место которого он провел автора первоначального (более «либерального») варианта Основных законов Н. А. Харитонова. В свою очередь правые в придворных кругах, обеспокоенные попытками Столыпина, активизировались, и газеты сообщали о каких-то «частных совещаниях» группы правых, руководимой кн. М. С. Путятиным и гр. П. К. Бенкендорфом.[88]

Понятно, что в такой обстановке Столыпин шел на созыв требуемого дворянством земского съезда для обсуждения местной реформы с большой опаской, поскольку обсуждение проекта могло окончиться нежелательным для него результатом. Министерство внутренних дел не разрешило избрание делегатов съезда на официальных заседаниях губернских земских собраний, и делегаты были выдвинуты на частных совещаниях. Состав земств, куда после выборов 1906 г. пришел испуганный и озлобленный помещик, предопределил и лицо съезда, из 124 участников которого 33 принадлежало к крайне правым, 33 к умеренно правым, 44 к октябристам, 4 к мирнообновленцам и 10 к кадетам. Для того чтобы как можно демонстративнее отмежеваться от земских съездов 1905 г., новый съезд был назван «первым всероссийским».[89]

[83] Дневник А. С. Суворина. М.—Пг., 1923, с. 342.
[84] Слово, 1907, 6 июня.
[85] Дневник А. С. Суворина, с. 351.
[86] Дневник А. В. Богданович, с. 423.
[87] Русское слово, 1907, 17 июня и 3 июля; Дневник А. А. Киреева. (РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 227).
[88] Русское слово, 1907, 3 июля.

На съезде, проходившем в Москве с 10 по 15 июня, правые попытались поставить под сомнение необходимость реформы вообще. Н. Е. Марков обрушился на Министерство внутренних дел, назвав его «цехом составителей законопроектов». Приняв неизбежность некоторого расширения круга лиц, пользующихся правом голоса на выборах в земства, поскольку «дворян слишком мало, они редеют и скоро будут так редки, как зубры в Беловежской пуще», он высказался против такой реформы, которая открыла бы доступ в земство крестьянам, ибо «крестьянство в его массе неспособно вести земское дело».[90] Маркова поддержали и другие реакционные зубры, подчеркивавшие, что проект правительства «не отвечает нашим желаниям», и называвшие его «революционным». Хотя съезд незначительным большинством голосов все же высказался за необходимость разработки местной реформы (это большинство составилось в основном из октябристов), основные положения правительственного проекта были подвергнуты резкой критике. Съезд отверг идею введения в поселке и волости налогового ценза вместо земельного, мотивируя это тем, что нельзя отдавать земство в руки неведомых плательщиков налога, а надо сохранить его в руках поместного дворянства. Согласившись при условии сохранения земельного ценза несколько понизить его уровень, правые решительно высказались за создание курий по сословному признаку, откровенно заявляя, что требуют этого в интересах помещиков, которых в противном случае могут не выбрать в земские гласные.[91]

В ходе заседаний 25—28 августа, получивших название второго всероссийского съезда, правые снова попытались вообще отвергнуть идею волостного земства. Кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский заявлял, что правительственный проект равносилен осуществлению эсеровской программы и приведет к «передаче всего дела охлократии, т. е. черни», а Марков призывал выбросить проект в мусорную корзину. В выступлениях правых звучал страх перед всесословностью земства, при которой помещик мог оказаться в административном подчинении у крестьянина — волостного старшины. Кроме того, они боялись, как бы волостное управление не переложило на помещиков всю тяжесть местных налогов. Правым не удалось отвергнуть вообще создание бессословной волости, но правительственный проект волостной реформы был съездом забракован. Съезд высказался также за факультативность введения земства в волости в зависимости от решения уездных собраний, что давало

[89] См.: Д я к и н В. С. Столыпин и дворянство. с. 247.
[90] Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве. Заседания 10—15 июня 1907 г. М., 1907, с. 15—18.
[91] Там же, с. 28, 115, 158.

возможность затягивать его реальное осуществление до бесконечности.[92]

Усиление закулисных интриг правых против Столыпина и их открытое выступление против защищаемых им проектов побуждало премьера предпринимать шаги для укрепления собственных позиций. С одной стороны, стремясь и впредь использовать в своих целях «Союз русского народа», Столыпин попытался оттеснить Дубровина от руководства, поставив во главе «Союза» Пуришкевича и Восторгова. С этой целью деньги стали передаваться черносотенцам через этих деятелей, причем Восторгов ставил условием продолжения субсидий устранение Дубровина из Главного совета «Союза» и изменение направления дубровинского «Русского знамени». Когда попытка вытеснить Дубровина не удалась, Главное управление по делам печати стало преследовать «Русское знамя»,[93] а Пуришкевич и Восторгов взяли курс на раскол «Союза русского народа».

С другой стороны, Столыпин стал добиваться организации предвыборного блока октябристов с умеренно правыми элементами для изоляции как кадетов, так и крайне правых. Пробным полем для создания такого блока послужили те же земские съезды, которые «Голос Москвы» не случайно назвал «подсчетом реальных сил страны перед третьим дебютом на сцене Таврического политического театра».[94] Те решения июньского и августовского съездов, которые не отвергали с порога вообще всю идею местной реформы, принимались именно большинством, составленным из октябристов и умеренного крыла правых. При этом характерно, что во время июньского съезда в намечавшихся переговорах с октябристами о соглашениях в ходе избирательной кампании собирались участвовать правые всех оттенков, а в августе газеты уже писали о планах создания «умеренно-конституционной» партии, инициаторами которой называли гр. Д. А. Олсуфьева и гр. А. А. Уварова. Последний, саратовский помещик, был знаком со Столыпиным лично и активно защищал столыпинские проекты.[95]

Конец августа, сентябрь и первая половина октября прошли под знаком избирательной кампании, в ходе которой Столыпин добивался создания блока октябристов, умеренно правых и тех элементов черной сотни, на послушание которых он рассчитывал. По поручению Крыжановского Восторгов и привлеченные им бывшие зубатовцы совершили ряд поездок по стране, агитируя местные отделы «Союза русского народа» поддержать октябристов в районах, где те были слабы.[96] Главную ставку в ходе выборов Столыпин делал на «Союз 17 октября» и в самом начале предвыборной борьбы пожелал Гучкову «полного успеха».[97] По утверждениям кадетов, Столыпин финансировал избирательную кампанию самого Гучкова.

После выборов, давших, как писал «Голос Москвы», «больше, чем нужно», крайних правых, в придворных сферах стала вынашиваться идея замены правительства Столыпина кабинетом Акимова—Дурново.[98] В октябре же чрезвычайное дворянское собрание Московской губернии одобрило доклад комиссии под председательством губернского предводителя П. А. Базилевского против столыпинского плана местной реформы. Отвергая с порога саму идею реорганизации местного управления и выступая в особенности в защиту прерогатив уездного предводителя, московское дворянство, всегда считавшееся наиболее авторитетным в сословии, фактически замахивалось на весь столыпинский курс. Авторы доклада требовали, чтобы правительство осознало «свой долг» бороться против уменьшения дворянского землевладения, а не делало из этого процесса политические выводы, и попутно задевали аграрную реформу, в результате которой, по их мнению, «революция сделалась бы хроническим явлением».[99] Доклад отвергал и выдвинутый Министерством внутренних дел аргумент в защиту местной реформы о необходимости согласования системы местных органов с новым политическим строем. Подкапывавшиеся под основы куцей российской «конституции» зубры откровенно заявляли, что «все эти новые установления еще очень неустойчивы, и никто не может сказать, в какие формы они окончательно выльются».[100]

Неизбежное столкновение с крайне правыми элементами в Думе и в сферах было очевидно. В. И. Ленин писал, что, «как придворная камарилья проявляет органическое влечение не столько к союзу с кабинетом министров, сколько к господству над ним, так и черносотенцы жаждут диктатуры над октябристами, помыкают последними, стремятся подмять их под себя».[101] Понимание этого и толкало октябристов на соглашение с кадетами. Но поскольку такое соглашение было неприемлемо для Столыпина, а октябристы практически беспрекословно шли за премьером, Столыпин и Гучков, обсудив результаты выборов, решили произвести раскол в правом секторе Думы, выделив из него «умеренную часть», которая поддержала бы правительство. Эту задачу

---

[92] Стенографические отчеты 2-го Всероссийского съезда земских деятелей..., с. 24, 79—80, 82—83, 125, 213.

[93] Крыжановский С. Е. Воспоминания, с. 156—158; Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910, с. XII—XIII, 15—18.

[94] Голос Москвы, 1907, 10 июня.

[95] Русское слово, 1907, 21 августа.

[96] Куда временщики ведут Союз русского народа, с. XIV; Дневник А. В. Богданович, с. 438.

[97] ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 1112, л. 1.

[98] Речь, 1907, 31 октября.

[99] Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. С 9 по 16 марта 1908 г. СПб., 1909, с. 444—445.

[100] Там же, с. 393.

[101] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 142.

принял на себя П. Н. Балашов, начавший сколачивать фракцию умеренно-правых.[102]

Одновременно октябристы занялись выработкой программы будущего блока. 25 октября «Голос Москвы» опубликовал статью «Мысли о будущем центре Государственной думы и его задачах». Статья эта по содержанию и во многом текстуально совпадала с принятой несколькими днями позже официальной программой фракции «Союза 17 октября»[103] и, следовательно, исходила из руководящих кругов Союза. Учитывая тесные контакты Гучкова и Столыпина в эти дни, можно предполагать, что и с премьером «мысли о будущем центре» были согласованы. Предложенная газетой программа предусматривала «охранение прав монарха и народного представительства» от покушений справа и слева (причем в «охраняемое status quo» включался и третьеиюньский избирательный закон), проведение аграрной реформы и решение земельного вопроса мерами, среди которых «не может быть места принудительному отчуждению земли», осуществление местной реформы при обеспечении «подобающей роли» тем, кто «несет наибольшие материальные жертвы на общественные нужды», т. е. помещикам, постепенное расширение прав Думы и пересмотр положений об усиленной охране. В программе предлагалось «устранить (в Думе, — *В. Д.*) разглагольствования на общие темы, которые могут только поселять раздражения и разжигать страсти».[104] Программа базировалась, таким образом, на платформе «Союза 17 октября» с существенными уступками правым. Главным в ней было то, что в газетном варианте прямо не высказывалось, но молчаливо подразумевалось: «Оказать могущественную поддержку правительству». Правда, октябристы оговаривали, что эта поддержка может быть оказана лишь «в тех случаях, когда внесенные... законопроекты будут совпадать с предположениями думского центра»,[105] но такое совпадение казалось Гучкову само собой разумеющимся.

Итак, создание думского большинства из октябристов и их соседей справа для поддержки программы столыпинских реформ — такова была цель, которую ставили перед собой «российский Бисмарк» П. А. Столыпин и согласный с ним лидер октябристов.

---

[102] Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Последние новости (Париж), 1936, 16 августа.
[103] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 387, л. 1—4.
[104] Голос Москвы, 1907, 25 октября.
[105] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 387, л. 1.

Глава IV

ПРАВЫЕ, СТОЛЫПИН И ОКТЯБРИСТЫ
(ноябрь 1907—июнь 1908 г.)

Выборы по третьеиюньскому избирательному закону дали, наконец, самодержавию столь желанную «работоспособную» Думу. В момент избрания в Думу членами «Союза русского народа» являлось 32 депутата, других правых партий — 41, «Союза 17 октября» — 110, партии мирного обновления — 7, кадетской — 45, национальных групп — 23. 95 депутатов называли себя беспартийными правыми, 29 — умеренными и 25 — беспартийными прогрессистами.[1] От их распределения по фракциям зависело окончательное соотношение сил в помещичьем и буржуазном лагерях Думы, которым противостояло 35 депутатов демократического лагеря.

Хотя «границы» между фракциями не были устойчивы — некоторые депутаты в дальнейшем переходили из одной в другую — в общем процесс формирования партийных группировок в Думе был закончен в течение ноября. Несколько беспартийных прогрессистов влились в кадетские ряды, главная же их масса вместе с мирнообновленцами составила единую фракцию прогрессистов — случайную по составу и не имевшую определенного политического лица. Некоторые депутаты первое время числились одновременно и у прогрессистов, и у октябристов.[2] Во фракцию «Союза 17 октября» и примыкающих к нему вошли не только умеренные беспартийные, но и ряд депутатов, избранных в качестве правых, в результате чего большинство ее членов оказалось намного правее ЦК «Союза». Впрочем, из-за нечеткости партийных границ в помещичьем лагере ряд депутатов (А. Ф. Мейендорф и др.), вошедших в Думу как правые, почти сразу оказались на левом фланге октябристов, а некоторые (в их числе А. А. Уваров) затем перешли и к прогрессистам.

Наибольшее значение для Столыпина и Гучкова имело размежевание на правом фланге Думы. Отмечая, что третьеиюнь-

---

[1] Голос Москвы, 1907, 1 ноября.
[2] Московский еженедельник, 1908, № 3, с. 9.

ская система построена на существовании двух большинств в Думе — право-октябристского и октябристско-кадетского, В. И. Ленин называл главным, правительственным, первое большинство.[3] При этом В. И. Ленин указывал и на то, что «правительству *выгодно*, чтобы „крайние" правые, способные на всяческий скандал, погром, на убийство Герценштейнов, Иоллосов, Караваевых, стояли немного в стороне...»[4]

Первоначально в единой группе «правых и умеренных» числилось около 150 человек. Трения в группе начались с первых же дней. Члены «Союза русского народа» и близкого к нему по духу «Русского окраинного союза» уже 2 ноября выражали желание порвать с умеренным крылом, поскольку оно, по их мнению, было слишком близко к октябристам.[5] Со своей стороны один из лидеров умеренно правых, гр. В. А. Бобринский, предлагал крайне правым выйти из группы ввиду их политической нетерпимости.[6] Балашов, Бобринский и Крупенский (очень близкий к Столыпину еще со II Думы) стали создавать свою фракцию. Окончательный разрыв был ускорен обсуждением адреса Думы (см. далее), когда сообщение В. Бобринского о решении умеренно правых голосовать за адрес было встречено крайними криком: «Долой изменника!».[7] После этого 70 депутатов создали отдельную фракцию умеренно правых, в программе которой заявлялось, что она «признает представительный образ правления, бесповоротно введенный Высочайшею волею в русском государстве, ныне вполне осуществившимся».[8] Это, как и сходство остальных программных положений, создавало предпосылки для совместных выступлений умеренно правых и октябристов в поддержку Столыпина.

Еще до того, как произошло окончательное размежевание фракций, октябристы начали с правыми переговоры, ближайшей целью которых было соглашение о составе президиума Думы, но фактически речь шла и о более длительном сотрудничестве. 29—31 октября фракция «Союза 17 октября» в присутствии многих правых, в том числе гр. А. А. Бобринского и П. Н. Крупенского, обсуждала вопрос о пределах сотрудничества с правыми. Выступая за такое сотрудничество, Гучков отвергал идею полного слияния с ними и говорил о необходимости отграничения не только слева, но и справа.[9] Он высказался за возможность отдельных конкретных соглашений и с кадетами.[10] Приемлемость таких соглашений не отрицали и многие другие октябристы,

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 322.
[4] Там же, т. 21, с. 280.
[5] Речь, 1907, 3 ноября.
[6] Голос Москвы, 1907, 8 ноября.
[7] Речь, 1907, 11 ноября.
[8] Там же, 14 ноября.
[9] Там же, 30 октября.
[10] См.: Вязигин А. С. Гололобовский инцидент. (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909, с. 6—7.

предлагавшие уступить кадетам место одного из товарищей председателя Думы.[11] Со своей стороны кадеты также готовы были поддержать кандидата октябристов в председатели Думы Н. А. Хомякова и выдвинуть В. А. Маклакова в его товарищи.[12]

Однако угрозы правых отказаться от сотрудничества с октябристами и давление сверху, отражением которого была передовица «России» против уступок кадетам в вопросе о президиуме, заставили Гучкова переменить фронт. На вечернем заседании 31 октября М. В. Родзянко и В. М. Петрово-Соловово выступили за принятие предложения правых поделить президиум Думы между собой, устранив из него представителей оппозиции.[13] Гучков подписал с А. Бобринским формальное соглашение,[14] по которому правые отдали октябристам председательство в Думе (до того они настаивали на кандидатуре А. Бобринского) в обмен на их согласие принять в Думе верноподданнический адрес.[15]

Получив пощечину от октябристов, кадеты тем не менее продолжали попытки сговориться с ними. 1 ноября они проголосовали за избрание Хомякова председателем Думы, а на следующий день Милюков, может быть в расчете вновь изменить решение октябристов, выражал надежду, что «кадеты и октябристы соединятся в один конституционный центр на пользу совместной работы».[16] Но на следующих заседаниях Думы товарищами председателя ее были избраны кн. В. М. Волконский (внук декабриста, член Главного совета «Союза русского народа») и примкнувший к октябристам А. Ф. Мейендорф, секретарем Думы — правый И. П. Созонович, а его старшим товарищем — черносотенец Г. Г. Замысловский. Весь президиум Думы оказался, таким образом, в руках право-октябристского блока, и, выражая радость по этому поводу, черносотенный депутат С. И. Келеповский говорил о невозможности делить с оппозицией «такой пирог, который именуется Россия».[17]

По мысли право-октябристского блока, III Дума должна была прежде всего принять адрес Николаю, подчеркнув этим свое отличие от «крамольных» предшественниц. Но как раз прения по поводу адреса снова показали наличие серьезных разногласий между легитимистской реакцией и октябристскими сторонниками столыпинского бонапартизма. Еще накануне открытия заседаний Думы В. И. Ленин предсказал «неизбежное расхождение» между черносотенцами и октябристами в вопросах не только

[11] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 38.
[12] Речь, 1907, 1 ноября.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 43.
[14] Дневник А. В. Богданович. Три последних самодержца. М.—Пг., 1924, с. 436.
[15] Речь, 1907, 1 ноября.
[16] Голос Москвы, 1907, 2 ноября.
[17] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая, ч. I. СПб., 1908, стб. 95.

местного самоуправления, но и центральной организации государственной власти. «Для черносотенцев, — писал он, — в земстве и городской Думе не нужно ничего другого, кроме того, что есть, а в центре — „долой проклятую конституцию“. Для октябристов и в земстве, и в Думе надо усилить свое влияние, а в центре необходима „конституция“, хотя и очень куцая, фиктивная для масс».[18] Спор из-за «конституции» вылился в столкновение по вопросу о том, именовать ли в адресе царя «самодержцем всероссийским».

Стараясь обеспечить поддержку адреса и правыми, и либералами, чтобы изобразить возможно большее единодушие, октябристы попытались обойти острые углы и включить в адрес лишь благодарность за созыв Думы. Выступая 13 ноября при обсуждении адреса, Гучков заявил, что октябристы рассматривают Манифест 17 октября как отречение царя от «прав неограниченности» и установление конституционной монархии. Одновременно, открещиваясь от парламентаризма, он утверждал, что переход к конституционному строю означает не умаление царской власти, а ее освобождение от чиновничества и камарильи.[19] Неудовлетворенные октябристским лавированием правые потребовали внести в адрес титулование Николая «самодержцем», а Милюков предложил упомянуть о конституции. Разъяренные ненавистным словом, правые ринулись на трибуну и договорились до требования убрать из адреса даже упоминание о Манифесте 17 октября.[20] В этой обстановке октябристы предпочли войти в соглашение с кадетами и в обмен на снятие милюковской поправки проголосовали против включения в адрес слова «самодержец».[21] После этого правые отказались участвовать в голосовании адреса и направили Николаю особую телеграмму.

Продолжая курс на сближение с октябристами, кадеты поспешили занести принятие адреса без титула «самодержец» в «крупный политический актив третьей Думы».[22] Милюков расценил поведение октябристов 13 ноября как доказательство их конституционности. «При таких условиях, — заявил он, — работать с ними будет легко. Мы всегда сумеем столковаться в частностях».[23] Надежду на «наступление солидарного объединения» с кадетами выражал и левооктябристский «Голос Москвы».[24] «Бессмысленные мечтания» левых октябристов были пресечены «Россией», в номере от 16 ноября предупредившей, что власть будет рассматривать сотрудничество с кадетами как признак того, что октябристы «уже готовы перейти границу, отделяющую третью Думу

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 142.
[19] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 137—139.
[20] Там же, стб. 202.
[21] Там же, стб. 245; Русские ведомости, 1907, 17 ноября.
[22] Речь, 1907, 14 ноября.
[23] Голос Москвы, 1907, 15 ноября.
[24] Там же, 15 и 16 ноября.

от позорной памяти первых двух Дум и сами над собой заносят руку», ибо тогда придется признать правоту тех, кто отрицает возможность существования народного представительства в России.

В целом, однако, Столыпин первоначально был доволен думским адресом. «Россия» считала главным в нем самый факт его принятия и выражения этим благодарности Николаю и тогда же писала, что в инциденте при голосовании адреса виновны правые, которые «искусственно, с прямым вредом для государственного дела обострили отношения с октябристами». В «сферах» события были оценены иначе. На адресе Думы Николай оставил сухую и двусмысленную резолюцию: «готов верить выраженным чувствам, ожидаю плодотворной работы», тогда как правых телеграфно поблагодарил «за приветствие и верноподданнические чувства».[25] Весьма правдоподобно поэтому сообщение «Русского слова», будто Столыпину пришлось переделывать составленную заранее правительственную декларацию.

Столыпин вновь сделал упор на применение силы для подавления «разрушительного движения, созданного крайними левыми партиями», и пригрозил отменить несменяемость судей, если они не проявят желательной твердости при преследовании участников революционных выступлений. Столыпин заявил о предстоящем внесении в Думу указа 9 ноября 1906 г. и предупредил, что правительство ждет от Думы «усовершенствования, быть может поправок» к проводимым им мерам по аграрной реформе, «но в конечном итоге твердо надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения». Из других реформ, провозглашенных в декларации 24 августа 1906 г. и в выступлении перед II Думой, Столыпин упомянул лишь о наиболее важной для него реформе местного управления, да и то вносимой не прямо в Думу, а сначала в Совет по делам местного хозяйства при МВД.[26] Это, как и весь тон декларации, свидетельствовало о сдвиге Столыпина вправо, в направлении, желательном дворянской реакции.

Резкий тон Столыпина поверг в смущение октябристов, еще не оправившихся от последствий своей «конституционной» позиции при обсуждении адреса, и «после долгих споров во фракции по поводу отношения Союза к правительственной декларации большинство остановилось на том, чтобы вообще говорить меньше, всех острых мест избегать, самодержавия, конституции, акта 3-го июня не касаться, и вообще избегать всякой критики».[27]

Примерно так же были настроены и кадеты, считавшие нужным «не давать боя». «Надо, — говорил на заседании фракции Родичев, — воздерживаться от бесполезных шагов и критики».[28]

[25] Голос Москвы, 1907, 20 ноября.
[26] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 307—312.
[27] Дневник И. С. Клюжева. ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 3, л. 14—15.
[28] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 1, л. 134—136.

В своих первых выступлениях кадеты выдерживали примирительный тон, соответствовавший их общему курсу вправо. Маклаков призывал правительство понять, что «время реформ наступило, и реформ теперь откладывать нельзя». Если, говорил он, нам скажут, что правительство собирается выполнять Манифест 17 октября, то «в деталях мы сговоримся».[29] Общая линия кадетской фракции была сорвана Родичевым неожиданно для него самого. Выступив против практики военно-полевых судов и по обыкновению взвинтившись в ходе речи, он напомнил о «том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может столыпинским галстухом».[30]

В обстановке резкого накала страстей, вызванного речью Родичева, октябристы уже не смогли отмолчаться и были вынуждены, хотя и предельно мягко, упрекнуть Столыпина за холодный тон декларации и нежелание упомянуть в ней даже о Манифесте 17 октября. Но главным в выступлениях октябристов было стремление как можно заметнее отмежеваться от кадетов. Отвечая корреспонденту «Голоса Москвы», Гучков 1 декабря подчеркнул, что из создаваемого в Думе большинства «конечно, исключаются кадеты». Вообще после столыпинской декларации октябристы надолго отбрасывают мысль о каких-либо соглашениях с кадетами и на непрекращающиеся зондирующие шаги со стороны последних отвечают подчеркнуто грубыми антикадетскими выходками.

Свидетельством постоянной правой ориентации октябристов было превращение небольшой петербургской газеты «Голос правды» в официальный орган фракции,[31] недовольной слишком «левым» «Голосом Москвы», а затем изменение состава сотрудников последнего[32] с целью сделать газету более правой. Гучков при каждом удобном случае подчеркивал «существующее взаимодействие» и «полную солидарность» думского большинства с правительством.[33] Эта полная солидарность проявилась, в частности, в принятии Думой и одобрении товарищем министра внутренних дел А. А. Макаровым законодательного предположения правых о «воспомоществовании из средств государственного казначейства пострадавшим от разбойничьих действий революционных партий и лиц» и формулы перехода к очередным делам, осуждающей «революционный террор»,[34] что категорически отказывались сделать I и II Думы.

Таким образом, после некоторых колебаний, вызванных стремлением октябристов не оттолкнуть от себя возможных союзников слева, но пресеченных властным окриком правительства,

[29] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 343—348.
[30] Там же, стб. 396.
[31] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 20, л. 7.
[32] Речь, 1908, 26 февраля.
[33] Русское слово, 1908, 2 февраля.
[34] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 1875.

в Думе, хотя и не без срывов и шероховатостей, начало действовать ее право-октябристское большинство, основные составляющие части которого — октябристы и умеренно-правые — ставили перед собой задачу поддержки столыпинского курса. Колеблющиеся между октябристами и оппозицией прогрессисты и растерянные кадеты, застывшие с рукой, безответно протянутой вправо, слабо оппонировали думскому большинству, выпуская на трибуну, как правило, своих умеренных ораторов, вроде «октябриста среди кадетов» Маклакова. Милюков доказывал на собрании петербургских кадетов, что, несмотря на грубые отказы октябристов, «надежда на приобретение значительного влияния на направление деятельности Государственной думы не может считаться утраченной».[35] Кадетский ЦК без возражений выслушивал призывы Гредескула «больше всего воздерживаться бросать палки в колеса октябристам».[36]

Наибольшее сопротивление в помещичьем и буржуазном лагерях в течение осени 1907—зимы 1908 гг. столыпинский курс встречал справа, со стороны дворянско-легитимистской реакции. Непосредственной причиной дворянской оппозиции по-прежнему оставалось недовольство столыпинским планом реорганизации местного управления. В ноябре к этому прибавилось раздражение против адреса Думы, которому, по мнению крайне правых, Столыпин не дал достаточного отпора. Дурново и Шванебах выражали неудовлетворенность правительственной декларацией,[37] а Дубровин на заседании Главного совета «Союза русского народа» потребовал разгона «крамольной» Думы, в которой главным врагом отечества является Гучков.[38] Инспирированные Дубровиным местные отделы «Союза русского народа» засыпали Николая телеграммами протеста против адреса Думы.[39] Ссылаясь на эти телеграммы как на «голос народа», «Русское знамя» требовало роспуска Думы. С таким же требованием обратился к Столыпину И. П. Балашов (дядя лидера умеренно-правых в Думе), предлагавший при этом вновь изменить избирательный закон так, чтобы совсем изгнать из Думы кадетов и левых, и пересмотреть Основные законы в сторону восстановления неограниченной власти царя.[40] Так как Столыпин не шел на принятие подобных мер, лидеры легитимистской реакции выражали недовольство. Откровенный сторонник возврата к старым порядкам Шванебах отрицал за Столыпиным качества «национального вожака», поскольку премьер является «человеком компромисса».[41]

К оппозиции дворянства в декабре 1907 г. добавилось выступление Синода против вероисповедной политики правительства.

[35] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1155, л. 3.
[36] Там же, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 81.
[37] Русское слово, 1907, 18 ноября.
[38] Голос Москвы, 1907, 17 ноября.
[39] ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 3, д. 686.
[40] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 1109, л. 236—247.
[41] Из дневника Л. Тихомирова. — Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 129.

Рассмотрев проекты вероисповедных законов, Синод выразил несогласие с их общим направлением. Синод, в частности, требовал, чтобы и далее «право свободного распространения своего учения принадлежало одной православной вере», чтобы сохранялись преграды для перехода из православия в другие вероисповедания, кары за «нападки» на православную церковь в печати и в театре и т. п.[42] Фактически ставился под удар весь курс Столыпина на примирение со старообрядцами. В январе 1908 г. Мещерский открыл в «Гражданине» кампанию и против реформы местного суда. Против нее высказалось также и тульское дворянство, требовавшее сохранения института земских начальников.[43] Правые в Государственном совете выступили против реформы Сената.[44] В явной связи с давлением правых на Столыпина стояла и кампания, развернутая Мещерским против самого существования Совета министров и его председателя и за возвращение к прежнему Комитету министров. Мещерский утверждал, что «учреждение Совета министров и премьера есть... ограничение самодержавия государя», и требовал отменить должность премьер-министра,[45] поскольку, дескать, при существовании этой должности вся жизнь страны поставлена в зависимость от одного человека.

Не случайно именно с декабря 1907—января 1908 гг. вновь активизировались салоны гр. С. С. Игнатьевой и гр. С. Д. Шереметева, давно стяжавшие себе славу «поставщиков министров».[46] Кружок Игнатьевой, в который наряду с епископами Гермогеном, Антонием Волынским, о. Иоанном Кронштадтским, синодскими деятелями В. К. Саблером, А. П. Роговичем входили видные бюрократы Б. В. Штюрмер, А. А. Ширинский-Шихматов, ген. Ф. Ф. Палицын и другие, специализировался на церковных вопросах, но не чуждался вмешательства в общую политику. Постоянными посетителями салона Шереметева были виднейшие представители камарильи Ширинский-Шихматов, А. С. Стишинский, кн. А. А. Куракин, гр. С. А. Толь, А. Г. Булыгин и т. п.[47] В январе 1908 г. салон Шереметева был центром правых, интриговавших против Столыпина.[48]

Наиболее откровенное выражение попытки реставрировать дореволюционный государственный строй нашли в адресе, принятом московским губернским дворянским собранием 31 января

[42] ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 96, д. 188, л. 110—113.
[43] Гражданин, 1908, № 4, с. 3—5; № 5, с. 13; № 9, с. 14.
[44] Русское слово, 1908, 5 января.
[45] Гражданин, 1908, № 3, с. 13—14.
[46] Чуть раньше Киреев записывал в дневнике, что Столыпин и октябристы смогут «взаправду» управлять Россией, лишь «насколько позволят „неофициальные влияния“, и отмечал: «Эти „влияния“ несомненно существуют, очень смущая Столыпина» (РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 251).
[47] Русское слово, 1908, 5 января; 1909, 12 и 28 февраля.
[48] Речь, 1908, 29 января.

по инициативе братьев Самариных. Авторы адреса приветствовали переворот 3 июня как доказательство того, что «ныне, как и встарь, нет на Руси политической силы, равной царской власти», которая «выше **преходящих** (подчеркнуто нами, — *В. Д.*) внешних прав».[49] Московский адрес по справедливости был оценен и либеральной, и правой прессой как «осуждение акта 17 октября и последовавших из него изменений государственного строя».[50] Явное противоречие адреса с содержанием Манифеста 17 октября смутило даже губернского предводителя П. А. Базилевского, отказавшегося обсуждать адрес на официальном заседании, и лидера центра в Государственном совете кн. П. Н. Трубецкого, подписавшего вместе с большой группой участников собрания протест против принятия адреса. Тем не менее 198 голосами против 122 адрес был принят на частном совещании дворянского собрания, а вслед за тем губернским предводителем вместо Базилевского был избран А. Д. Самарин.[51] Сходный по содержанию адрес был представлен Николаю и от имени курского дворянства.[52]

Какая-то записка, составленная «руководителями кружка правых бюрократов» в духе московского адреса, получила распространение в придворных сферах. В этой записке утверждалось, что надо вернуться к булыгинскому проекту законосовещательной Думы, и критиковался Столыпин, который, де, цепляется за III Думу.[53] Всероссийский съезд «Союза русского народа», состоявшийся 10—18 февраля, тоже обратился к Николаю с призывом собрать «русских людей», преданных «самодержавию неограниченной царской власти», для обсуждения мер по «сокрушению смуты».[54]

Неудивительно, что на этом фоне получили широкое распространение слухи о предстоящей отставке Столыпина. В январе эти слухи связывались с затруднениями, которые встретил кабинет при проведении в Думе ассигнований на строительство броненосного флота, Эти затруднения были использованы группой правых, возглавляемых Стишинским, Шванебахом и Дурново, как повод, чтобы свалить Столыпина, причем газетные версии приписывали этой группе и инициативу составления адреса московских дворян.[55] В феврале в Думе снова стали циркулировать

[49] Гражданин, 1908, № 10, с. 11.
[50] Там же, № 11; с. 2—3. — Это осуждение еще яснее звучало в первоначальном варианте адреса, который московские дворяне все же не решились принять. В нем содержалось требование, чтобы «сама власть постоянно памятовала, что великих обязанностей, ей присвоенных, и тяжелой ответственности, на ней лежащей, она никому не может передать, если бы того и хотела» (РО ГБЛ, ф. 265, папка 124, ед. хр. 13).
[51] Русское слово, 1908, 1 и 5 февраля.
[52] Голос Москвы, 1908, 17 февраля.
[53] Русские ведомости, 1908, 6 февраля.
[54] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, 1908, д. 18, л. 17—23.
[55] Речь, 1908, 18 января; Голос Москвы, 1908, 16 января и 5 февраля.

слухи об отставке Столыпина, связанные на этот раз с жалобами дворян на подрыв их сословных прав проектом местной реформы.[56] Газетные сообщения о попытках свалить Столыпина находят свое подтверждение в дневнике Л. Тихомирова, записавшего рассказы Шванебаха и правителя дел канцелярии Главного управления по делам печати А. А. Садовского.[57] Слухи о возможной отставке правительства сообщал в феврале в Берлин германский посол в Петербурге, а его венский коллега передавал слова австрийского министра иностранных дел, тоже считавшего, что «положение Столыпина не является более прочным».[58] Подобные слухи зафиксировал в дневнике и Киреев, полагавший, однако, что увольнение Столыпина было бы «теперь грубой ошибкой».[59]

Обеспокоенность Столыпина нападками справа нашла свое выражение в статьях «России», в которых критиковалась «анархическая бестолочь крайних правых и истинно русских спасателей России». Прямо имея в виду противников законодательных прав Думы, С. Н. Сыромятников, рупор Столыпина в официозе, писал 13 января 1908 г., что «если народное представительство есть единственное человеческое средство, чтобы привести обращенную в развал Россию в порядок, то у народного представительства есть свои законы развития и действия, которые не признавать нельзя. Никакие соборы ничего не смогут сделать там, где ничего не смог сделать парламент».

В феврале Столыпину все же удалось одержать верх. Однако, по утверждениям прессы, был момент, когда адрес московских дворян мог возыметь практические последствия, и лишь его «крайности» помогли Столыпину одержать победу.[60] Тем не менее Тихомиров видел признаки непрочности премьера в очередном «милостивом» приеме Николаем черносотенного лидера гр. А. Коновницына (с которым Столыпин был не в ладах) и в том, что Николай не простит Столыпину его просьбы об отставке (которую он, якобы, подавал в связи с благосклонным приемом, оказанным царем депутации тульского дворянства, выражавшей недоверие правительству), ибо не любит выражения недовольства собою со стороны министров.[61]

На состоявшемся 9—16 марта IV съезде объединенного дворянства было предпринято новое наступление на Столыпина,

[56] Речь, 1908, 19 февраля.
[57] Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 133—140.
[58] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871—1914, Bd 25, H. 2. Berlin. 1927, S. 314.
[59] РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 267.
[60] Русское слово, 1908, 8 февраля; Русские ведомости, 1908, 20 мая. — Признаком победы было и решение Николая не отвечать благодарственной телеграммой на адрес московского дворянства. Правые расценили это как обидную для них демонстрацию со стороны царя. «Разве можно государю, — сетовал Киреев, — становиться на сторону октябризма» (РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 270).
[61] Красный архив, 1935, № 5 (72), с. 140.

прежде всего в связи с его проектом местной реформы. Доклад по этому вопросу был поручен Ф. Д. Самарину, который повторил основные положения записки московского дворянства от октября 1907 г. В докладе и в выступлениях участников съезда главное внимание было сосредоточено на защите сословного принципа и прежних прерогатив уездного предводителя дворянства. Дворянские уполномоченные называли планы Министерства внутренних дел враждебными сословию, поскольку оно «подкапывается под должность уездного предводителя, этой красы всероссийского дворянства», и заявляли, что введение бессословного принципа «сознательно или бессознательно» ведет Россию к республиканскому строю, ибо сословность является опорой монархии. В борьбе против неугодной им реформы помещики пугали царя новым подъемом революции, вытекавшим якобы из этой реформы. «Тридцать лет назад, — восклицал один из лидеров Совета объединенного дворянства Д. Н. Цертелев, — был возбужден вопрос о мелкой земской единице, разрешившийся 1 мартом».[62]

В то же время помещичьи представители не скрывали, что в основе их выступлений лежит стремление сохранить позиции в деревне и во всей системе управления. Реформы, задуманные правительством, говорили они, «так велики, так крупны..., что пережить их у нас не хватит ни сил, ни средств», а положение помещиков в деревне станет совершенно невозможным, если будет создана всесословная волость и «нас приравняют к членам волостного схода».[63] Не случайно выступления против реформы местного управления сочетались с сетованиями на ускоряющийся процесс потери дворянством его земель, ответственность за который также возлагалась на аграрную политику правительства, и требованиями искусственных мер для сохранения дворянского землевладения. В принятом съездом постановлении реформа местного управления объявлялась не только «нежелательной и нецелесообразной», но и «вредной», а устранение сословных привилегий дворянства несовместимым с «правильно понимаемой заботой о сохранении и развитии монархического начала».[64]

Последовательно выступая за сохранение господствующих позиций поместного дворянства, съезд высказался и против реформы местного суда. В особенности настойчиво съезд требовал сохранения волостного суда как исключительно крестьянского учреждения и института земских начальников. Съезд поднял также вопрос об увеличении числа членов Государственного совета, избираемых непосредственно дворянскими собраниями. Это требование мотивировалось тем, что земская реформа может изменить

[62] Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 48, 112, 145.
[63] Там же, с. 83, 145, 196.
[64] Свод постановлений I—X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ. СПб., 1915, с. 48—52.

социальное лицо земств, и их представители в Государственном совете окажутся в таком случае либералами.

Иными словами, задуманные Столыпиным реформы отвергались целиком. «Конечно, — подводил итоги съезда Киреев, — это будет не по нутру Столыпину, но с нашим мнением нельзя будет не считаться. Ведь в сущности и сам царь — правый, монархист. Он только прикидывается, что нами недоволен».[65]

В постановлении дворянского съезда выражалось также недовольство передачей проекта реформ на обсуждение Совета по делам местного хозяйства, а не прямо дворянских и земских собраний. Выпад против Совета по делам местного хозяйства был связан с тем, что как раз в эти дни Столыпин созвал первую его сессию, вынеся на ее обсуждение проекты волостного и поселкового управления и земской избирательной реформы. Создание такой промежуточной ступени обсуждения законопроектов до Думы справедливо считалось уступкой именно дворянству, но последнее находило недостаточно обеспечивающим его интересы состав Совета, в который входили Столыпин, Крыжановский, 20 представителей министерств (из них 17 — от МВД), 10 губернаторов, 16 губернских и уездных предводителей дворянства, 29 представителей от земств и 12 от городов.

Выступая при открытии заседания Совета на следующий день после доклада Самарина на дворянском съезде, Столыпин, явно отвечая на критику справа, говорил: «Я знаю, многие думают, что пока еще нет в деревне полного успокоения, необходимо все оставить по-старому. Но правительство думает иначе и сознает, что его обязанность способствовать улучшению местного строя».[66] Внесенные правительством проекты свидетельствовали, однако, о значительной сдаче позиций под давлением справа. Стремясь показать готовность прислушиваться к голосу «первенствующего сословия», Столыпин в своей речи специально подчеркнул, что правительство старается намеренно «сохранить в земстве влияние и значение наиболее культурного, наиболее образованного элемента, наиболее притом привыкшего к земской работе, а именно класса поместных землевладельцев».

Проект избирательной реформы предусматривал теперь выделение в уездах в особую курию владельцев полного ценза (а не половины, как первоначально) и отказ от пропорционального распределения числа гласных между куриями. Он устанавливал число гласных от крестьян в размере, составлявшем половину того, которое приходилось бы на их долю при пропорциональном распределении. Гласные от землевладельцев должны были составить не менее $^1/_3$ от общего их числа, а остальное падало на представителей торгово-промышленных кругов. Проект поселкового управления предусматривал создание органов власти (сход и староста) для крупных сел, фабрично-заводских и дачных поселков и т. п. в границах «черты усадебной оседлости селения», т. е. не включая земельные угодья помещиков, даже если они живут в поселке, и тем освобождая их от поселкового сбора. При выборах поселкового управления сохранялся налоговый ценз. Наименьшим изменениям подвергся проект волостного управления. Правительство настаивало на создании всесословной волости, имеющей не только (и не столько) хозяйственные, сколько административные функции и потому вводимой повсеместно, а не в зависимости от решения уездного земства.

Новые проекты МВД были подвергнуты в Совете по делам местного хозяйства критике с двух сторон. Реакционное дворянство по-прежнему выступало против реформы вообще. М. Я. Говорухо-Отрок, гр. В. Ф. Доррер и кн. А. П. Урусов от имени курского и тульского губернских земств заявили протест против «коренной ломки существующего сословно-корпоративного строя уездной жизни», каковую они видели в создании всесословной волости и расширении контингента избирателей уездного земства, и предсказывали падение в результате реформы «влияния элементов консервативных».[67] С другой стороны, часть октябристов и представители городов отстаивали введение налогового ценза не только в поселке, но и в волости и уезде. Они указывали, что сохранение имущественного ценза лишает избирательных прав лиц, уплачивающих торговые и промысловые сборы, но не владеющих недвижимостями.

Изменения, на которых настояло большинство членов Совета, были направлены на еще большую защиту интересов помещиков. С этой целью владельцы земельной и неземельной собственности в уезде были разведены по разным куриям, чтобы хозяева промышленных предприятий не забаллотировали помещиков. За владельцами полноцензовых имений было решено зарезервировать половину мест гласных уездного земства. Была введена куриальная система и при выборах в волостные управления — крестьяне-общинники были отделены от частных владельцев, а полноцензовики получали право автоматического вхождения в число волостных гласных. В противном случае, говорил А. П. Урусов, мотивируя это требование, «мало того, что их забаллотируют, но вдобавок еще будут распоряжаться их деньгами».[68]

Хотя правительство и не обязано было принимать рекомендации Совета по делам местного хозяйства, являвшегося совещательным органом, давление помещичьей оппозиции явно сказалось на Столыпине. Сразу же по окончании сессии Совета он пришел к выводу, что законопроекты МВД «потерпят значительные изменения». В то же время он не считал еще нужным полностью отказываться от своих планов, рассчитывая на поддержку

[65] РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 276.
[66] ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 1, д. 29, л. 3—4.
[67] Там же, д. 17, л. 4—5.
[68] Там же, д. 25, л. 13.

царя. Во всяком случае в конце марта Николай еще, видимо, соглашался с позицией Столыпина и писал матери: «Теперь, когда стало спокойнее, дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы, — но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем».[69]

Со своей стороны объединенное дворянство стремилось оказать давление на Николая. 2 апреля депутация дворянского съезда представила царю письменный обзор деятельности съездов, изложение доклада Ф. Самарина о местной реформе и резолюцию съезда по этому вопросу, а в устном докладе затронула и вопрос о местном суде.[70] Николай обещал депутации, что права уездного предводителя не будут умалены.[71] В июне В. И. Гурко вновь представил Николаю доклад о работе IV съезда объединенного дворянства, повторив в нем критику правительства и его планов. В докладе утверждалось, что правительство своими реформами подрывает как раз те учреждения, которые «отстояли царское самодержавие и русский исторический уклад», и не собирается реформировать те, которые оказались рассадником мятежа — школу, печать и суд присяжных.[72]

Одновременно участились выступления крайне правых против Столыпина и по другим вопросам. В начале июня во главе правых в Государственном совете встали заведомые противники Столыпина из группы П. Н. Дурново.[73] Вскоре после этого финансовая комиссия Государственного совета по настоянию Шванебаха отклонила правительственный законопроект о штатах Морского генерального штаба. «Во всем, что говорилось, — записывал свои впечатления помощник военного министра ген. А. А. Поливанов, — чувствовалось желание сделать подвох Столыпину, который, якобы, пропустил через Совет министров ограничение верховной власти».[74] Вслед за тем штаты Морского штаба были отвергнуты на общем заседании Государственного совета, причем в ходе прений Дурново, пока еще в косвенной форме, тоже обвинил правительство во вмешательстве в область верховного управления.[75]

Между тем союзники Столыпина — октябристы — начали проявлять признаки беспокойства из-за того, что обещанные правительством реформы откладываются. Еще в январе они, несмотря на возражения Коковцова, проголосовали за принятие к рассмотрению кадетского проекта о расширении бюджетных прав Думы,

[69] Красный архив, 1932, № 1—2 (50—51), с. 184.
[70] Голос Москвы, 1908, 3 апреля.
[71] Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 102—103.
[72] Речь, 1908, 25 июня.
[73] Там же, 13 июня.
[74] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916, М., 1924, с. 47.
[75] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия третья. СПб., 1908, стб. 1718, 2230.

хотя и оговорились, что не все в этом проекте им нравится.[76] В марте докладчик по законопроекту об ассигновании Министерству просвещения дополнительных средств «в видах всеобщего обучения» октябрист Е. П. Ковалевский подверг министерство критике за то, что оно вместо цельного плана всеобщего обучения внесло в Думу ряд мелких и частных проектов, и подчеркнул: «дело народного образования связано с вопросами не чисто учебными, но и вопросами главным образом самоуправления и местного управления, политическими отношениями, вероисповедным вопросом, оно зависит от общей финансовой организации страны».[77] В апреле при обсуждении бюджета Министерства путей сообщения октябристы и умеренные запротестовали против бронирования штатов МПС, проведенного рядом «высочайших повелений» уже после 17 октября 1905 г. Спор стал особенно острым из-за позиции крайне правых, тут же заявивших о признании ими законными любых действий царя, хотя бы и в нарушение Основных законов. Снова всплывал опасный для Столыпина вопрос о прерогативах верховной власти. Демонстрируя недовольство нарушением бюджетных прав Думы, октябристы и умеренные сократили забронированную смету МПС на один рубль,[78] гордо названный «конституционным рублем».

Столкновение из-за «конституционного рубля» в свою очередь обострило прения о создании комиссии для обследования приносивших большие убытки казне железных дорог. Октябристы и умеренные, поддержанные кадетами, требовали организации думской комиссии, против чего возражал Коковцов, предлагавший министерскую комиссию с приглашением «сведущих лиц». В ходе прений Милюков вместо «думской комиссии» заговорил о комиссии «парламентской», на что Коковцов немедленно отреагировал: «У нас парламента, слава богу, еще нет».[79] По распространенному не только в думских, но и в правительственных кругах мнению, фраза Коковцова была заготовлена заранее, чтобы подчеркнуть отличие его отношения к Думе от позиции Столыпина[80] и заручиться поддержкой правых в борьбе за кресло премьера.

К этому же времени относится выступление октябристов с критикой собственного столыпинского ведомства — Министерства внутренних дел. Еще 4 апреля «Голос Москвы» очень осторожно упрекнул правительство в недостаточно энергичной борьбе с произволом административной власти на местах, имея в виду прежде всего генерал-губернаторов. В конце апреля под впечатлением

[76] Государственная дума... Сессия I, ч. I, стб. 1189—1190, 1239—1240, 1320.
[77] Там же, Сессия I, ч. II, стб. 401.
[78] Там же, стб. 1624.
[79] Там же, стб. 1995.
[80] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 46. — Коковцов в своих очень неискренних мемуарах отрицал преднамеренный характер фразы (см.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. т. 1. Париж, 1933, с. 307—308).

конфликта из-за речи Коковцова октябристы взяли в Думе более высокую ноту. Выступая в ходе обсуждения сметы МВД, Мейендорф высказался за необходимость реформ вообще и реорганизации полиции в частности.[81] В том же духе выступил и А. Д. Голицын,назвавший Россию «сетью отдельных сатрапий, не подчиненных ни закону, ни главе власти».[82] О необходимости отказа от исключительных положений и проведения реформ говорил С. И. Шидловский, сетовавший, что полицейское дело заслоняет в МВД все другие функции.[83] После возражений товарища министра А. А. Макарова Уваров от имени фракции вновь заявил о необходимости «перейти к более нормальным условиям русской жизни» и отменить чрезвычайное положение в «коренных губерниях».[84] Для выступлений октябристов было характерно стремление отделить критику местных властей от оценки деятельности министерства в целом и лично Столыпина.

Конец мая ознаменовался конфликтом, начавшимся из-за вопроса о броненосцах. Этот вопрос расколол многие фракции на сторонников и противников строительства флота открытого моря. Его противники исходили из необходимости отдать предпочтение реорганизации сухопутных сил или из недоверия к порядкам в Морском министерстве, вызванного воспоминаниями о Цусиме. В критике Морского министерства активно участвовали правые, что было связано и с их надеждой провалом ассигнований на броненосцы поколебать положение Столыпина, искренне или неискренне вынужденного отстаивать любимую идею Николая.

Октябристы и умеренные с явного одобрения Столыпина[85] внесли в обсуждение смет Морского и Военного министерств еще один мотив — они выступили против Совета государственной обороны, возглавленного Николаем Николаевичем, и против других великих князей, занимавших руководящие посты в военном ведомстве. Уже докладчик октябрист А. И. Звегинцев говорил, что председательствование в Совете обороны должно «принадлежать лицам, безусловно ответственным как лично, так и по своему положению».[86] Уйти со своих постов призывал «безответственных руководителей» Крупенский.[87] С таким же призывом обратился и Гучков, назвавший великих князей поименно.[88]

Столыпин, однако, не рассчитал последствий и должен был из-за явного недовольства «сфер» выступлением Гучкова подчеркнуть свое несогласие с Думой. Его неудовольствие вызвало и отклонение Думой ассигнований на броненосцы, несмотря на его личное участие в думских прениях. К тому же октябристы, хотя

[81] Государственная дума... Сессия I, ч. II, стб. 2112—2114.
[82] Там же, стб. 2430.
[83] Там же, стб. 2520—2526.
[84] Там же, стб. 2670—2674.
[85] Россия, 1908, 29 мая.
[86] Государственная дума... Сессия I, ч. III, стб. 1228.
[87] Там же, стб. 1252.
[88] Там же, стб. 1599—1600.

усиленно отмежевывались от своих соседей слева и пели дифирамбы Столыпину, продолжали, пользуясь прохождением бюджета через Думу, критиковать буксовавшую на любых реформах государственную машину.

Для Столыпина, увязшего в борьбе со своими противниками справа и вынужденного отбиваться от обвинений в умалении прерогатив царя, даже умеренная и основанная на сугубо деловых мотивах оппозиция октябристов в вопросе о флоте была совершенно некстати. Поэтому, хотя еще в феврале он в комиссии Думы признавал ее право решать вопрос о военных ассигнованиях и обещал «не допускать никакого конфликта с Государственной думой на почве обороны»,[89] Столыпин в июне, апеллируя к Государственному совету против Думы, назвал отказ в военных кредитах «бессознательным переходом» к парламентаризму путем прецедентов и потребовал от Думы, чтобы она беспрекословно штамповала вносимые правительством сметы.[90]

Столыпинская речь всерьез обидела октябристов. В интервью «Новому времени» Гучков вновь поднял вопрос о действиях властей, которые носят «все следы дореформенной эпохи», причем теперь адресовал этот упрек не только местным, но и центральным властям. Говоря же о взаимоотношениях Думы и правительства, Гучков подчеркнул: «По мере того как отходили вдаль тяжелые для правительства воспоминания (о революции, — *В. Д.*), росла и самоуверенность правительства, и те требования, которые оно находило возможным предъявить к Г. Думе».[91] Когда же 27 июня «Россия» попробовала по примеру прошлого года цыкнуть и заявила, что «думский центр и его руководители сделали бы серьезную политическую ошибку, если бы стали искать поводов раздувать в стране так называемые оппозиционные настроения», «Голос Москвы» 5 июля ответил статьей «Судьбы русской конституции». После констатации «видимого падения конституционных настроений» власти к концу думской сессии в статье напоминалось, что такая тенденция вредна «не столько для судеб русского конституционализма, сколько для уклоняющихся с правильного пути самих представителей власти». Вслед за тем (15 июля) «Голос Москвы» выступил за подотчетность министров Государственной думе во всех своих действиях. Разумеется, все это отнюдь не означало ни перехода октябристов в оппозицию, ни их намерения более решительно настаивать на осуществлении правительством обещанных реформ, но все же между ними и Столыпиным появилась трещина, свидетельствующая о том, что «Союз 17 октября» хотел бы получить хоть часть платы по выданным векселям, тогда как премьер оказывался неплатежеспособным.

[89] Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968, с. 171.
[90] Государственный совет... Сессия III, стб. 1707—1708.
[91] Новое время, 1908, 26 июня.

Глава V

ЛИБЕРАЛЫ И ОКТЯБРИСТЫ. БОРЬБА ЗА «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ» (1907—1908 гг.)

Если тактика кадетов в период революции оттолкнула от них те демократические слои, которые лишь с некоторым опозданием поняли их буржуазную классовую сущность и контрреволюционность их программы и тактики, то наступление реакции отпугнуло от кадетской партии социально и духовно родственные элементы, разочаровавшиеся в возможности быстрого осуществления кадетской программы, неспособные к длительной политической борьбе и испугавшиеся административных притеснений. В результате, как признавал председатель ЦК кадетов кн. П. Д. Долгоруков, число членов партии «значительно уменьшилось. В некоторых местностях целые партийные группы исчезли».[1] То же самое должны были констатировать и другие кадетские лидеры. На заседании ЦК 13 января 1908 г. А. М. Колюбакин, выступая против предложения М. М. Винавера посоветовать членам партии в случае судебных преследований местных комитетов публично заявлять о своей солидарности с ними, говорил, что подобные действия могут лишь обнаружить малочисленность кадетских рядов.[2] В начале апреля, подводя итоги проведенного Московским отделом ЦК обследования, Н. М. Кишкин отмечал: «Всего 8 губ., где комитеты еще существуют (беседуют), большая часть (12 губ.) комитеты бездействуют и остальные распались. Группы же и вовсе распались. Мы имеем теперь, собственно, отдельных лиц».[3]

В этой обстановке кадеты по окончании избирательной кампании занялись выработкой своей внедумской тактики, которая, как и их поведение в Думе, отражала дальнейший «поворот кадетов вправо».[4] Основными элементами этой тактики являлись поиски легальных форм организации сочувствующих элементов в условиях отказа властей в регистрации партии, стремление сохранить позиции в земских кругах и в интеллигенции, т. е. в той среде, которая когда-то послужила истоком партии, и попытки распространить свои идеи в демократических слоях населения.

Характерной чертой кадетской тактики было подчеркнутое стремление к аполитичности и тяга к соглашению с более правыми элементами. В первой половине ноября 1907 г. МО ЦК собрал совещание земских деятелей, «о пребывании которых в Москве было случайно известно». Собравшиеся 25 земцев из пяти губерний разработали рекомендации для сторонников партии в связи с предстоявшими сессиями губернских земских собраний. Кадетским земцам предлагалось не выступать «инициаторами предложений и прений с яркой политической окраской, особенно с демонстрационными целями», а на выборах представителей в Совет по делам местного хозяйства голосовать за «меньшее зло», баллотируя за октябристов и даже умеренно правых. Провинциальным кадетам предлагалось также искать пути объединения всех «прогрессивных общественных деятелей»,[5] т. е. блокироваться с беспартийными прогрессистами и практически с октябристами.

Одновременно с москвичами поставили вопрос о характере внедумской деятельности петербургские кадеты. Посвященную этой проблеме записку Д. Д. Протопопова «О желательном направлении деятельности петербургской городской группы партии народной свободы» [6] характеризовали те же настроения, что и рекомендации московского совещания земцев. Протопопов отмечал в качестве признака времени падение в интеллигентских кругах интереса к политическим вопросам и уход в культурно-просветительскую деятельность. «Это, — считал Протопопов, — может быть лишь временным контрастом недавнему стремлению, возлагавшему все надежды на политическую деятельность, но наличность такого настроения несомненна». Протопопов предлагал в связи с этим сосредоточить внимание на культурной работе — создании клубов, организации лекций и т. п., выставляя в качестве руководящего начала такой работы «непартийность и самодельность». Хотя Протопопов оговаривался, что просветительский уклон имеет целью преодолеть наступившие после трех избирательных кампаний политические будни, «чтобы не угасал партийный огонь», фактически его записка была программой своеобразного кадетского ликвидаторства. Это обстоятельство было особенно подчеркнуто в решении петербургских кадетов 18 ноября, в котором высказывалось пожелание, «чтобы внедумская деятельность партии проявлялась преимущественно в культурной работе среди населения и носила беспартийный характер».[7]

---

[1] Русское слово, 1907, 2 ноября.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 44.
[3] Там же, д. 2, л. 54.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 36.
[5] ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 77, л. 1—2.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1201, л. 1—4.
[7] Речь, 1907, 20 ноября.

Стремясь предотвратить все же распад местных организаций и дать им легальное занятие на период, когда не предполагалось никаких избирательных кампаний, обычно вызывавших оживление кадетской интеллигенции, Петербургский городской комитет кадетов призвал своих единомышленников сосредоточиваться вокруг участия в земских и городских делах, «лишенных партийной окраски», и для этого создавать общества обывателей и избирателей,[8] о которых речь будет идти в гл. VIII.

Стремление уйти в просветительскую и муниципальную деятельность вызвало критику Милюкова, подчеркнувшего на полях протопоповской записки, что «культурная работа только и возможна после того, как будет сделана необходимая работа для проведения политических реформ», а в марте 1908 г. кадетский ЦК постановил, чтобы местные организации продолжали заниматься политической деятельностью,[9] хотя и не расшифровал, что он при этом имеет в виду.

Вопрос о «партийной и внепартийной деятельности» был вынесен на специальное совещание, состоявшееся 19—20 апреля в Москве с участием членов ЦК и фракции и представителей 15 губерний.[10] В докладе ЦК признавалось, что кадеты «утеряли всякое значение в земствах и только кое-где держатся в городских самоуправлениях». Переход к нелегальным формам деятельности отвергался как совершенно невозможный для кадетов, и в качестве главных путей сохранения местных кадров назывались участие в культурно-просветительских организациях и борьба за местные самоуправления. При этом в докладе ЦК подчеркивалось, что идти в просветительские общества нужно «не для политической агитации, а для тех целей, которым они предназначены», ибо «всякая политическая агитация в них повлекла бы за собою закрытие этих обществ». Точно так же было признано нецелесообразным выступать с широкой муниципальной программой, чтобы избежать острых углов, и предлагалось идти на каждых выборах под местными лозунгами.[11] На совещании раздавались и голоса критиков аполитичного курса и, видимо, под влиянием этой критики в доклады и постановления совещания были внесены оговорки, что «сама жизнь общественных организаций и направленные на них правительственные репрессии создадут идею связи их задач с задачами политической борьбы» и что различные беспартийные клубы «при малейшем улучшившихся условиях... могли бы обратиться в очаги политической пропаганды».[12]

[8] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 340, л. 3.
[9] Там же, д. 29, л. 132.
[10] Протоколы совещания: ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1079, л. 1—15; Доклады на совещании: там же, д. 613, л. 1—14. — Дата совещания установлена по «Отчету о деятельности МО ЦК за 5 лет» (там же, д. 1115, д. 12).
[11] Там же, д. 613, л. 2, 3, 12.
[12] Там же, л. 3; там же, д. 1079, л. 3.

Сознание слабости преимущественно интеллигентской социальной базы и опыт 1905—1907 гг., когда рабочие и крестьянские массы не вняли кадетским призывам к «умеренности» и поддержали революционные лозунги и тактику большевиков, заставили кадетов задуматься над путями заблаговременного распространения своих идей в массах, чтобы приучить последние видеть в них «своих руководителей, даже в силу привычки»,[13] и создать «умеряющий слой на случай могущей явиться почти неизбежной анархии»,[14] как они называли новый революционный подъем. В этих целях Протопопов в своей уже цитировавшейся записке предлагал обратить особое внимание на агитацию среди торговых служащих и приказчиков не только ради них самих, но и потому, что «этот „третий элемент“ коммерции и промышленности имеет непосредственное соприкосновение с рабочим классом и может поэтому быть проводником идей среди него».[15] Участники совещания 19—20 апреля более трезво оценили возможности кадетов, признав, что по крайней мере «данный момент неудобен для проникновения в рабочую среду»,[16] но по-прежнему считали небесперспективными попытки распространить влияние на крестьянство и городскую мелкобуржуазную демократию. Кадеты при этом отдавали себе отчет в том, что у них нет прямых контактов с крестьянами и намеревались действовать «через земских учителей, фельдшеров и студентов».[17]

Этим целям и была посвящена лекционно-просветительская деятельность кадетов, осуществлявшаяся через созданную в 1906 г. Лигу образования, Общества народных университетов и другие аналогичные организации. В своей лекционной кампании кадеты и близкие к ним по духу интеллигенты стремились использовать любую возможность для пропаганды правовых знаний, с помощью которой они надеялись убить двух зайцев: и поддержать оппозиционные настроения в стране, и перевести их в либерально-конституционное русло. В соответствии с планами воздействия на крестьянство через учителей под эгидой Лиги образования в летние месяцы устраивались курсы для учителей начальных училищ. Летом 1908 г. на такие курсы собрались более тысячи слушателей. Общества народных университетов организовывали лекции преимущественно для рабочих.[18]

Деятельность просветительных обществ вызывала подозрительное внимание властей, считавших, что эти общества направляют «имеющиеся в их распоряжении силы и средства к сплочению народных масс для противоправительственной деятельности».

[13] Там же, л. 4.
[14] Там же, д. 613, л. 10.
[15] Там же, д. 1201, л. 2.
[16] Там же, д. 1079, л. 2.
[17] Там же, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 62.
[18] Речь, 1908, 11 июня и 9 июля; Русские ведомости, 1908, 6 июня; Слово, 1908, 10 ноября.

В связи с этим местной администрации предлагалось строго следить за обществами и «принимать решительные меры» вплоть до их закрытия.[19] В то же время попытки кадетов подчинить работу обществ своим целям встречали сопротивление слева, что отчетливо проявилось на съезде народных университетов в январе 1908 г., на котором представители социал-демократов выступили против стремления кадетов взять под свою опеку культурно-просветительную работу профессиональных союзов и навязать им своих лекторов.[20]

Не преуспев в тщетных попытках распространить свое влияние в демократических кругах, кадеты добились некоторых, очень относительных результатов в другом направлении — в октябре 1908 г. при содействии МО ЦК было устроено новое совещание «прогрессивных земцев» (кадетов, мирнообновленцев и левых октябристов), избравшее постоянное бюро во главе с кн. С. Д. Урусовым.[21] Хотя дальнейших упоминаний об этом бюро нами не обнаружено, сами блоки кадетов и октябристов (организация которых была целью создания бюро) на выборах в городские думы были на рубеже 1908—1909 г. сколочены в ряде городов.[22]

В связи со стремлением кадетов наладить организационные связи с правее стоящими элементами находилось и их участие в неославистском движении, развернувшемся с весны 1908 г. Зимой 1907/08 г. славянские депутаты австро-венгерского рейхсрата создали комитет во главе с К. Крамаржем для подготовки славянского съезда. Первоначально идея созыва такого съезда обсуждалась в России в кругах значительно правее кадетов. Затем ее подхватили мирнообновленцы, придавшие ей национал-либеральный характер. В таком виде она стала приемлема и для правого крыла кадетов, быстро сползавшего к национализму. В марте 1908 г. в Москве было учреждено Общество славянской культуры. Среди учредителей числился и С. А. Котляревский.[23] Вслед за тем был поднят вопрос о создании Общества в Петербурге. В совещании, обсуждавшем этот вопрос, участвовали Гучков, Струве, Милюков и другие представители октябристов, прогрессистов и кадетов.[24] Если для Струве участие в неославистском движении было очередным этапом в его националистической эволюции, то для руководства кадетской партии оно было попыткой захватить еще какой-нибудь легальный плацдарм для своей деятельности. Поэтому, подчеркивая, что он по-прежнему отрицает славянофильство как идеологию,[25] Милюков стремился к возможно большему присутствию кадетов во всех «славянских» обществах и съездах. Так и на состоявшийся в июле в Праге славянский съезд первоначально была намечена представительная делегация, включавшая левых октябристов, видных мирнообновленцев и кадетов, в том числе Милюкова,[26] а «Речь» 15 мая 1908 г. выражала явное удовлетворение тем, что «чешские гости» оказываются в роли примирителей разных политических течений в самой России. Однако затем по не вполне ясным причинам, возможно под прямым давлением правительства, состав делегации был сделан значительно более правым, и единственным кадетом в ней остался Маклаков, оказавшийся в компании неприкрытых националистов. В итоге кадеты стали выражать разочарование в возможности извлечь для себя тактические и организационные выгоды из неославистского движения,[27] хотя осенью 1908 г. в связи с Боснийским кризисом в своей лекционной деятельности и в прессе уделяли много внимания славянскому вопросу.

Важное место во внедумской деятельности кадетов, как и в политической жизни России вообще, занимал университетский вопрос. Царизм, вынужденный в годы революции смириться с автономией университетов и с существованием общестуденческого представительства, руководимого революционными партиями, начал после третьеиюньского переворота поход «против автономии, которой студенты пользовались, пока самодержавию было „не до студентов", и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием».[28] Этот поход был начат с введения Правил 11 июня 1907 г., ограничивавших возможность открытого существования студенческих выборных органов.

Удар по этим органам был ударом и по либеральной профессуре, которая в условиях общего спада революционных настроений надеялась расширить свое влияние на студентов. Либеральные профессора попытались объяснить властям, что те уже могли убедиться в безрезультатности чисто репрессивных мер, тогда как легальные студенческие организации «при известных обстоятельствах даже способствуют водворению порядка» и в них берут верх «умеренные» элементы. Когда правительство, не заинтересованное в усилении позиций «умеренных», т. е. либеральных, элементов в высшей школе, не вняло их советам, кадетские руководства крупнейших университетов попытались сохранить легальное студенческое представительство в рамках Правил 11 июня. Это вызвало резкую реакцию Столыпина, усмотревшего в «образе действий учебных властей» «по меньшей мере... нежелание идти рука об руку с местной администрацией».[29]

[19] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 188, д. 148, л. 98—99.
[20] Речь, 1908, 6 и 8 января.
[21] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1115, л. 39.
[22] Русские ведомости, 1909, 18 января.
[23] Русское слово, 1908, 30 марта.
[24] Речь, 1908, 4 апреля.
[25] Там же, 20 апреля.
[26] Слово, 1908, 11 июня.
[27] Русские ведомости, 1908, 2 ноября.
[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 214.
[29] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 192, л. 79.

Нисколько не сочувствуя революционной деятельности студентов и выступая против «политики» в стенах университетов, либеральная профессура должна была протестовать против грубых правительственных методов подавления студенческих организаций и потому, что эти методы действительно не соответствовали представлениям кадетов о том, как должно осуществляться руководство высшей школой, и потому, что отказ от публичного протеста подорвал бы авторитет профессуры в глазах учащихся и поставил бы крест на кадетских планах превращения студентов в свою опору. Поэтому за каждым новым шагом Министерства просвещения по пути ликвидации прав студенческих организаций и собраний следовали постановления советов университетов, в которых распоряжения Министерства характеризовались как ведущие к «последствиям, чрезвычайно опасным в отношении к сохранению условий спокойной академической жизни».[30] С постоянными протестами выступала и либеральная пресса. Одновременно и пресса, и профессура призывали студентов отказаться от забастовок и других активных форм борьбы, доверив защиту автономии университетским советам.

Двусмысленная политика либеральной профессуры не могла, конечно, повлиять на революционное студенчество, но вызвала раздражение властей, которые форсировали подготовку нового университетского устава, ликвидировавшего и профессорскую автономию. Одновременно профессуре было предъявлено требование дать подписку о непринадлежности к противоправительственным партиям.[31] Теперь речь шла уже не только о студенческих организациях, но и о непосредственных интересах профессуры, и Советы Петербургского, Московского и Харьковского университетов выступили с заявлениями, критиковавшими действия Министерства просвещения.[32]

Усиление профессорской кампании протестов совпало с началом всероссийской забастовки студентов в защиту их организаций и собраний. Инициатива забастовки исходила, видимо, не от самых революционных кругов студенчества. Сходка Петербургского университета выдвинула лозунги борьбы за академические свободы, уклонившись от политических требований, и приветствовала «выступление профессорской коллегии на защиту автономии». В числе мотивов, вызвавших забастовку, московские студенты назвали и угрозу увольнения либеральных профессоров.[33]

Но профессура и руководство кадетской партии были крайне напуганы такой поддержкой. Еще 5 сентября, до начала забастовки, «Речь» выражала надежду, что «студенчество не сыграет в руку реакции какой-нибудь необдуманной вспышкой».

[30] Там же, д. 191, л. 47—52.
[31] Голос Москвы, 1908, 10 сентября.
[32] Речь, 1908, 12 сентября.
[33] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 159, л. 184, 206—207.

Когда забастовка в университетах фактически уже шла, «Речь» (16 и 20 сентября) уговаривала студентов пересмотреть свое решение и не предпринимать шагов, способных разъединить молодежь «с профессорской коллегией и настроением общества». В. И. Ленин отмечал, что «кадетско-октябристская печать держится по отношению к забастовке самым гнусным образом, доказывая в самом разгаре борьбы, что она вредна, преступна и т. д.».[34]

Кадетский ЦК не решился все же прямо выступить против участия своих сторонников в забастовке, ограничившись советом «осведомляться о настроении профессоров и поддерживать с ними сношения».[35] Видимо, результатом таких сношений было обращение кадетской студенческой фракции Московского университета, призывавшее не начинать забастовку.[36] Но после объявления забастовки студенты-кадеты повсюду приняли в ней участие и входили в руководившие ею коалиционные комитеты, продолжая агитировать за организованное прекращение стачки. Сходной была и позиция профессоров: отказываясь читать лекции штрейкбрехерам из «Союза русского народа» и в ряде случаев выступая за временное официальное закрытие университетов во избежание возможных столкновений с полицией (правительство настаивало на поддержании фикции учебных занятий любой ценой), профессора все время уговаривали студентов прекратить забастовку и предоставить им отстаивание автономии высшей школы легальными методами.

В отличие от кадетов октябристы открыто выступили против забастовки. При непосредственном участии Гучкова и других лидеров октябристской фракции была создана петербургская группа «Союза 17 октября»,[37] которая вместе с рядом других образовала «Противозабастовочный комитет».[38]

Студенческая забастовка закончилась в октябре частичным успехом, а оппортунистическая позиция профессуры и кадетских студенческих групп усилила разногласия между либеральной профессурой и революционным студенчеством и ускорила процесс политического размежевания среди самих студентов. В то же время, отказавшись поддержать студенческую стачку, либеральная профессура продолжала свою тактику декларативных выступлений против политики Министерства просвещения, немедленно становившихся достоянием кадетской прессы и использовавшихся кадетским руководством в его кампании борьбы за «общественное мнение».

Во всех перечисленных выше направлениях (просветительская деятельность, участие в неославистском движении, сопротивление

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 218.
[35] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 151.
[36] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 154, д. 159, л. 202.
[37] Русские ведомости, 1908, 2 октября; Слово, 1908, 1 и 2 октября.
[38] Речь, 1908, 7 октября.

политике Министерства просвещения) кадеты выступали вместе с прогрессистами, тянувшими к еще большему отходу от «политики», еще большему сведению всей деятельности к сугубо легальным и «беспартийным» мерам. Кроме принципиальных соображений, причиной такой позиции прогрессистов была их организационная слабость, лишавшая их возможности партийных выступлений. Партия демократических реформ вообще не подавала признаков жизни, а ее лидер М. М. Ковалевский прочно блокировался с кадетами. Партия мирного обновления также существовала больше на бумаге. В мае 1908 г. ЦК ПМО разослал провинциальным отделам анкету, прося сообщить о состоянии дел и о количестве членов партии. Из формально существовавших 15 местных групп постоянные сношения с ЦК, состоявшим из кооптированных, а не избранных лидеров, поддерживали лишь московская и рижская группы.[39] «Клуб независимых», являвшийся базой мирнообновленцев в Москве, в мае прекратил свое существование,[40] а группа прогрессистов в Думе считала нецелесообразным сливаться с ПМО и сохраняла беспартийный характер.[41]

В попытке выйти из состояния практического распада лидеры мирнообновленцев выдвинули было идею создания вокруг ПМО большой партии из числа правых кадетов и левых октябристов. В кругах, близких к «Слову», задумали создать в качестве ядра такой будущей партии редакционный совет, в который позвали П. Б. Струве, В. А. Маклакова и С. А. Котляревского от кадетов, М. Я. Капустина, В. М. Петрово-Соловово и С. И. Шидловского от октябристов. Октябристы не откликнулись на зов, и тем дело и кончилось.[42] Лишь «Вестник Европы» еще некоторое время продолжал пропагандировать идею образования «сильной либеральной партии» из мирнообновленцев и левых октябристов.[43]

В таких условиях реальная деятельность прогрессистов сводилась (и в этом заключалась их главная опасность для октябристов) к агитации в торгово-промышленных кругах. Приветствуя выход в свет органа крупного капитала — журнала «Промышленность и торговля», мирнообновленцы призывали буржуазию «выйти из роли младенца, вскормленного правительством», «сбросить министерские пеленки и начать ходить без помочей».[44] При этом прогрессисты стремились занять позицию защитников буржуазии как класса от критики слева. Когда Г. А. Крестовников, промолчав в Государственном совете при обсуждении всего бюджета, потребовал снижения промыслового налога, а «Речь» (16 февраля) в связи с этим посетовала, что русские промышленники «дальше замоскворецких желаний сохранить лишний рубль в мошне не ушли», «Слово» разразилось серией статей в защиту капитала. «Лишний рубль в мошне — это капитал для польз и нужд народного хозяйства, — писала 17 февраля газета. — В среде „противных буржуев“ можно создать прочный оплот для нашей конституции. Разумно ли вслед за испуганным уже землевладением отталкивать от конституции и торгово-промышленный класс», который, как утверждало «Слово» 20 февраля, «есть реальная созидательная сила».

[39] Слово, 1908, 9 мая.
[40] Голос Москвы, 1908, 24 мая.
[41] Слово, 1908, 21 мая.
[42] Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, с. 526—528.
[43] Вестник Европы, 1908, № 6, с. 812.
[44] Слово, 1908, 23 января.

В отличие от милюковской «Речи», считавшей, что «если наша буржуазия еще не созрела до понимания значения конституции для ее собственных интересов, то „молить ее“ и запугивать бесполезно», и «она ничего другого и не заслуживает, как толкаться по министерским передним и униженно вымаливать заказы»,[45] поскольку не может «подняться над уровнем замоскворецкого взгляда на нужды отечественной промышленности»,[46] «Слово» (10 апреля) высоко оценивало выступления лидеров московской и петербургской группировок крупного капитала — Г. А. Крестовникова и П. С. Авдакова, видя в них понимание необходимости для России «и нового строя, и реформ». Прогрессисты обращались с призывом к кадетам и октябристам считаться «с силой нашей буржуазии, в особенности в ее антагонизме с землевладельческими элементами»,[47] а к буржуазии — «засыпать вырытую старым режимом пропасть, отделяющую русское общество от кругов торгово-промышленного класса».[48]

Особенно настойчиво прогрессисты обращались к кадетам, призывая их не рассматривать «реальных деятелей промышленности, несущих на себе хозяйские функции в ней и экономически за нее ответственных, под углом зрения „эксплуатации“ и „хищничества“».[49] «Мы не понимаем кадетов из „Речи“, — патетически говорилось в передовице «Слова» от 17 января 1909 г. — Неужели же жизнь не научила их тому, что в политической борьбе недостаточно опираться только на интеллигенцию и... необходимо входить в общение с теми классами нашего общества, в среде которых есть, в силу создавшихся условий жизни, задатки прогрессивных стремлений».

В этой своей агитации прогрессисты смыкались с правым крылом кадетов, группировавшихся вокруг Струве, и не случайно «Слово» предоставляло свои страницы Струве, С. Котляревскому, Васильеву, Голубеву и другим проповедникам «обуржуазивания» из кадетского лагеря. Стараниями прогрессистско-кадетской интеллигенции и левевших московских промышленников с ноября 1908 г. на квартирах А. И. Коновалова и П. П. Рябушинского

[45] Речь, 1908, 18 февраля.
[46] Там же, 28 марта.
[47] Слово, 1908, 3 сентября.
[48] Там же, 1908, 15 ноября.
[49] Там же, 1909, 9 января.

начали устраиваться «экономические совещания», которые В. И. Ленин с иронией называл «братаньем миллионов с наукой».[50] Основное ядро участников составляли на первых порах профессора А. Э. Вормс, П. Г. Виноградов, С. А. Котляревский, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, прогрессистские лидеры М. М. Федоров и Н. Н. Львов, представители торгово-промышленного мира братья Рябушинские, Коноваловы, С. И. Четвериков, М. Арно, Г. М. Марк, А. С. Вишняков и даже примыкавшие к октябристам Г. А. Крестовников и Л. Кнопп.[51] В дальнейшем круг присутствовавших расширялся и с той и с другой стороны, причем, кроме кадетов струвистского толка, в совещаниях бывал и А. И. Шингарев.[52]

Уже выступления Крестовникова, Авдакова и других промышленников против промыслового налога, столь скептически встреченные кадетами, были расценены как признак недовольства буржуазии не только налоговой, но и общей политикой правительства, чрезмерно покровительствующего поместному дворянству. К осени появились симптомы недовольства промышленников и преобладанием помещичьего крыла в «Союзе 17 октября», в связи с чем всплыли слухи о попытках возродить торгово-промышленную партию.[53]

Состоявшиеся в ноябре—декабре 1908 г. выборы в Московскую думу дали возможность произвести некоторый подсчет октябристских и оппозиционных сил в буржуазных кругах. Неясность политической физиономии ряда новоизбранных гласных и влияние на исход выборов личных счетов, маневров разных групп, фрондировавших против управы не из политических побуждений, затемняли картину. Но даже по самому скромному подсчету, включавшему в «чистую» оппозицию около 50 гласных, это означало большое увеличение влияния кадетско-прогрессистского блока, располагавшего в предыдущем составе Думы 15—20 голосами.[54] Этот успех был тем более симптоматичен, что октябристы вели всю избирательную кампанию под чисто политическими лозунгами, причем в эту кампанию был вовлечен и сам А. И. Гучков.

Относительный неуспех на московских выборах свидетельствовал и об организационной слабости «Союза 17 октября». Подобно кадетам, октябристы после избрания III Думы поставили перед собой цель сохранить низовые комитеты партии для поддержания связи со своими приверженцами. Московский Совет «Союза 17 октября» принял решение проводить городские и районные собрания с участием членов Думы, установить связь с сочувствующими провинциальными газетами.[55] Но хотя в отличие от кадетов внедумской деятельности октябристов власти не чинили никаких препятствий, фактически эта деятельность свелась к нечастым и не привлекавшим большого интереса заседаниям клуба октябристов в Москве и к изданию с 1908 г. «Известий Союза 17 октября», которые сами издатели характеризовали как дело «скромной пока по численности кучки членов Московского клуба Союза».[56]

Местные отделы не подавали признаков жизни. В сентябре 1907 г. Департамент полиции запросил у губернаторов сведения о численности и деятельности легальных партий. Ответы губернаторов были почти стандартны. В них сообщалось, что «большинство отделов означенных партий не проявляет почти никакой деятельности», значение и влияние октябристов на местах «падает главным образом вследствие малодеятельности руководителей», а по окончании выборов в Думу «деятельность их совершенно незаметна».[57] Многие отделы вообще распались, и впоследствии ЦК «Союза» пришлось производить «раскопки», чтобы обнаружить их следы.[58]

Почти вся работа «Союза 17 октября» свелась к Государственной думе, где примкнувшие к октябристам провинциальные депутаты усилили правое крыло Союза. Крайне правый фланг фракции составили 25—30 депутатов, виднейшими из которых были Л. В. Половцов, Я. Г. Гололобов, барон Н. Г. Черкасов, Н. П. Шубинской, Г. В. Скоропадский. Немногим отличался от них и «центр» фракции, наиболее видным представителем которого был М. В. Родзянко. На левом фланге находилось примерно 20 депутатов (М. Я. Капустин, Г. Г. Лерхе, В. К. фон Анреп, кн. А. Д. Голицын, А. И. Звегинцев, Ю. Н. Глебов, М. А. Искрицкий и другие),[59] многие из которых затем эволюционировали вправо. Группа была разношерстной и не имела признанного лидера. Засилье правых октябристов во фракции и в ЦК, поскольку все члены фракции считались членами ЦК, вызывало тревогу ряда учредителей «Союза». Сразу после выборов в Думу Ю. Н. Милютин подавал в отставку с поста товарища председателя ЦК.[60] Согласившись остаться, Милютин вместе с П. В. Каменским представил в декабре 1907 г. записку с требованием реорганизации ЦК. Впредь до изменения устава на съезде они предлагали выделить постоянную комиссию ЦК из 15—20 человек, в которую

---

[50] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 407.
[51] Русское слово, 1908, 2 декабря.
[52] Речь, 1909, 20 апреля.
[53] Русские ведомости, 1908, 2 и 13 сентября.
[54] Русское слово, 1909, 6 и 9 января.
[55] Голос Москвы, 1907, 21 ноября.
[56] Известия Союза 17 октября. Первый выпуск первой серии. М., 1908, с. 1.
[57] ЦГАОР СССР, ДП, IV д-ство, 1907, д. 164, л. 85, 90, 94, 117, 184, 226 и др.
[58] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 47, л. 24.
[59] Вязигин А. С. Гололобовский инцидент. (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909, с. 7—8.
[60] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1317, л. 1.

вошли бы только члены ЦК, избранного на II съезде и попавшие в Думу или Государственный Совет.[61]

В марте 1908 г. недовольство фракцией вылилось в требование созвать очередной съезд «Союза». Характерно, что многие члены фракции возражали против съезда. Против был и Гучков,[62] боявшийся открытого столкновения различных направлений в «Союзе». Под давлением левого крыла все же было принято постановление созвать III съезд не позднее января 1909 г.,[63] включив в его программу вопросы, не рассмотренные на предыдущем съезде, а также те, «которые выдвинет сама жизнь». При этом ЦК высказался за то, «чтобы съезд не делал детальных постановлений по вопросам, а лишь выразил общие пожелания».[64] В созданную для подготовки съезда комиссию вошли, видимо, только «коренные» октябристы, и она была явно левее фракции. Однако октябристская оппозиция проявляла крайнюю робость. Комиссия постановила сообщать все свои решения Гучкову и «предпринимать дальнейшие шаги лишь после его согласия и одобрения».[65] В результате ЦК вскоре еще больше ограничил повестку дня намечавшегося съезда, включив в нее, кроме отчета фракции и организационных вопросов, лишь рассмотрение правительственных законопроектов.[66] Немногие действительно существовавшие отделы «Союза» выражали протест против затягивания съезда (Екатеринославский отдел)[67] и против действий депутатов, рассматривающих свое пребывание в Думе как «пятилетнюю синекуру, в отношении избирателей ни к чему не обязывающую».[68] Но бессильное ворчание недовольных не могло изменить курса Гучкова, стремившегося если не сорвать вообще, то возможно больше оттянуть съезд (он состоялся лишь в октябре 1909 г.).

Как ни мало практических результатов приносила кадетам их деятельность по сплочению вокруг партии либеральной интеллигенции, как ни малоуспешны были попытки кадетской профессуры удержать под своим влиянием студенчество, как ни медлен был процесс полевения торгово-промышленных кругов, подталкиваемых прогрессистами, у либеральной оппозиции была хоть видимость дела и видимость успеха, а каждый действительный успех раздувался ее прессой до размеров большой победы. Как ни слабы были кадетские комитеты на местах, они всегда могли сослаться на преследования властей, мешающих им якобы развернуть успешную работу.

Октябристы проигрывали борьбу за «общественное мнение», связав себя со столыпинскими реформами, осуществление которых все откладывалось. Чтобы предотвратить отход к либералам тех, кто голосовал за октябристов, желая и «успокоения», и реформ, октябристам надо было занять более твердую позицию по отношению к правительству, но это значило рисковать поссориться со Столыпиным, на которого все еще возлагались все надежды. Гучков мог себе позволить проявить некоторое нетерпение в одном-двух интервью, но созывать съезд, где левое крыло «Союза» выступило бы со сколько-нибудь серьезной критикой, где выявились бы глубокие разногласия в «Союзе», он не мог. К тому же, как можно было демонстрировать отсутствие реальных сил в стране у партии, претендовавшей на роль опоры правительства и руководителя Думы?

---

[61] Там же, д. 1283, л. 106—107.
[62] Слово, 1908, 9 марта.
[63] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1286, л. 62—63.
[64] Голос Москвы, 1908, 22 апреля.
[65] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1286, л. 58—59.
[66] Известия Союза 17 октября. Шестой выпуск первой серии. М., 1908, с. 195.
[67] Слово, 1908, 12 октября.
[68] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 113, л. 192.

Глава VI

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ВЕРХАХ. «МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС» 1909 г.

Осень 1908 и зима 1908/09 г. характеризовались дальнейшим обострением политической борьбы между либеральной оппозицией и правящими кругами, и особенно внутри самих правящих кругов. В течение предшествующего периода кадеты придерживались в Думе крайне осторожной тактики, уклоняясь не только от постановки, но и от обсуждения всплывших не по их инициативе острых вопросов. Кадетская тактика преследовала цель «сберечь Думу» и дать октябристам шанс осуществить их программу. Как признавали сами лидеры партии, «эта тактика могла быть принимаема за робость и нерешительность».[1] Поведение думской фракции вызвало сильное недовольство местных кадетских организаций. На состоявшейся в октябре 1908 г. кадетской конференции «настроение съехавшихся делегатов, — как отмечало впоследствии руководство партии, — было неудовлетворенное. Свое недовольство положением дел на местах они невольно перенесли и на фракцию, обвиняя ее в недостаточной яркости выступлений, в излишней уступчивости перед октябристами, в недостаточном пользовании запросами и в слабом реагировании на вопросы, наиболее интересующие страну».[2] В своем докладе Милюков, хотя и называл упреки по адресу фракции неосновательными, все же должен был признать, что кадеты на местах ждут от нее «резкого реагирования на произвол правительства».[3]

Всеобщее разочарование вызывали попытки фракции сговориться с октябристами. Только речь Шингарева была все еще, как отмечал Милюков, «построена на его любимой идее столкнуть лбами октябристов и правительство». Сам Милюков должен был констатировать беспочвенность надежд на полевение октябристов, а близкая к лидерам правого крыла А. Тыркова говорила, что

[1] III Государственная дума (сессия 1-я). Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908, с. 12.
[2] Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. — 2 июня 1909 г. СПб., 1909, с. 6.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 7, л. 5.

впредь «фракция надеяться на них не должна — о влиянии на них не может быть и речи». Связь тактики в первую сессию с надеждами получить влияние на октябристов и через них на деятельность Думы была ясно видна и в признании Милюкова: «по мере ослабления надежды вырвать что-нибудь у думского большинства увеличивается самостоятельность фракции». Увеличение это, по мысли кадетских лидеров, должно было быть небольшим и проявляться «только в оттенках, а не по существу».[4]

Первые шаги кадетов во вторую сессию свидетельствовали, что «надежды вырвать что-нибудь у думского большинства» еще не изжиты. Кадеты попробовали сговориться с октябристами о программе сессии и ради этого вновь поддержали кандидатуру Хомякова в председатели Думы. Но октябристы опять не пошли навстречу кадетам, а затем начавшееся обсуждение столыпинской аграрной реформы еще больше обострило отношения кадетов с право-октябристским большинством.

Это обсуждение поставило кадетов в затруднительное положение, поскольку столыпинская реформа выбивала почву из-под их собственной аграрной программы. Еще на июньской конференции в заявлении Московского городского комитета высказывалось опасение, что «аграрную программу к.-д. через некоторое время уже по существу нельзя будет проводить»,[5] а несколько позже П. Долгоруков просил даже срочно созвать съезд для обсуждения аграрного вопроса, поскольку «становится очевидным, что наша программа канула в вечность для ее практического применения».[6] Кадеты не могли, естественно, рассчитывать на принятие их программы III Думой. Они, однако, надеялись провалить правительственный проект с помощью той части крайне правых, которые тоже выступали против него, боясь разрушения общины. Апеллируя к помещичьему большинству Думы, кадеты в своих выступлениях подчеркивали опасность массового обезземеливания крестьян для самого поместного дворянства и утверждали, что их проект предоставлял дворянству возможность «вовремя поступиться несколько своими землями, по этой ценой внести успокоение в деревню».[7] При этом они преувеличивали приемлемость их проекта для помещиков так же, как они преувеличивали его приемлемость для крестьян в I и II Думах. Но одно напоминание о «принудительном отчуждении» вызывало пароксизмы бешенства на правых скамьях и у октябристов. Особенное озлобление вызвала речь Милюкова, напомнившего роль объединенного дворянства в определении аграрной политики царизма. В. И. Ленин, резко критиковавший тактику кадетов в аграрном вопросе

[4] Там же, л. 4, 6, 40, 42.
[5] Там же, д. 6, л. 84.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 510, оп. 1, д. 1306, л. 2.
[7] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая, ч. I. СПб., 1909, стб. 399.

за стремление «примирить непримиримое, усесться между двух стульев», отмечал в то же время, что в историческом разделе речи Милюкова содержались «превосходно подобранные данные по истории Совета объединенных дворян, — данные, сводка которых делает честь всякому *демократу*».[8] Под свежим впечатлением этой речи Гучков 16 ноября заговорил даже о «коренном повороте» в тактике кадетов к радикализму и использованию думской трибуны для агитации.[9]

Хотя о «коренном повороте» не было, разумеется, речи, кадеты, выполняя постановление октябрьской конференции, действительно несколько подняли тон своих выступлений, заострив критику правительства. Так, при обсуждении запроса о провокационных действиях Виленского охранного отделения Маклаков, весной противопоставлявший центральную власть, где «торжествуют» правовые начала, незакономерным приемам властей на местах, теперь говорил о том, что «за этой индивидуальной незакономерностью почти всегда скрывается целая система, которую надо обличить и которой надо положить конец». Приведя многочисленные факты провокаций, ложных доносов и других злоупотреблений сыскных органов, Маклаков подвел им итог адвокатски-хлесткой фразой: «агенты охранного отделения... управляют Россией».[10] В том же духе была выдержана и речь А. Ф. Бабянского, требовавшего, «чтобы обеспечена была обществу свобода мысли и свобода слова, чтобы не жандармы и не охранные отделения учили нас, как следует и что следует думать». В декабре кадеты предложили Думе осудить все более широкое применение смертной казни против участников революционного движения, а когда Дума отклонила это предложение, они вместе с социал-демократами и трудовиками ушли с заседания.[11] В начале 1909 г. разоблачение Азефа дало кадетам новый материал для выступлений в избранном ими направлении. Выступая от имени фракции, О. Я. Пергамент подчеркивал, что в политической провокации «альфа и омега нашего политического управления».[12]

Словесная резкость выступлений кадетов, отражая и действительное их недовольство политикой царизма, и их стремление с помощью громких оппозиционных фраз сохранить влияние на избирателей, с одной стороны, свидетельствовала о непонимании ими подлинных причин сохранения революционной ситуации в стране (сводимых кадетами к полицейским провокациям), а с другой — сочеталась, как всегда, с готовностью сотрудничать с октябристами (а через них и с правительством) в «реальном законодательстве». Все же в 1909 г. кадеты сочли для себя необходимым сделать логический вывод из своей критики МВД и проголосовать против сметы Министерства.[13]

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 312.
[9] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 113, л. 139.
[10] Государственная дума... Сессия II, ч. I, стб. 1178, 1486.
[11] Там же, стб. 1506, 3130—3131.
[12] Там же, ч. II, стб. 1414.

Симптоматичным было выступление с критикой и октябристов. А. Н. Боратынский сетовал, что власть ищет поддержки у «благонадежных» элементов, а те «недостаточно опрятны, чтобы опирающаяся на них власть могла быть действительно властью, за которой страна могла бы чувствовать себя спокойной». Во внесенной фракцией «Союза 17 октября» формуле перехода говорилось: «дальнейшее сохранение исключительных положений в большинстве местностей империи в настоящее время не имеет оснований».[14]

Шумная деятельность кадетов вряд ли вызывала обеспокоенность Столыпина. Значительно более неприятными были для него робкие проявления недовольства со стороны октябристов, поскольку они могли поколебать правительственное большинство в Думе. Поэтому уже едва заметные признаки «полевения» октябристов вызвали тут же резкий окрик «России»: «Поворот думского центра в сторону кадетизма был бы равносилен его самоубийству как политической единицы».[15]

Стараниями Гучкова, продолжавшего политику сотрудничества с премьером, колебания в октябристском лагере были преодолены, и фракция стала укреплять отношения со своими соседями справа. В январе 1909 г. октябристы решили «впредь уведомлять представителя фракции умеренно-правых... относительно голосований» в Думе и провести изменение Наказа Думы таким образом, чтобы зажать рот оппозиции.[16] Тогда же, предотвращая оппозиционные выступления в собственных рядах, ЦК «Союза 17 октября» вновь отложил съезд до будущего лета.[17] Со своей стороны Столыпин также прилагал усилия для сплочения правооктябристского большинства. С этой целью он прибег к совещаниям с депутатами (не левее октябристов) о законопроектах, обсуждавшихся в Думе. 28 ноября 1908 г. страницы «России» были предоставлены одному из лидеров умеренно-правых С. М. Богданову, доказывавшему необходимость формально закрепленного блока октябристов и умеренных, включая обязательность голосования членов обеих фракций по указаниям общего руководства.

Но, выражая полную готовность поддерживать правительство, октябристы ждали от Столыпина реформ и не могли не напоминать об этом.

24 декабря 1908 г. «Голос Москвы» опубликовал передовую статью, в которой выразил претензии октябристов к премьеру. Подчеркнув их готовность следовать за Столыпиным, «поступаясь чем можно во имя реальной политики», газета спрашивала: «Где

[13] Там же, стб. 2397—2398.
[14] Там же, стб. 2266, 2399.
[15] Россия, 1908, 15 октября.
[16] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 20, л. 18.
[17] Речь, 1909, 3 января; Русское слово, 1909, 19 февраля.

шаги навстречу стремлениям умеренной части общества, которую уж никак нельзя упрекнуть ни в крайностях, ни в крамоле?». Газета констатировала, что в то время как октябристы вступают в соглашения со Столыпиным, тот со своей стороны заключает компромиссы с закулисными группами, в результате чего думское большинство «само не знает... за кем в сущности идет». Октябристский орган настаивал на осуществлении столыпинских реформ, ибо «иначе мы вновь покатимся по наклонной плоскости не до революции 1905 года, но до чего-нибудь в другой форме гораздо более тяжелого».

Собственно, Столыпин понимал это и сам. Но давление на него справа продолжалось, сказываясь на его «реформаторской» деятельности.

Первая сессия Думы, так разочаровавшая своей безрезультатностью даже октябристов, вызвала у легитимистской реакции тревогу противоположного свойства. Еще в самом начале сессии сотрудник «Гражданина», писавший под псевдонимом Вольный, высказывал опасение, что «работоспособность третьей Думы нанесет несравненно более сильный удар самодержавию, чем революционность первых двух».[18] Эта идея стала затем неоднократно всплывать в рассуждениях Мещерского, особенно ближе к концу сессии, когда стало ясно, что разгонять III Думу за крамолу не придется и бесцветный российский квази-парламент приживается в романовской монархии. На это, как мы видели, надеялись либералы, рассчитывавшие таким путем привить России конституцию, но именно это пугало легитимистский лагерь, и Мещерский «бил в набат»: «Нынешняя, третья, Дума, с каждым днем все нагляднее присваивает себе права верховной власти или учредительного собрания».[19]

В резко отрицательной оценке третьей Думы Мещерский был не одинок. Несколько неожиданным, но очень авторитетным свидетельством этого может служить статья петербургского корреспондента «Дейли телеграф» Диллона «Конституционная Россия», перепечатанная почти целиком в редактируемом одним из лидеров реакции — Д. И. Пихно — «Киевлянине». Диллон был хорошо осведомлен о настроениях российских верхов, причем явно считался в реакционных сферах «своим»,[20] и «Киевлянин» не случайно представил его читателям как «наиболее выдающегося иностранного корреспондента в Петербурге».

Позиция легитимистского лагеря была сформулирована Диллоном предельно четко: «Русским „реакционерам“ — консерваторов теперь уже нет — до глубины души противны результаты столыпинского правления». Думе и Столыпину вменялись в вину лишение царя титула самодержца (адрес Думы), умаление его прерогатив во внешнеполитических делах (проведение через Думу реорганизации миссии в Токио в посольство), эпизод с «конституционным рублем». Основанные на этих фактах обвинения легитимистской реакции против Столыпина были переданы Диллоном следующим образом: «Он подрывает кредит атрибутов трона, преподносит некоторые из них в дар Думе, умаляет престиж короны», причем «постепенность, мягкость, с которой эти роковые шаги совершаются, успокаивает тех, которых он ведет на гибель», и, таким образом, «лояльная Дума и такой же лояльный премьер приняли по наследству дело, оставленное им бунтовщическими собраниями и политическими поджигателями».[21]

Политическое значение статьи Диллона подчеркивалось еще и тем, что он был известен в качестве литературного агента Витте, коего он не забыл упомянуть как «человека, который более всего способствовал сохранению самодержавия». Кроме того, в печать проникли сведения, что влиятельные реакционные круги заказали М. О. Меньшикову статью «Тихая революция», направленную против Думы, причем за основу ее Меньшиков, по его собственному признанию, собирался взять статью Диллона.[22]

Недовольство легитимистского лагеря Столыпиным и Думой нашло свое выражение в работах состоявшегося в июле в Киеве миссионерского съезда. Формально он, кроме чисто «миссионерских» дел, обсуждал лишь вероисповедные законопроекты правительства, причем участники съезда «признали, что надо стоять на тех началах, которые уже провозглашены Синодом в его постановлении от 21 декабря 1907 г.»,[23] т. е. отвергнуть правительственные проекты. На деле съезд превратился в манифестацию черной сотни, нападавшей на своих политических противников. Даже «Гражданин» вынужден был признать, что «престиж и сила православия кем-то эксплоатируются в целях далеко не духовного свойства».[24] На съезде было оглашено приветствие от «Союза русского народа», в котором правительство обвинялось в насаждении «конституционных свобод, вторгшихся в недра русского народа под покровом враждебных православию законов».[25] Со своей стороны черносотенцы, собравшиеся в Киеве по случаю съезда, обратились к председателю фракции правых гр. В. Ф. Доррeру с письмом, в котором заявляли, что правым «оставаться дольше в совете нечестивых (III Думе, — *В. Д.*) непристойно», и предлагали фракции добиться роспуска Думы.[26]

---

[18] Гражданин, 1907, № 92, с. 3—4.
[19] Там же, 1908, № 20, с. 13.
[20] «Диллон, — писал французский посол в Петербурге Ж. Луи, — очень пристрастный и упрямый человек... Он поддерживает непрерывные сношения с русскими реакционными элементами: с Витте, Дурново, Горемыкиным» (Луи Ж. Записки посла. М., 1925, с. 20).

[21] Киевлянин, 1908, 10 и 11 июня.
[22] Голос Москвы, 1908, 5 августа.
[23] ЦГИА СССР, ф. 1569, оп. 1, д. 120, л. 21—22.
[24] Гражданин, 1908, № 55—56, с. 3.
[25] Речь, 1908, 16 июля.
[26] Свет, 1908, 26 июля.

В связи с активностью крайне правых в прессе снова стали распространяться слухи о заговоре против Думы и Столыпина. Хотя вряд ли действия противников премьера были осенью 1908 г. более активными, чем в предыдущие месяцы, и реальные выступления правых, и газетные слухи, достоверность которых трудно выяснить, бесспорно свидетельствовали о том, что, как отмечала в своем дневнике А. В. Богданович, «Петербург Столыпиным недоволен».[27]

Столыпину быстро пришлось учесть это недовольство в той области, где оно в данный момент проявилось наиболее отчетливо — в вероисповедной. Правда, он заявил Гучкову, что не собирается брать из Думы правительственные проекты,[28] но один из них — о свободе совести — был все же взят Министерством внутренних дел для предварительного рассмотрения в Синоде,[29] отрицательную реакцию которого нетрудно было предвидеть. Почуяв направление ветра в «сферах», Департамент духовных дел МВД уведомил Столыпина (в ответ на его запрос), что ни один из внесенных в Думу вероисповедных законов не представляется ему спешным.[30]

Приближение сессий Думы, на которой правительство хотело в первую очередь поставить проекты волостного управления и реформы местного суда,[31] и Совета по делам местного хозяйства, где должна была рассматриваться уездная реформа, вызвало активизацию правых. «Союз Михаила Архангела» разослал в редакции правых газет циркуляр, в котором предупреждал о «серьезности переживаемого момента в виду ожидаемого несомненного уклонения влево с первых же дней думских занятий центра Государственной думы, о чем имеются точные сведения». «Союз» предлагал провести не позднее ноября съезд редакторов газет совместно с думской фракцией, согласовать на нем предстоящую тактику и избрать депутацию к Столыпину «для немедленного возможно полного осуществления мероприятий, намеченных по-

[27] Дневник А. В. Богданович. Три последних самодержца. М.-Пг., 1924, с. 451. — Еще раньше, сразу после Киевского миссионерского съезда, Киреев тоже записывал: «Вокруг царя являются какие-то политические течения, начало которых нельзя уследить. Являются возможными разные комбинации, конъюнктуры, которые враждебны Столыпину». Он полагал, что «если октябрист Столыпин падет (? все возможно), на его место могут попасть „правые“: или Дурново, или Акимов». Правда, Киреев считал отставку Столыпина пока нежелательной, ибо хотя тот «идет слишком далеко в своих либеральных предположениях», но «он все же единственный у нас государственный человек, имеющий влияние на Думу» (РО ГБЛ, ф. 126, тетр. 14, л. 303—304). Однако Киреев и его единомышленники были в правом лагере не самыми крайними. Годом раньше Киреев жаловался, что «большинство-то не у меня, Нарышкина, Тихомирова и др., а у Дубровина и других полусумасшедших» (там же, л. 227).

[28] Слово, 1908, 31 августа.

[29] Голос Москвы, 1908, 7 сентября.

[30] ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 10, д. 39, л. 245, 246.

[31] ЦГИА СССР,ф. 1276, оп. 4, д. 4, л. 181—182.

становлением съезда».[32] В придворных кругах был пущен анонимный листок «Накануне государственного переворота», обвинявший Столыпина и Гучкова в замыслах, направленных на свержение монархии.[33]

Все это не могло не отразиться на позиции Столыпина в ходе осенней сессии Совета по делам местного хозяйства. Внося на ее рассмотрение проект местной реформы, Министерство внутренних дел постаралось подобрать статистический материал, доказывающий, что уездные предводители дворянства физически не в состоянии отправлять свои председательские функции во всех тех случаях, которые предусмотрены их прерогативами, а более четверти предводителей вообще бывает в своих уездах лишь изредка. И все же, выступая с речью на открытии сессии Совета и подчеркивая «особое значение», которое он придает планам уездной и губернской реформы, Столыпин вынужден был пойти на уступки дворянской оппозиции. Повторив аргументы о невозможности сохранить уездного предводителя в качестве главы местного управления, Столыпин, однако, заявил: «Правительство не связывает насильственно этой должности (начальника уезда, — *В. Д.*) с должностью предводителя дворянства..., но... первыми кандидатами на должность начальника уезда считает уездных предводителей».[34]

Уступки премьера не удовлетворили реакционное дворянство. Его представители в Совете выступили против совмещения должностей уездного предводителя и начальника уезда, видя в таком совмещении подрыв авторитета предводителя — а вдруг МВД не утвердит предводителя начальником уезда и т. п. Дворянские делегаты настаивали на сохранении за предводителем председательских функций в уездном совете и ограничении начальника уезда «обязанностями исполнительно-административными и полицейскими». Подводя впоследствии итоги обсуждения уездной реформы в Совете по делам местного хозяйства, И. Я. Гурлянд писал Столыпину, что крики об оскорблении, наносимом идее дворянства, прикрывали сугубо практические интересы консервативных дворянских кругов. Создание должности начальника уезда подрывало карьерные перспективы уездных предводителей, поскольку правительство впредь стало бы не предводителей, а именно начальников уезда рассматривать как подходящих кандидатов на освобождающиеся посты губернаторов и вице-губернаторов. Понимая необходимость усиления власти на местах, дворянские делегаты в Совете по делам местного хозяйства тем не менее видели в этом усилении власти «конец дворянства».[35]

Комиссия по уездному управлению Совета по делам местного хозяйства высказалась против председательствования начальника

[32] Россия, 1908, 2 октября.

[33] Голос Москвы, 1908, 17 октября.

[34] Россия, 1908, 22 ноября.

[35] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907, д. 5-а, ч. 3, л. 111—120.

уезда в уездном совете и отвергла возможность совмещения должностей уездного предводителя и начальника уезда. Правда, общее присутствие Совета, тоже выступив против совмещения функций начальника уезда и предводителя в одном лице, восстановило (39 голосами против 30) право начальника уезда председательствовать в уездном совете. Но в этом большинстве, по данным МВД, 9 человек, а по утверждению С. А. Панчулидзева, 22 человека составляли представители ведомств, что делало большинство сомнительным. К тому же представители дворянства приложили к протоколам Совета свои особые мнения, утверждая, будто, если во главе уезда вместо предводителя окажется правительственный чиновник, «население, естественно, решит, что предводители, а следовательно, и все избирающее их поместное дворянство, лишились доверия царя». В результате Столыпин был вынужден предложить вынести на дальнейшее обсуждение как проект Министерства, так и вариант большинства комиссии по уездному управлению.[36]

Резкое сопротивление представителей дворянства (а также губернаторов, участвовавших в работе Совета) вызвал и проект губернской реформы, причем наибольшее недовольство вызвало усиление власти Министерства внутренних дел над губернаторами. В ходе обсуждения губернской реформы против Столыпина было в очередной раз выдвинуто и обвинение в ущемлении прерогатив верховной власти, поскольку, де, по министерскому проекту губернатор становился представителем МВД, а не самого царя, как это было раньше. Обвинение было через придворные сферы доведено до Николая. В результате Николай потребовал от Столыпина объяснений, верно ли, что «Крыжановский настоял на изменении закона о губернаторах в смысле отмены обязанности их блюсти права самодержавной власти». С большим трудом Столыпину удалось обелить Крыжановского (и себя) в глазах царя.[37]

Несмотря на ожесточенное сопротивление со стороны дворянства и несмотря на некоторые уступки, которые ему пришлось сделать в ходе работы Совета по делам местного хозяйства, Столыпин на рубеже 1908—1909 гг. еще не считал свое дело проигранным окончательно. 18 декабря, сразу по окончании сессии Совета, Министерство внутренних дел внесло в Думу проекты волостного и поселкового управления. В соответствии с требованиями помещиков были созданы отдельные курии для крестьян-общинников и землевладельцев при выборах в волостное управление, причем внутри землевладельческой курии дворянам-помещикам предоставлялась возможность обособиться от сельской буржуазии и провести своих кандидатов. Обладатели полного

[36] Там же, ф. 1288, оп. 1, 1908, д. 3, л. 91.
[37] Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, б/г [Берлин, 1938], с. 148—151.

ценза проходили в гласные без выборов. Точно так же без выборов проходили в гласные поселкового управления обладатели ценза свыше 7500 руб. Но министерский проект сохранял всесословность волостного управления, вызывавшую столь резкие нападки на дворянских съездах, и обязательность повсеместного проведения реформы, против чего также возражали правые.

В планы Столыпина входило форсировать проведение первого этапа местной реформы через Думу. При этом Столыпин подчеркивал, что от принципа, положенного в основу волостного управления, «зависит дальнейшее развитие реформы местного управления» и местного суда. В январе 1909 г. Столыпин специально беседовал с представителями правых и умеренных в Думе Г. Г. Замысловским и П. Н. Балашовым и заявил им, что правительство очень хочет, чтобы проекты волостного и поселкового управления были рассмотрены еще в эту сессию Думы.[38] Как будет видно из дальнейшего, Столыпин считал еще возможным провести и свой проект уездной реформы.

Однако конец 1908—начало 1909 г. ознаменовались новым натиском крайне правых на кабинет Столыпина, оказавшим очень большое воздействие на всю его дальнейшую политику. В ряду причин, вызвавших этот натиск, не последнее место занимало желание Столыпина настоять на реформе местного управления. Много лет спустя один из ближайших помощников Столыпина, защищавший его планы в Совете по делам местного хозяйства и разделявший мнение Столыпина об их необходимости, С. Е. Крыжановский, писал: «Попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении... подняла против него такие слои, которые имели большое влияние у престола; приближенные государя открыто его осуждали».[39]

В конце декабря 1908 г. в Петербурге состоялось совещание Совета объединенного дворянства с рядом губернских предводителей. Дворянские лидеры не теряли надежды не только отвергнуть ненавистный им проект уездной реформы, но и убрать его авторов.[40] Вскоре после этого гр. А. И. Коновницын заявил в совете «Союза русского народа», ссылаясь на «высокий источник», что в марте в состав правительства будут призваны более правые деятели.[41] Особую весомость утверждениям Коновницына придавала полученная им на рубеже ноября—декабря аудиенция у Николая,[42] подчеркнуто внимательно обходившегося с черносо-

[38] Дякин В. С. Столыпин и дворянство. — В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972, с. 263—266.
[39] Крыжановский С. Е. Воспоминания, с. 213.
[40] Речь, 1909, 2 февраля.
[41] Слово, 1909, 8 января.
[42] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 194, 1908, д. 18, л. 168; Голос Москвы, 1908, 4 декабря.

тенцами в момент, когда официоз его премьера вел с ними ожесточенную полемику.

Небезосновательность заявления Коновницына стала очевидной, когда в январе — феврале произошел ряд перемен в составе кабинета. Увольнение министров состоялось, скорее всего, не без желания Столыпина. Но провести своих кандидатов на освободившиеся посты Столыпин не смог. Вместо умершего министра торговли и промышленности Д. А. Философова был назначен В. И. Тимирязев, хотя и рассорившийся с Витте, но не вписывавшийся и в окружение Столыпина. На пост министра путей сообщения Столыпину не удалось провести желательного для него К. С. Немешаева, и министром был назначен С. В. Рухлов, занимавший позиции правее премьера.[43] Новый морской министр С. А. Воеводский был недоброжелательно встречен октябристами, что, может быть, свидетельствовало и о недовольстве премьера. Но самым неприятным для Столыпина было перемещение с поста товарища министра внутренних дел в государственные секретари А. А. Макарова, его ставленника, вывезенного в свое время из Саратова, и назначение помимо его воли товарищем министра внутренних дел П. Г. Курлова,[44] известного своими правыми связями.

Газеты отметили значительную активизацию салонов Игнатьевой и Шереметева, вокруг которых группировались наиболее видные представители легитимистской реакции.[45] С. Д. Шереметев, уже с осени 1908 г. вынашивавший план объединения «чистых» организаций правых (без союзов «Русского народа» и «Михаила Архангела»), надеялся на возможность пересмотра вопроса о форме правления (т. е. восстановления самодержавия) с помощью подготовляемого им «призыва ландштурма» — какого-то выступления реакционных сфер в форме «чистого исповедания своего политического credo» и «зрелого патриотического порыва» на манер адреса московских дворян.[46] Вновь активизировал кампанию против Основных законов Мещерский, заявивший, что пора «приступить к пересмотру всего положения 17 октября», чтобы «раз навсегда вернуть в свои законные рамки Государственную Думу».[47] Со своей стороны Пуришкевич 13 февраля 1909 г. с думской трибуны заявил, что правые видят «в правительстве П. А. Столыпина, стремящегося ввести у нас конституционный строй, политического противника».[48]

---

[43] Слово, 1909, 29 января; Русское слово, 1909, 31 января; Речь, 1909, 28 и 29 января и 1 февраля.
[44] Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953, с. 301.
[45] Русское слово, 1909, 12 и 28 февраля.
[46] РО ГБЛ, ф. 265, п. 208, ед. хр. 25.
[47] Гражданин, 1908, № 99, с. 10, 12; 1909, № 1, с. 12.
[48] Государственная дума... Сессия II, ч. II, стб. 1499.

Активизация легитимистской камарильи вызывала тревогу Столыпина. В явно инспирированной им статье «Нового времени»[49] подвергались критике «партийные кружки, самозванно присваивающие себе право указаний и контроля». Хотя «Новое время» и говорило о «политической черни», относя, таким образом, свою критику к «Союзу русского народа», речь шла несомненно и о его великосветских покровителях.[50] Показательна также опубликованная 14 декабря 1908 г. в «России» очередная статья Сыромятникова, посвященная «жалкому положению нашей консервативной партии». Формально в ней тоже подвергался критике «Союз русского народа», но содержание статьи било и по объединенному дворянству и петербургским салонам. «Консерватизм, — писал Сыромятников, — совсем не есть деятельность хранителя музея древностей... Никакое чудо не оживит классы и учреждения, которые засохли и омертвели, вследствие перехода в другую сторону жизненных соков... Формы власти постоянно изменяются. И безумно предписывать всем временам одинаковые формы управления, одинаковые формы издания законов».

В этой острой политической ситуации 17—23 февраля состоялся V съезд объединенного дворянства. Съезд подтвердил прошлогоднее постановление против местной реформы и особо оговорил недопустимость совмещения в одном лице должностей начальника уезда и предводителя дворянства, поскольку такое совмещение лишит предводителя «независимости от местной администрации».[51] Хотя съезду было сообщено обещание Николая не умалять права уездных предводителей, это не удовлетворило собравшихся. Марков говорил о необходимости продолжать давление, ибо «мы видим, что здесь существуют трения; с одной стороны, личное желание его императорского величества, с другой стороны — направление правительства».[52] Опасения Маркова были не лишены оснований. «Россия» 21 февраля 1909 г. высказывала явное недовольство съездом и писала, что «едва ли..., если о деятельности съезда мы узнаем подробнее, чем знаем до сих пор, мы будем иметь возможность примкнуть к его настроениям и пожеланиям». Действительно, ход съезда показал, что дворянская реакция все дальше заходит в неприятии политики правительства. Критике была подвергнута финансовая политика, якобы построенная так, чтобы разорить крупных землевладельцев,[53] снова было выдвинуто требование принять все меры против обезземеле-

---

[49] Начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард говорил Л. Тихомирову, что Столыпин «вполне одобряет» эту статью (Из дневника Л. Тихомирова. — Красный архив, 1935, № 6 (73), с. 184).
[50] Новое время, 1908, 22 ноября.
[51] Свод постановлений I—VIII съездов уполномоченных дворянских обществ. СПб., 1913, с. 34—35.
[52] Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909, с. 117.
[53] Там же, с. 25.

ния дворянства. Все более открыто выступали противники аграрной реформы. Я. А. Ушаков подчеркнул прямую связь реформы и планов реорганизации местного управления, заявив, что они составляют «одну целую систему», в результате осуществления которой «весь наш уклад русской жизни, вся наша старина пойдут насмарку».[54] В выступлении Маркова содержались и прямые нападки на Манифест 17 октября, «смысл которого, — по его словам, — темен и до сих пор не получил утвердительного правильного толкования». Марков выражал надежду, что «это правильное толкование скоро последует».[55] Сам он сразу после съезда вновь подчеркнул с думской трибуны точку зрения правых, настаивавших, что «в России продолжает действовать самодержавие такое же, какое оно было и всегда, и никакой конституции нет».[56]

Очередная атака на Столыпина справа, начатая в марте, была связана именно с толкованием Основных законов. Правые избрали в качестве предлога все тот же вопрос о прерогативах верховной власти в связи с законопроектом о штатах Морского генерального штаба. Параллельно продолжалось давление на Николая и по вопросу о местной реформе, причем обе кампании явно переплетались между собой. Выбор времени был связан с дипломатическим поражением царизма в боснийском кризисе, ослабившим позиции кабинета и внутри страны, и, возможно, с болезнью Столыпина, вызвавшей надежды на его отставку и соперничество между претендентами на его пост — А. В. Кривошеиным, поддерживаемым правыми,[57] и В. Н. Коковцовым. Возможное выдвижение Коковцова ускорило выступление умеренно-правых в качестве соперников «Союза 17 октября».

Получив в декабре 1908 г. разрешение учредить партию умеренно-правых (т. е. создать кроме фракции в Думе центральный и местные комитеты в стране),[58] Балашов не спешил с его реализацией. В конце февраля 1909 г. в связи с очередным столкновением из-за «безответственных влияний» на военные дела Николай заявил, что «октябристы всегда захватывают в свои речи то, что им не принадлежит, и потому гораздо больше нравятся умеренно-правые».[59] Сразу после этого Балашов активизировал свои действия, выступив с интервью о создании партийных организаций умеренно-правых и об их программе.[60] По словам хорошо осведомленного в придворных интригах Мещерского умеренно-

[54] Там же, с. 163.
[55] Там же, с. 116.
[56] Государственная дума... Сессия II, ч. II, стб. 2352.
[57] Речь, 1909, 5 марта.
[58] Там же, 1908, 31 декабря.
[59] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, с. 61.
[60] Новое время, 1909, 9 марта.

правые выдвигались в расчете, что Коковцов станет премьером.[61] Версия Мещерского очень показательна, ибо одним из главных обвинений, выдвигавшихся правыми против Столыпина, было обвинение в излишне прочных связях с одной партией в Думе (подразумевались октябристы), в результате чего зависимость кабинета от октябристов стала, де, не меньшей, чем октябристов от кабинета.[62]

Признаком ослабления позиций Столыпина явилась и отставка 10 марта военного министра А. Ф. Редигера, позволившего себе согласиться с критикой октябристов по адресу его ведомства. Николай заявил Редигеру о своем недовольстве его речью,[63] произнесенной, по всеобщему мнению, не без ведома и согласия премьера.[64] В эти же дни Бобринский лично доложил Николаю об итогах V съезда объединенного дворянства,[65] причем в дворянских сферах утверждалось, что оппозиция съезда уездной реформе была встречена сочувственно. В середине марта резко активизировался кружок Шереметева, вновь заговоривший о необходимости возврата к законосовещательной Думе.[66]

В этой обстановке утверждение штатов Морского генерального штаба стало вопросом престижа и влияния премьера. Отбиваясь от обвинений в умалении прав царя (в эту точку били ведь и упреки в слишком тесном союзе с октябристами, и нападки за согласие на речь Редигера),[67] Столыпин в специальном письме Николаю доказывал: «Правительство не могло спешный, частный вопрос о Генеральном штабе проводить иначе, как общим законодательным порядком; сделано это было с высочайшего соизволения, вопрос этот сепаратный и общий вопрос о правах верховного вождя вооруженных сил не предрешает». Играя на застаре-

[61] Гражданин, 1909, № 19, с. 11. — Характерно, что реакция «России» была двойственной. Приветствуя появление новой партии как «движение в сторону реальной творческой работы в стране», официоз выражал сомнение, удастся ли умеренно-правым осуществить свою программу (1909, 12 марта).
[62] Речь, 1909, 26 апреля и 27 мая.
[63] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 63; Дневник А. Богданович, с. 460.
[64] Русские ведомости, 1909, 12 марта.
[65] Это произошло, очевидно, 9 марта, когда Бобринский демонстрировал Николаю последние приобретения Археологического общества, председателем которого он был. Во всяком случае это единственная их встреча, зафиксированная в марте в камер-фурьерском журнале Николая (ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 28, л. 232). О докладе Бобринского сообщила «Речь», 17 марта.
[66] Речь, 1909, 19 марта.
[67] В связи с некоторой несогласованностью ст. 96 Основных законов и ст. 31 Учреждения Думы последняя при обсуждении правительственного законопроекта утвердила не только просимые ассигнования на создание штаба, но и приложенное для ее сведения штатное расписание. Правые увидели в этом вторжение в область военного управления, принадлежавшую короне, но правительство по тактическим соображениям не стало протестовать.

лой ненависти Николая к Витте, Столыпин писал царю, что если встать на иную точку зрения, то в Государственном совете «вместе с искренними людьми гр. Витте и другие политиканы будут громить крамольное правительство за умаление верховных прав».[68] И действительно, когда 13 марта в Государственном совете началось обсуждение вопроса о штатах Морского генерального штаба, правые во главе с П. Н. Дурново и В. Ф. Треповым выступили против «распространительных толкований Основных законов в сторону расширения компетенции и полномочий законодательных учреждений».[69]

Конфликт из-за Морского генерального штаба принял очень острые формы еще и потому, что касался особенно ревниво охраняемых царизмом прерогатив верховной власти в военных вопросах, обнажив постоянную боязнь реакции утратить контроль над армией. Но содержание конфликта вышло далеко за пределы вопроса о военном управлении. «Толковать ли власть царя в смысле совершенно неограниченного самодержавия, совсем по-старому, или хоть в смысле самого скромного *ограничения* царской власти — вот к чему свелись споры, — подчеркивал В. И. Ленин. — И эти споры разгорелись... почти до размеров „политического кризиса“, т. е. до угроз прогнать вон Столыпина, которого черносотенцы обвиняли в „конституционализме“, до угроз разогнать Думу октябристов, которых черная сотня называла „младотурками“».[70]

В отличие от прошлого года Столыпину на этот раз удалось вырвать у Государственного совета утверждение сметы Морского штаба, за которую 19 марта проголосовали 87 членов Совета, включая 7 министров, тогда как против нее было подано 75 голосов.[71] Столыпин также связал руки своему постоянному сопернику внутри кабинета Коковцову, возложив на него защиту правительственной позиции в этом вопросе перед Государственным советом. По горячим следам голосования «Россия» 20 и 21 марта 1909 г. выступила с передовыми статьями, критикующими противников кабинета в вопросах о местной реформе и о прерогативах верховной власти.

Но правые не сочли себя побежденными и стали добиваться отклонения законопроекта о Морском штабе царем. Председатель Государственного совета Акимов в личном докладе Николаю заявил, что Совет, по его мнению, своим голосованием ограничил царскую власть.[72]

Давление правых приняло такие размеры, что Столыпину тоже пришлось пустить в ход последний аргумент — просьбу об

[68] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 787, л. 39—40.
[69] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908—1909 гг. Сессия четвертая. СПб., 1909, стб. 1349—1350.
[70] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 226.
[71] Государственный совет... Сессия IV, стб. 1442.
[72] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 65.

отставке. 21 марта он побывал в Царском Селе и, видимо неудовлетворенный результатом разговора, на следующий день обратился к Николаю с письмом. «Вокруг дела о Морском генеральном штабе, — писал он, — шумиха достигла размеров прямо колоссальных: о предмете и существе спора все забыли и говорят лишь о борьбе против настоящего правительства... Я не могу не предвидеть тех совершенно для меня непреодолимых и непосильных затруднений, которые создались бы фактом отклонения закона о штабе и сделали бы для правительства в настоящем его составе дальнейшее несение обязанностей невыполнимым».[73] В течение недели с 20 по 27 марта вопрос об отставке кабинета оставался открытым и в редакции «Правительственного вестника» с часу на час ждали официального сообщения.[74] Гучков в письме А. И. Звегинцеву 25 марта тоже считал, что «отставка Столыпина и части кабинета возможна».[75] Газеты помещали различные варианты нового кабинета во главе то ли со И. Г. Щегловитовым, то ли с А. В. Кривошеиным. 29 марта, видимо с некоторым запозданием, Богданович тоже записала, что «кабинет весь уйдет в отставку, и Вырубова (Танеева) теперь составляет список кабинета, уже всех министров она наметила».[76] Показательно и поведение «России», очень двусмысленно опровергавшей 27 марта слухи об уходе Столыпина и лишь 4 апреля заявившей, что эти слухи не имели под собой никаких оснований.

Параллельно с вопросом о Морском штабе развивалась борьба и вокруг уездной реформы. Показательно, что едва появились сообщения о болезни Столыпина, одновременно пронесся слух и о снятии с повестки дня планов местной реформы.[77] 17 марта, когда правые готовились к голосованию в Государственном совете, состоялось частное совещание членов Совета объединенного дворянства. На нем была высказана уверенность в том, что дело об уездном предводителе еще нельзя считать проигранным, поскольку особое мнение Панчулидзева по этому вопросу в Совете по делам местного хозяйства замечено в «сферах» и ему дан ход.[78]

[73] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 787, л. 45.
[74] Голос Москвы, 1909, 3 апреля; Слово, 1909, 7 апреля.
[75] Цит. по: Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы. — Исторические записки, т. 53. М., 1955, с. 64.
[76] Дневник А. Богданович, с. 461. — Правда, Богданович связывала отставку правительства с боснийским кризисом. Пользуясь охватившей «сферы» паникой перед угрозой войны, крайне правые потребовали возвращения к прогерманской ориентации внешней политики и назначения на пост министра иностранных дел Горемыкина — противника всего курса Столыпина. Некоторое время казалось, что они способны оказать «решающее влияние» на Николая (см.: Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910, М., 1961, с. 302—303).
[77] Гражданин, 1909, № 17, с. 5, 10.
[78] Голос Москвы, 1909, 19 марта.

В течение апреля противники Столыпина продолжали интриги, пользуясь отсутствием премьера. Первая декада месяца была наполнена слухами о совещаниях правых, решавших якобы то «свалить премьера», то отговаривать от ухода в отставку, чтобы не создавать парламентских прецедентов. Растерявшиеся без своего патрона сотрудники «России» в номере от 11 апреля сетовали на «высокопоставленных собеседников», прибегающих к кадетской прессе для распространения слухов о возможных переменах, и выражали надежду на ложность этих слухов. «Животрепещущая тема» о возможности отставки Столыпина обсуждалась в гостиной у Щегловитова.[79]

Все эти слухи имели под собой определенную реальную почву. В новой статье в «Дейли геральд» Диллон, суммируя обвинения легитимистской реакции против Столыпина, писал: «Растет убеждение, что дальнейшее движение по пути, намеченному знаменитым премьером, неизбежно приведет к вполне демократическому режиму», вопрос о Морском генеральном штабе «лишь один пункт в обвинительном акте против г. Столыпина, политика которого, вполне либеральная, идет против сильного консервативного течения, возникшего за последние два года». Столыпин в глазах правых виновен в том, что им «произведена широкая перемена в конституции, и корону, по-видимому незаметно для нее, лишили громадных прерогатив» в пользу кабинета, который со своей стороны делит их с Думой. «Когда-нибудь, может быть, через год или два, — писал Диллон, — Россия окажется парламентским государством, что для русского консерватора было бы мерзостью запустения». Подчеркивая, что «вопрос коренится в форме правления», а «лица — только символы», Диллон тем не менее называл Дурново в качестве желательного крайне правым министра «с непреклонной волей, ясным политическим зрением и необыкновенной находчивостью».[80]

Трудно сказать, собирался ли Николай весной 1909 г. действительно увольнять Столыпина, чего по сведениям иностранных дипломатов добивались не только влиятельные придворные, но и Александра Федоровна.[81] Бесспорно, что постепенно у царя росло

[79] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 67.

[80] Приложение к газете «Объединение», 1909, № 11 и 12, 9 апреля. — Статья Диллона, которой А. Я. Аврех справедливо придает большое значение, может служить аргументом как раз против его утверждения, будто правые развязали министерский кризис в результате разочарования «бесплодностью» столыпинского курса (см.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 17). О каком разочаровании может идти речь, если, как отмечал Диллон, «консервативное течение» против столыпинской политики существовало к этому времени уже два года, т. е. с самого начала ее проведения. Очевидно, правильнее другая сторона формулировки А. Я. Авреха о раздражении против «опасности» курса Столыпина, но только не для «верхов» вообще, а для поместного дворянства и связанных с ним элементов камарильи.

[81] Бестужев И. В. Борьба в России, с. 303.

раздражение против премьера, проскальзывавшее даже в предельно скупых записях в его дневнике. Главное же, Николай в марте — апреле проявлял особенно заметное «тяготение к старине», заявлял, что «создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала»,[82] и всерьез подумывал о перемене внешнеполитического курса. Симптоматичной была и аудиенция у Николая, данная 16 апреля Маркову, спешно вызванному для этого из Курской губернии. Николай передал через Маркова свой привет фракции крайне-правых.[83]

Параллельно с атакой на Столыпина велась кампания и против его союзников октябристов. Эта кампания велась по двум линиям. С одной стороны, участились критические выступления против фракции в целом, исходившие от ее соседей справа. С. Богданов в очередной статье на думские темы грозил, что правые и умеренные не будут «равнодушно смотреть на то, как партия центра по вопросам политическим станет голосовать вместе с крайними левыми фракциями».[84] Октябристов обвиняли в стремлении ограничить прерогативы верховной власти, захватить в свои руки определение внешнеполитического курса, внести политику в армию.[85] Меньшиков в статье «Наши младотурки» писал, что законопроект о Морском генеральном штабе был выдвинут левым крылом октябристов как прецедент, ограничивающий права монарха.[86]

С другой стороны, делались попытки расколоть октябристскую фракцию. С этой целью был использован конфликт фракции с Я. Г. Гололобовым, выступившим в качестве докладчика комиссии по запросам против принятия запроса о преследовании профсоюзов вопреки противоположному мнению фракции. Поведение Гололобова было объявлено на специальном заседании фракции неуместным и недопустимым. Меньшиков в «Новом времени» предал весь этот инцидент широкой огласке и выражал сожаление, что Гололобов и его единомышленники не вышли из «Союза 17 октября» и не перешли к умеренно-правым.[87] 19 апреля, в разгар интриги правых против Столыпина, было проведено учредительное собрание партии умеренно-правых.[88]

Угроза потерять положение правительственной лейбфракции усилила противоречия в лагере октябристов. Группа московских членов ЦК «Союза 17 октября» спешно опубликовала от имени ЦК заявление, в котором отбивалась от возводимых правыми об-

[82] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 69.

[83] ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 28, л. 333; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 70.

[84] Россия, 1909, 10 апреля.

[85] Речь, 1909, 19 апреля.

[86] Новое время, 1909, 15 апреля.

[87] Вязигин А. С. Гололобовский инцидент. (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909, с. 9—71.

[88] Речь, 1909, 20 апреля.

вмешений в узурпации не принадлежащих Думе прав.[89] Заявление, не согласованное с петербургскими членами ЦК и подготовленное в тайне от правого крыла фракции, вызвало новое недовольство в рядах «Союза» и, хотя «Голос Москвы» начал затем публиковать резолюции местных комитетов в его поддержку, на деле усугубило разногласия у октябристов. Большинство фракции тянуло вправо. Воспользовавшись самоустранением от руководства партией Гучкова, выжидавшего, как решится судьба Столыпина, фракция демонстрировала готовность служить новым господам положения. На первый план выдвинулся фон Анреп, выступивший 17 апреля в Думе с махровой речью, удостоившись похвалы Пуришкевича, который заявил, что под этой речью «с величайшим удовольствием подписался бы и председатель Союза русского народа А. И. Дубровин и ваш покорнейший слуга».[90]

С возвращением Столыпина из Крыма кризис вступил в решающую фазу. В ночь с 21 на 22 апреля Совет министров занялся поисками выхода из положения, вызываемого тем, что, как становилось ясно, Николай собирался не утвердить закон о штатах Морского штаба. Поливанов записал в дневнике со слов Сухомлинова, что кабинет решил выйти в отставку вместе со Столыпиным.[91] 22 апреля Столыпин вновь просил Николая не ставить правительство в трудное положение, Николай уклонился от ответа, но 26-го подписал рескрипт, в котором отказывал в утверждении закона и поручал Совету министров выработать правила, разграничивающие законодательные права короны и Думы в военных вопросах (разумеется, в пользу короны). «Поручение министрам составить новые правила, — отмечал В. И. Ленин, — было наглым приказом *нарушить закон*, истолковать его так, чтобы он оказался уничтоженным...» [92]

Не только для позиции Николая в данном случае, но и для его истолкования объема своей власти в третьеиюньской монархии показательно его письмо Столыпину 25 апреля, в котором он уведомлял о своем решении. Высказав полное пренебрежение к общественному мнению («Конечно и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро улягутся»), Николай категорически отверг право премьера на собственную позицию: «О доверии или недоверии речи быть не может. Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке».[93]

[89] Новое время, 1909, 18 апреля.
[90] Государственная дума... Сессия II, ч. III, стб. 2391.
[91] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 69.
[92] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 227.
[93] Красный архив, 1924, № 5, с. 120.

Сразу после того как стало известно, что Столыпин остается на своем посту, лидеры умеренно-правых отправились к нему, чтобы заявить о готовности сотрудничать с кабинетом.[94]

Формально интрига правых не увенчалась успехом — Столыпин удержался на посту премьера. Но фактически он потерпел поражение и должен был признать это, приняв на себя поручение разработать правила, регулирующие применение ст. 96 Основных законов в духе требований его противников. «В последнее время, — с удовлетворением доносил германский посол, — консервативное направление приобрело решающее влияние и даже г. Столыпин вынужден показывать, что курс государственного корабля повернут больше вправо».[95] Для того чтобы оставаться у власти, Столыпин должен был теперь своими руками проводить политику, на которой настаивали правые. О том, что он отлично понимал сложившуюся ситуацию, свидетельствуют его слова, обращенные к Николаю: «Ваше величество хотите, по-видимому, опираться на крайне правых, имея умеренный кабинет».[96]

[94] Голос Москвы, 1909, 2 мая. — Оценка А. Я. Аврехом создания партии умеренно-правых противоречива. С одной стороны, он пишет, что попытки расколоть октябристов и создать в лице умеренно-правых и националистов новый «центр» в Думе предпринимались правыми, которые «признали несостоятельной политическую комбинацию Столыпин—октябристы» и стали добиваться более правого правительства (Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы, с. 72, 76). С другой стороны, он считает, будто итогом министерского кризиса явилась переориентация именно столыпинского кабинета «с г. Гучкова на г. Балашова» (там же, с. 58, 78). Новый «центр» готовился, как мы видели, не Столыпиным и не для Столыпина. Сотрудничество умеренно-правых с правительством существовало до министерского кризиса, сохранилось и в дальнейшем. При этом, как будет видно из дальнейшего, умеренно-правые продолжали признавать за октябристами их «центральную» роль по крайней мере до поздней осени 1910 г.
[95] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 26, H. 2, Berlin, 1927, S. 779—780.
[96] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний..., с. 70.

Глава VII

СВЕРТЫВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ РЕФОРМ

Министерский кризис 1909 г. и его исход оказали значительное воздействие на последующие события в правящих сферах и в Думе, на политику Столыпина и его противников справа, на позицию октябристов и кадетов. Хотя Столыпин еще продолжал борьбу за власть и в этих целях старался (иногда успешно) нанести удар своим противникам (чаще второразрядным, вроде Дубровина), он сразу же после кризиса начал недвусмысленное отступление от вынашиваемых им проектов. Пытаясь остановить этот процесс, октябристы с весны 1909 г. оказались (временно и непоследовательно) в положении партии, взявшей на себя задачу отстоять правительственную программу реформ не только от правых, но и от самого правительства, отрекшегося от своего прежнего курса. В этих попытках октябристы не могли рассчитывать на поддержку умеренно-правых и вынуждены были голосовать вместе с кадетами, с готовностью поддержавшими реформаторские потуги «Союза 17 октября» и попробовавшими в свою очередь осуществить давно лелеемый ими план «реального законодательства» в Думе путем частичного улучшения октябристских проектов. Существовавшее до сих пор в потенции октябристско-кадетское большинство III Думы вступило в дело, чтобы вскоре же наткнуться на противодействие Государственного совета, сама конструкция которого исключала возможность возникновения в нем какого-либо иного большинства, кроме правого.

Сразу по окончании «министерского кризиса» на обсуждение Думы были поставлены вероисповедные законопроекты — о переходе из одного вероисповедания в другое, об отмене ограничений, связанных со снятием сана, и о старообрядческих общинах.

Законопроект об отмене ограничений, связанных со снятием сана, родился из более обширного правительственного представления об отмене вообще ограничений из-за принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям. Не решившись поставить проблему целиком, думская комиссия по делам православной церкви выбрала самые безобидные статьи, касавшиеся православных священников и монашествующих, добровольно или по решению церковного суда ставших мирянами. Комиссия в соответствии с правительственным проектом предложила отменить существовавшие по прежнему законодательству ограничения этой категории лиц в праве жительства и поступления на службу, но оставила в силе лишение их избирательных прав.[1]

Этот невиннейший законопроект вызвал подчеркнуто резкие возражения товарища Обер-прокурора А. П. Роговича[2] (ставленника салона Игнатьевой). Рогович подчеркивал, что проекту придается значение прецедента, определяющего порядок обсуждения в Думе церковных вопросов, и возражал против того, чтобы они ставились без предварительного заключения Синода,[3] хотя Синод не удосужился сообщить свое заключение в течение года и проекту был дан ход по просьбе думского духовенства. Рогович недвусмысленно намекал на готовность церковной реакции пойти на конфликт и с правительством. Если бы, предупреждал он, Министерство внутренних дел внесло бы в Думу «законопроект, составленный несогласно с суждениями Святейшего Синода... пришлось бы искать иных, новых путей для того, чтобы защитить независимость и крепость церковных определений». Выступление Роговича послужило сигналом к шумной кампании правых, потребовавших снятия проекта с обсуждения.[4]

Это столкновение послужило увертюрой к борьбе, развернувшейся вокруг действительно серьезного и важного законопроекта о старообрядческих общинах. По сравнению с правительственным проектом комиссия, главную роль в которой играли октябристы, внесла некоторые изменения: старообрядцам было предоставлено право не только исповедания, но и проповедания своей веры, число членов, достаточное для создания общины, снижено с 50 до 12, разрешительный порядок регистрации общин заменен явочным, старообрядческим иерархам было дано наименование «священнослужителей по старообрядчеству», а не «духовных лиц», как в проекте.[5]

Борьба вокруг старообрядческого законопроекта велась в двух направлениях. Правительство выступило против поправок, внесенных комиссией. Излагая позицию правительства, Крыжановский подчеркивал, что оно действует «в тесном единении со Святейшим Синодом и считает в этом вопросе невозможными

[1] Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II, ч. IV. СПб., 1909, стб. 782—786.

[2] Бывший ярославский губернатор, Рогович подал в отставку 18 октября 1905 г. в знак несогласия с Манифестом 17 октября, а в августе 1906 г. отказывался от предложения стать товарищем Обер-прокурора, не желая «идти под стягом, на котором написаны „чужие слова"». Принял пост, узнав, что его назначение сделано по прямому желанию Николая (ЦГИА СССР, ф. 1569, оп. 1, д. 120, л. 3—8).

[3] Государственная дума... Сессия II. ч. IV, стб. 790.

[4] Там же, стб. 788, 794, 795, 802, 808.

[5] Там же, стб. 1008—1009.

какие бы то ни было уступки». Особенно резко Крыжановский возражал против предоставления старообрядцам права проповедания, утверждая, будто в таком случае «православная церковь подвергалась бы сомнению не только в правильности ее учения, но даже в самом праве именоваться церковью православной».[6] В известной мере он был прав, ибо разрешение проповедания для старообрядцев наносило значительный моральный удар церкви. Кроме того, замена господствовавшего в российском законодательстве разрешительного порядка регистрации явочным, не только облегчала создание старообрядческих общин, но и имела бы значение прецедента на будущее.

Отвечая Крыжановскому, октябристы напоминали, что защищают те самые идеи и принципы, которые еще недавно выдвигались самим правительством. «Наше ходатайство перед вами невелико, — обращался Каменский к кабинету, — подпишите и утвердите вашу собственную работу».[7] Ту же мысль развивал и Гучков, чье выступление подчеркивало важность, которую придавали октябристы старообрядческому законопроекту, ибо лидер «Союза 17 октября» не часто поднимался на думскую трибуну. Гучков напомнил, что из обещанных Манифестом 17 октября политических свобод в действительности осуществлено мало (слева его поправили: «ничего») и что причиной тому была «боязливость, может быть, излишняя, которую проявили и правительство, и мы в осуществлении этих свобод», вызванная страхом перед революционным движением. «В этом, — говорил Гучков, — как видите, есть если не оправдание, то хоть тень оправдания». В области религиозных свобод, подчеркивал он, нет никаких оправданий для промедления, и внесенные комиссией поправки имеют целью лишь «устранить вмешательство административной и полицейской власти в ежедневные жизненные отправления старообрядческих общин».[8] Октябристскую линию поведения поддерживали и кадеты.

Главный удар правого крыла Думы наносился по свободе проповедания, право на которое реакция требовала сохранить исключительно за православной церковью. В своих выступлениях епископы Митрофан и Евлогий старались доказать, что отступление от прежней защиты особых привилегий православной церкви приведет к превращению России в бесконфессиональное государство. При этом правые не ограничивались критикой думского варианта, а нападали на первоначальный правительственный проект, «разноречивые и даже противоречивые предложения или суждения» которого «пока не сведены к единству и нуждаются в согласованности». Они прибегали к своему излюбленному оружию, обвиняя октябристов, а косвенно и правительство, в посягательстве на прерогативы верховной власти и недвусмысленно напоминая: «Перед вами стоит снова тот же вопрос, который стоял, как вам известно, при рассмотрении проекта штатов генерального штаба Морского министерства».[9]

Еще большей остроты достигли прения по закону о переходе из одного вероисповедания в другое. Как и в предыдущих случаях, октябристы взяли за основу правительственный проект, лишь восстановив в нем то, от чего само правительство уже отказалось под давлением церковников. Указ 17 апреля 1905 г. предоставлял насильственно присоединенным к православию право возвращения к той вере, которую исповедовали их предки. Внесенный в Думу правительственный проект ограничивал возможность выхода из православия возвращением к вере деда или бабки, но не более далеких предков. Комиссия это ограничение убрала. Острота борьбы была подчеркнута тем, что сразу после докладчика комиссии Каменского счел нужным выступить сам Столыпин. Он отметил, что в том или ином подходе к вероисповедным вопросам видят «знамение общего направления нашей внутренней политики», на нем проверяют, «полевело или поправело правительство». Стараясь доказать, что кабинет идет прямым курсом и «не может уклоняться то влево, то вправо», Столыпин построил свою речь как защиту политики правительства на два фронта. Он выступил против желания церковников полностью изъять вопросы, связанные с религией, из ведения Думы и правительства и подчеркнул сохранение за государством «полной свободы в деле определения отношений церкви к государству». В то же время он выразил готовность правительства переработать проект, если правые видят в нем ущемление прав православной церкви. Эта готовность простиралась так далеко, что Столыпин выступил вообще против «провозглашения в самом законе свободы перехода из христианства в нехристианство», предлагая ограничиться молчаливым признанием его ненаказуемости.[10]

Выступление Столыпина (как и Крыжановского по старообрядческому закону) показало, что правительство отступило под давлением правых далеко от своих первоначальных проектов в вероисповедных вопросах. Это в свою очередь вдохновляло правых на еще бóльшие требования. В салоне Игнатьевой заговорили о возможности полностью забронировать религиозные вопросы от постановки их в Думе.[11] С думской трибуны была продолжена критика всех вероисповедных законопроектов, как вводящих якобы бесконфессиональный строй в России. Если при этом церковники делали ударение на необходимости сохранения привилегий православной церкви, то их светские единомышленники переводили проблему в плоскость национальных и обще-

[6] Там же, стб. 1026, 1029.
[7] Там же, стб. 1044.
[8] Там же, стб. 1381—1384.
[9] Там же, стб. 1071, 1192, 1211, 1265—1267, 1377.
[10] Там же, стб. 1754, 1757—1759, 1761—1764.
[11] Речь, 1909, 22 мая.

идеологических отношений. С особенной четкостью это, как обычно, делал Марков. Он заявлял, что государство может лишь терпеть присутствие в русской православной стране нерусских народностей как «нежелательное и для государства вредное явление», но ни в коем случае не должно давать им равные права с великороссами, ибо «идея равноправия всех подданных русского царя независимо от религии, независимо от племени — это идея безнравственная, негосударственная, идея разрушительная и пагубная».[12] Правые продолжали наступление на правительство, требуя вообще отказаться от вероисповедных проектов. «Обвиняя комиссию, — говорил Г. А. Шечков, — мы все-таки должны обратить внимание и на то, что комиссия оперирует ведь над тем материалом, который ей уже дан правительственным законопроектом... Корень вины в правительственном взгляде».[13]

В конце мая—начале июня все три вероисповедных законопроекта были приняты Думой голосами октябристско-кадетского большинства и переданы в Государственный совет, сопровождаемые недовольным комментарием «России» (28 мая) по поводу того, что в них «содержится определенное нежелание считаться с тем, что законы предположены к осуществлению в русском православном государстве».

Обсуждение вероисповедных законопроектов вызвало глубокий кризис в октябристской фракции. Ее правое крыло во главе с Родзянко, недовольное чрезмерным (с их точки зрения) «полевением» фракции, готово было пойти на открытый раскол. После угрозы Гучкова уйти с поста главы партии и фракции и после выхода из фракции наиболее активных «мятежников» — Гололобова, В. Львова и Половцова — кризис завершился формальным восстановлением status quo, сохранявшим видимость единства под руководством Гучкова, но оставлявшим в силе все прежние противоречия в октябристском лагере.[14] Очевидно, в этом сказа-

[12] Государственная дума... Сессия II, ч. IV, стб. 1948, 1949.
[13] Там же, стб. 1890.
[14] Подробнее см.: Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы. — Исторические записки, т. 53. М., 1955, с. 72—76. — Позиция октябристов в вероисповедном вопросе пробудила в либеральном лагере надежды на их прочное полевение. Это, однако, не дает оснований утверждать, будто в период второй сессии Думы политика кадетов «выразилась особенно ясно в упорных и систематических усилиях всего кадетского руководства создать единую „деловую“ партию буржуазии, прежде всего на базе сближения кадетов с октябристами» (см.: Аврех А. Я. Указ. соч., с. 89), причем эта объединительная кампания «достигла наивысшей интенсивности» именно весной 1909 г. (там же, с. 96). В доказательство этого тезиса А. Я. Аврех приводит рассуждения «Речи» и «Слова» о возможности создания блока октябристов и либералов Думе. Но создание межпартийного блока и единой партии — вещи разные. Что касается блока, то попытки создать его предпринимались при каждом признаке сдвига октябристов влево. Весной 1909 г. тщетность этих попыток была публично признана «Словом»

лась позиция Столыпина. Ведь именно к нему было обращено предложение Родзянко и К° о создании новой фракции и вряд ли без его ведома и согласия его брат А. Столыпин раскрыл бы в «Новом времени» «заговор» против Гучкова. Следовательно, разойдясь с Гучковым в вероисповедных вопросах, Столыпин не хотел ослаблять позиций своего ближайшего думского союзника и санкционировать явный и безвозвратный сдвиг думского большинства вправо. Это было связано, в частности, с теми сложными взаимоотношениями, которые складывались у Столыпина с правыми после «министерского кризиса».

Как и в вероисповедном вопросе, Столыпин весной 1909 г. пошел навстречу правым в национальной политике. 28 марта была создана под председательством Харитонова комиссия для разграничения финляндского и общеимперского законодательства. В мае Министерство внутренних дел внесло в Думу законопроект о выделении из состава царства Польского Холмской губернии,[15] хотя раньше предполагалось приурочить его ко времени введения в Польше земского и городского самоуправления.[16] С апреля был поднят вопрос и об изменении порядка выборов в Государственный совет от западных губерний, имевший целью вытеснить польских помещиков, представлявших эти губернии в Совете, и заменить их русскими (6 мест должны были быть закреплены за русскими и 3 за поляками). Записка с требованием пересмотра порядка выборов была внесена в Государственный совет лидерами крайне правой и рассматривалась как орудие борьбы против кабинета, который обвинялся в отсутствии патриотизма.[17]

Столыпин первоначально отнесся к требованию правых с прохладцей, но затем вынужден был прибегнуть к маневрированию, не решаясь выступить против проекта, сулившего увеличение представительства его противников в Государственном совете. Он заявил, что в принципе поддерживает законопроект и войдет в Думу с предложением об отсрочке на год очередных выборов в Совет, чтобы дать время на его разработку. Однако ближайшие сторонники Столыпина в Совете (его шурин А. Б. Нейдгарт, А. Д. Оболенский и др.) выступили против проекта, считая созда-

3-го, а «Речью» 4 июня после заявлений октябристов о том, что они не пойдут ни на какие соглашения с кадетами. Что же до создания единой партии, то надежды на это возникали время от времени не у кадетов, а у прогрессистов, причем весной 1909 г. «Слово» мечтало уже только о присоединении к прогрессистам левооктябристских депутатов в случае развала октябристской фракции (Слово, 1909, 21 апреля). Правые кадеты, в принципе желавшие, чтобы в России сложилась двухпартийная система (предполагавшая слияние либералов и части октябристов), признавали неосуществимость этого в обозримый период (Русская мысль, 1909, N 5, с. 197).

[15] Государственная дума... Сессия II, ч. IV, стб. 1441—1442.
[16] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 7, л. 26—30.
[17] Речь, 1909, 14 апреля.

ние национальных курий неприемлемым. Видимо, на этом основании комиссия Государственного совета отвергла затем проект правых, предложив ввести в западных губерниях земское самоуправление.[18] Поскольку большинство населения губерний составляли украинцы и белорусы (по официальной классификации попадавшие в категорию русских), это, по мнению комиссии, обеспечило бы русское представительство губерний без изменения порядка выборов. На такую же точку зрения встала и комиссия Думы. Признав, что предложение правительства изменить порядок выборов может вызвать мысль, будто кабинет «действует якобы под давлением части членов Государственного совета», Столыпин заявил о готовности внести в следующую сессию закон о введении земства.[19] Учитывая общее направление правительственного курса в национальном вопросе, нетрудно было предвидеть, в каком духе будет разработан им проект западного земства.

Но, отступая перед правыми и отказываясь от своей программы, Столыпин упорно боролся за кресло премьера и за сохранение существующего статуса Думы, как из принципиальных соображений, понимая ее необходимость для бонапартистского курса царизма, так и из личных, ибо его карьера «конституционного» главы кабинета была неразрывно связана с существованием Думы. Между тем в мае противники Столыпина вновь активизировались. С. Д. Шереметев созвал 8 мая совещание различных правых организаций с целью координации их действий. По утверждению «Голоса Москвы» (9 мая 1909 г.) в планы шереметевского кружка входило убрать Столыпина, а затем, во время празднования 200-летия Полтавской битвы, добиться отмены Манифеста 17 октября.

Косвенное подтверждение этого можно найти в письмах Шереметева Самарину. В январе, пропагандируя идею объединения правых для того, чтобы оказать воздействие на решение «коренного вопроса» о «современной форме правления», он приурочивал время выступления к «историческим и знаменательным юбилеям» а в июле писал о своем подавленном настроении, вызванном тем, что «никакими юбилеями не расшевелишь наших толстокожих».[20] Возможно, это было связано с тем, что, как сообщало «Слово» 10 мая, на совещании у Шереметева большинство участников решило не включать в предполагаемый адрес правых ходатайство об уменьшении прав Думы, ограничившись заверениями в преданности исконно русским началам, в надежде, что «моральная сила подобной демонстрации должна оказать сильное влияние на ход внутренней политики».

[18] Государственный совет. Стенографические отчеты 1908—1909 гг. Сессия четвертая. СПб., стб. 1941—1942, 1950.
[19] Государственная дума... Сессия II, ч. IV, стб. 2750, 2754, 2756, 2761.
[20] РО ГБЛ, ф. 265, п. 208, ед. хр. 25.

Не имея возможности нанести удар по своим главным противникам в «сферах» и в бюрократических верхах, Столыпин предпринял попытку сокрушить врага второго ранга — дубровинское руководство «Союза русского народа», которое намеревалось одновременно с официальными торжествами в Полтаве демонстративно устроить там свой съезд. Столыпин не разрешил организацию этого съезда, а вслед за тем явно по его указанию Курлов известил Коновницына об ограничении участия «Союза» и в юбилейных торжествах.[21] «Союз» не был допущен и к официальной церемонии открытия памятника Александру III.[22] Правительство санкционировало процесс против убийц Герценштейна в финляндском суде и даже арестовало и выдало суду одного из организаторов убийства — Юскевича-Красовского.[23] Самому Дубровину пришлось на время уехать в Ялту под крыло Думбадзе.

Со своей стороны «союзники» озлобленно нападали на правительство и требовали замены кабинета «полуконституционалистов» более правым.[24] На состоявшемся 27 сентября—4 октября съезде «русских людей» в докладе по церковным вопросам, представленном к съезду миссионером И. Е. Айвазовым, правительство обвинялось в том, что оно «деятельно помогает врагам церкви, и внешним и внутренним» и «старается направить государственный корабль в другое русло, чем какое предуказано державною волей».[25] Айвазов представил к съезду и доклад «О государственном благоустройстве», в котором призывал бороться против «октябристской Думы». «Пусть, — писал он, — не говорят нам: „Как же быть без Думы? Разве революционный пожар лучше, чем Дума?“ Да, отвечаем: медленная агония и постепенное отравление хуже моментальной смерти. Но в данном случае еще важно иметь в виду и то, что при современной Думе мы имеем против себя всех, не исключая и правящей власти, а при революционном кошмаре многие из теперешних наших врагов идут в битву с нами».[26] В том же духе были выдержаны доклады, зачитанные на съезде, и принятые им постановления.

Сразу после съезда правительство взяло назад из Думы законопроекты об отношении государства к отдельным вероисповеданиям и о смешанных браках. Это было расценено как прямой результат давления крайне-правых и, в частности, салона гр. Игнатьевой, кстати присутствовавшей на московском съезде. В действительности дело обстояло сложнее. Еще в начале сентября Столыпин рекомендовал Совету министров забрать эти проекты из Думы, поскольку они в свое время были внесены без предва-

[21] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1909, д. 178, л. 220, 223.
[22] Речь, 1909, 1 июня.
[23] Там же, 10 июня.
[24] Русское знамя, 1909, 2 июня.
[25] Сборник съезда русских людей в Москве 27 сентября—4 октября 1909 г. М., 1910, с. 15—16.
[26] Там же, с. 26.

рительного сношения с Синодом.[27] Соответствующее постановление было принято Советом 15 сентября. После съезда черносотенцев, явно желая избежать впечатления, что он действует под нажимом справа, Столыпин просил Обер-прокурора С. М. Лукьянова, нельзя ли переделать проекты, формально не забирая их назад. Реакция Синода, видимо, была отрицательной, и 13 октября «Россия» оправдывала изъятие из Думы законопроектов тем, что они нарушают канонические права церкви.

Продолжалась кампания правых и против уездной реформы. Еще в мае, формально отвечая Родичеву, а фактически имея в виду и Столыпина, А. А. Бобринский вновь демонстративно заявил в Думе, что «дворянство есть один из тех устоев, на которых зиждется весь наш современный государственный строй» и покушающиеся на привилегии дворянства ведут к падению монархии.[28] На протяжении последующих месяцев дворянские собрания различных губерний продолжали кампанию в защиту прерогатив уездного предводителя, попутно нападая на все принципы, положенные в основание местной реформы. Ярославское дворянство заявило, что оно «признает себя и ныне достаточно сильным для сохранения в своих руках» власти на местах.[29] Орловское дворянство в своем решении подчеркивало заслуги «старых учреждений» в подавлении революции. «Предводители дворянства, земские начальники, верные своему долгу, — говорилось в докладе комиссии орловского дворянства, — выдерживали непосредственно направленные на них революционные нападения». Опираясь на свои заслуги в подавлении революции, орловское дворянство высказывалось против местной и судебной реформ, проводимых «ради фикции равноправия и все того же предвзятого начала бессословности». Доклад был направлен московскому губернскому предводителю (т. е. лидеру оппозиции против реформы А. Самарину) «для свода... в общее мнение дворянства и доклада такового предстоящему в будущем октябре в Москве съезду губернских предводителей дворянства».[30]

В конце сентября Столыпин дал нашумевшее интервью редактору черносотенной газеты «Волга». Продемонстрировав выбором газеты стремление к блоку с определенными кругами крайне-правых и сделав выпад против «столичных газет», неточно отражающих настроение страны и занимающихся «политиканством», Столыпин в последний раз попробовал выступить в защиту своего проекта уездной реформы, намеченной по образцу «других благоустроенных государств». Он вновь настаивал на создании должности уездного начальника, возглавляющего уезд вместо дворянского предводителя, и на ликвидации сословности земства, в котором, однако, «землевладельцы должны сохранить... все свое влияние». «На очереди, — доказывал он необходимость осуществления своего плана, — главная наша задача — укрепить низы».[31] Но 2 октября чрезвычайное собрание московского дворянства вновь выступило против реорганизации уездного управления и постановило довести до сведения правительства, что дворянство остается на точке зрения, высказанной в 1907 г.[32] Министерский проект был по свидетельству Крыжановского «спрятан под сукно».[33]

Больше того, в этот момент Столыпин, видимо, должен был учитывать возможность уступок и в вопросе о Думе.

Требование пересмотра Основных законов в сторону дальнейшего ограничения прав Думы было выдвинуто «Московскими ведомостями» 25 сентября, накануне «съезда русских людей» (тоже, как мы видели, высказавшегося в этом духе). После съезда этой теме была посвящена целая серия передовиц газеты, доказывавшей, например, 9 октября необходимость пересмотра «слишком поспешно составленного свода 1906 года». Серия была завершена 18 октября изложением проекта Шечкова. Фактически, при сохранении Думы в качестве лишенного реальных прав учреждения, проект Шечкова означал шаг назад даже по сравнению с дореволюционным строем, что отметил и Мещерский, назвавший этот план восстановлением не самодержавия, а азиатского деспотизма.[34] Весьма симптоматичной была и статья Меньшикова «Именины „центра“», опубликованная им в годовщину Манифеста 17 октября. «К глубокому сожалению, — писал он, — закон 3 июня не отличается решительностью. Элементы разложения в нем, правда, ограничены, но все же допущены... Если мужество не покинуло наших государственных деятелей, если правящий инстинкт в них не погас, то от них зависит составить новый избирательный закон, свободный от оставшихся ошибок, и провести его в порядке учредительном, т. е. помимо участия той или иной строптивой Думы. — Значит, опять coup d'état, новое 3 июня? — спросит читатель. — Хотя бы и так, — отвечу я».[35]

---

[27] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 6, л. 2—20.
[28] Государственная дума... Сессия II, ч. IV, стб. 2825.
[29] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907, д. 5а, ч. I, л. 260.
[30] Там же, 1906, д. 73, ч. II, л. 285—286, 289.

[31] Волга, 1909, 1 октября. — А. Я. Аврех рассматривает интервью «Волги» как одно из доказательств признания националистов, а не октябристов «правительственной партией». Несколько странно, однако, для доказательства особого расположения к националистам давать интервью редактору черносотенной газеты. Гораздо логичнее видеть в этом интервью стремление Столыпина привлечь на свою сторону провинциальных черносотенцев в борьбе против Дубровина. Тогда, кстати сказать, и выпад против «столичных газет» окажется направленным против «Русского знамени», а не октябристов, как полагает А. Я. Аврех (см.: Аврех А. Я. Указ. соч., с. 79—80).
[32] Речь, 1909, 3 октября.
[33] Крыжановский С. Е. Воспоминания. Петрополис, б/г [Берлин, 1938], с. 140.
[34] Гражданин, 1909, № 79—80, с. 13.
[35] Новое время, 1909, 17 октября.

Не исключено, что появление в печати проектов нового государственного переворота было связано с какими-либо слухами о желании Николая ограничить права Думы. Как вспоминал позднее Щегловитов, Николай «под влиянием дневников покойного Мещерского» поставил вопрос о возможности изменить порядок обсуждения законов таким образом, чтобы проект, отвергнутый одной из палат, мог все же попадать на его утверждение.[36] Практически это означало, что законодательство осуществлялось бы через Государственный совет, а Дума низводилась на роль законосовещательного органа, представляющего царю мнение и большинства, и меньшинства. Эта идея действительно постоянно пропагандировалась Мещерским (наиболее четко она была изложена им в августе 1907 г.), причем очередная активизация его в этом отношении приходилась на апрель 1909 г.,[37] а в октябре он приветствовал «Московские ведомости» и «Новое время» как своих новых союзников по борьбе за пересмотр Основных законов.[38] Щегловитов не помнил, относился ли разговор с Николаем к 1909 или к 1910 г., склоняясь к первой датировке, что, как нам кажется, подтверждается и временем публикации соответствующих «дневников» Мещерского в «Гражданине».

В этой связи большой интерес представил бы «Проект Учреждения Государственной думы», предъявленный Крыжановскому в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и отнесенный им к 1908—1909 г., когда в Совете министров «одно время возникали» мысли «о необходимости изменения некоторых положений Думы».[39] К сожалению, проект этот нами не обнаружен. Слух о том, что Крыжановским составлен новый проект избирательного закона, отменяющий прямые выборы в крупных городах и выделяющий мелкие в особую курию, чтобы пресечь их влияние на выборы в уездных собраниях, проник в печать в октябре 1909 г.,[40] одновременно с появлением статей Шечкова и Меньшикова. По сравнению с идеями Мещерского и предложением Николая проект Крыжановского мог рассматриваться Столыпиным как вариант, предотвращающий более значительное ущемление прав Думы.

Проект отмены прямых выборов в крупных городах мог быть связан и с исходом дополнительных выборов в Петербурге, Москве и Одессе, состоявшихся в сентябре. Столыпину было очень нужно поражение кадетов, и «Россия» 2 августа опрометчиво выражала надежду, что дополнительные выборы «будут иметь значение показателя все усиливающегося разочарования избирателей» в них.

[36] Падение царского режима, т. 2. Л.—М., 1925, с. 435—436.
[37] Гражданин, 1909, № 22—23, с. 10—11; № 27, с. 11.
[38] Там же, 1909, № 79—80, с. 13.
[39] Падение царского режима, т. 5. М.—Л., 1926, с. 433.
[40] Речь, 1909, 21 октября.

Выборы, однако, принесли победу кадетам во всех трех городах. Причем если в Петербурге и Одессе депутатские мандаты и раньше принадлежали им, то завоевание кадетами большинства в I курии Москвы свидетельствовало о прогрессирующем разочаровании буржуазии в гучковской партии. Об ослаблении позиций октябристов говорили и сообщения с мест. «Голос Москвы» был вынужден разослать циркуляр собственным корреспондентам, в котором требовал не изображать провинциальную жизнь как борьбу правых и оппозиции, «как будто людей других политических убеждений (октябристов, умеренно-правых и пр.) не существует вовсе»,[41] а Гучков в это же время признавался: «Левому настроению земских сфер не удивляюсь: ведь, действительно, мало что сделано и правительством, и Думой, чтобы примирить общество с действительностью».[42]

Утрата позиций в родственной среде, нарастающее недовольство безрезультатностью столыпинского курса, все это сказалось на ходе III съезда «Союза 17 октября», после долгих проволочек состоявшегося, наконец, 4—8 октября в Москве. В съезде приняли участие, кроме 102 членов Думы, Государственного совета и ЦК 38 представителей от Петербурга и Москвы и 114 из провинции.[43] По полученным от съехавшихся делегатов сведениям из 150 ранее имевшихся местных отделов Союза и примыкающих организаций 64 прекратили свое существование.[44] Ряд представленных на съезде отделов тоже, видимо, существовал лишь на бумаге.

Боясь оппозиции с мест, руководство ЦК и фракции завалило съезд докладами по всем законопроектам, обсуждавшимся или намеченным к обсуждению в Думе, чтобы не оставить времени на общие прения. Задавая тон съезду, Гучков в докладе о деятельности Думы доказывал необходимость союза с умеренно-правыми. И все-таки со стороны не только провинциальных, но и петербургских делегатов Гучкову пришлось выслушать требования «обратить внимание на настроение страны», в которой произошел сдвиг влево,[45] поскольку «мы не знаем, где кончается правительство и начинается влияние темных безответственных сил».[46] «Голос Москвы», объясняя «категорический тон пожеланий некоторых ораторов» незнанием ими «закулисных условий думской работы», вынужден был признавать в номере от 7 октября, что принципиально против этих требований «спорить не приходится».

Но так же как Столыпин нуждался в октябристах, чтобы не остаться один на один с правыми, октябристы нуждались в Сто-

[41] Речь, 1909, 31 июля. — Существование циркуляра подтвердил «Голос Москвы» в номере от 4 августа, 1909 г.
[42] ЦГАОР СССР, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 14.
[43] Известия Союза 17 октября. 1-й вып. 2-й сер. М., 1910, с. 1—3.
[44] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 6, л. 41—63.
[45] Голос Москвы, 1909, 6 октября.
[46] Там же, 9 октября.

лыпине. Только правительство, продолжающее говорить о преобразовании России на основе Манифеста 17 октября и хоть чего-то добивающееся в этом направлении, могло предотвратить полное размывание социальной опоры октябристов. Именно потому, что октябристский избиратель левел, фракция должна была либо переходить в оппозицию к правительству, либо праветь вместе с последним в надежде получить хоть что-нибудь за свое поведение. На разрыв со Столыпиным Гучков идти не хотел, поэтому он должен был восстанавливать союз, омраченный весенними столкновениями.

Накануне открытия третьей сессии Думы Гучков и Столыпин обсудили программу ее работы.[47] При этом в значительной мере речь шла, очевидно, о взаимоотношениях октябристов с вновь созданной русской национальной фракцией, объединившей умеренно-правых и националистов (урусовцев). Ее окончательное конституирование произошло 25 октября,[48] сразу после встреч Гучкова и Столыпина, а вслед за тем избранный в бюро фракции С. Богданов сформулировал в «России» условия, на которых националисты соглашались на блок с октябристами: «Определить размер возможных уступок с каждой стороны и дальше известного предела не идти, не увлекаясь легкомысленной надеждой забежать и очень далеко влево от своих правых союзников».[49] Значимость заявления Богданова была подчеркнута передовой «России» от 31 октября, назвавшей создание русской национальной фракции «весьма крупным политическим явлением».

И все же заново смазанный механизм сотрудничества Столыпина, националистов и октябристов работал со скрипом. Уже выборы президиума Думы вскрыли серьезные трения между двумя «правительственными» партиями. Вопреки достигнутому соглашению националисты отдали Хомякову лишь часть своих голосов, продемонстрировав недовольство председателем Думы, и вновь поддержали претензии Замысловского на пост старшего товарища секретаря Думы. В ответ октябристы не стали голосовать за намеченного на этот пост националиста и провели прогрессиста В. С. Соколова.[50] В результате впервые в президиум III Думы вошел представитель оппозиции.

В работе Думы в конце 1909—начале 1910 г. отчетливо прослеживаются два направления: обсуждение законопроектов о землеустройстве и о реформе местного суда, где в основном единство правительства, националистов и октябристов во всяком случае внешне сохранялось, и обсуждение вопросов, связанных с практикой действий министерств внутренних дел и юстиции, где октябристы все больше проявляли тревогу и недовольство существующим положением.

[47] Там же, 20 октября.
[48] Там же, 27 октября.
[49] Россия, 1909, 28 октября.
[50] Речь, 1909, 31 октября и 2 ноября.

В вопросе о землеустройстве согласованность действий правительства и обеих партий была предопределена существом проекта. Следовало добить крестьянскую общину, предоставив сельской буржуазии максимальную свободу действия, что и было провозглашено Кривошеиным, заявившим о необходимости принуждать к разделу «иногда и целое общество для ограждения интересов отдельного страдающего хозяина». Думская комиссия постаралась сделать процедуру разрушения общины еще более упрощенной и насильственной, чем это предусматривалось правительством. Октябристы, не стесняясь, заявляли о стремлении ускорить процесс расслоения крестьянства и защищать интересы «выдающихся домохозяев, которые землю не расточают, а скопляют в своих руках».[51]

В более сложных условиях проходило обсуждение реформы местного суда. В ходе прений стала очевидной та сторона реформы, которая, естественно, не подчеркивалась в официальных представлениях Министерства юстиции, — ее связь с ломкой аграрных отношений в деревне. Как уже отмечалось, центр тяжести реформы заключался в ликвидации волостного суда. Если в официальных документах эта ликвидация связывалась с необходимостью уничтожить сословность суда и привести судебную систему в соответствие с реорганизованным центральным и реорганизуемым местным управлением, то в выступлениях в Думе четко прозвучала и другая, более конкретная причина — крестьянский волостной суд не мог устраивать правительство в условиях, когда обострялись отношения между общиной и выходящими из нее и когда возникающие земельные конфликты поступали бы при старой системе на рассмотрение волостного суда. «Крестьянин наш, — говорил Щегловитов, отстаивая министерский проект, — из общинного владельца переходит в личного собственника; ему сугубо понадобится судебная защита, и хотелось бы, чтобы он ее действительно находил».[52] Еще откровеннее эту же мысль выразил националист В. Р. Буцкий: «Мы в настоящее время переживаем острый момент выделения из общины на хутора, и тот антагонизм, который может порождаться между общинниками-селянами и хуторянами, может вызвать пристрастные решения».[53] Связь аграрной реформы и ликвидации волостного суда подчеркивали также ораторы от кадетской и социал-демократической фракций.

Критикуя ряд положений проекта и стремясь по обыкновению «оседлать» его своими поправками, кадеты в общем поддерживали реформу. Ими руководили при этом несколько соображений. Одно было чисто теоретическим — создать единую систему суда, осно-

[51] Государственная дума... Сессия III, ч. I, стб. 54, 118, 2502.
[52] Там же, стб. 1318.
[53] Там же, стб. 2670.

ванную на одинаковых принципах (волостной суд, как уже отмечалось, действовал на основе обычного права). Другие соображения были более практическими. Местная и судебная реформы были настолько переплетены между собой, что создание местного мирового суда неизбежно влекло за собой реформу земства, за которую выступали кадеты. Введение же бессословного суда и земства, да еще при понижении ценза, чего тоже добивались кадеты, давало возможность проникнуть в деревню интеллигенции, которая, как надеялись кадетские лидеры, будет разделять сама и внушать крестьянству их политические идеи.

Но именно то, чего хотели кадеты, было нежелательно правым, поднявшимся на защиту обособленного крестьянского суда. «Когда вы юстицию отдадите нынешнему земству, — обращался к октябристам П. В. Березовский 2-й, — то вы дадите лишний козырь в руки соседей слева к тому, чтобы требовать преобразования земских собраний на демократический лад, и вот это преобразование в конце концов может привести к тому, что теперешние хозяева останутся не у дел».[54]

Судебная реформа была для правых еще одним поводом напасть на всю политику кабинета. В речи Шечкова проект местного суда объявлялся «частью целой серии законопроектов, берущих свое начало от печальной памяти 1905 г.».[55] Признавая, что правительство Столыпина постепенно сползает вправо, Шечков критиковал его за слишком медленное поправение, снова поминал недобрым словом вероисповедные законы и план отстранения дворянских предводителей от руководства уездом и обвинял правительство в желании усилить собственную власть «параллельно власти царской».[56] Точно так же и Марков видел в судебной реформе, и в частности в ликвидации судебных функций земского начальника, наступление на дворянство со стороны бюрократии, «которая стремится захватить власть над государством». С этих позиций Марков критиковал и введение назначаемого правительством председателя уездного съезда мировых судей вместо возложения этих функций на дворянского предводителя. Другой представитель правых, П. В. Новицкий, прямо требовал считаться «с советом объединенного дворянства, с поместным дворянством,

[54] Там же, стб. 2697.
[55] Там же, стб. 1151.
[56] Там же, стб. 1160. — На прениях по судебной реформе отразилась и закулисная борьба вокруг самой Думы. Уже во вступительной речи докладчика Шубинского содержался выпад против тех, кто готовит поход против Думы и готовы ее «преобразовать уже в такое учреждение, которое утратит всякий государственный смысл» (там же, стб. 1027). И словно для того, чтобы подтвердить справедливость подобных опасений, Буцкий подверг критике систему выборов в Думу и заявил, что «полное успокоение в стране наступит лишь тогда, когда оно (избирательное право — *В. Д.*) будет пересмотрено» (там же, ч. II, стб. 134).

которое... единогласно в объединенном дворянском собрании постановило сохранить волостной суд».[57]

После того как ликвидация волостного суда прошла в Думе голосами части националистов и октябристов, поддержанных оппозицией, борьба развернулась из-за конкретной организации мирового суда — выборность или назначаемость судей и председателей их уездных съездов, единоличный суд или суд с двумя заседателями, ограничения в праве быть судьей по политическим признакам, вопрос о родном языке в суде, широта компетенции судьи и т. п. По всем этим вопросам предложения комиссии (основанные на министерском проекте, хотя и с рядом изменений) принимались против голосов оппозиции. Лишь ряд поправок кадетов, имевших целью оградить суд от самоуправства административной власти, был поддержан октябристами и принят Думой.[58]

Но самым важным был вопрос об имущественном (земельном) цензе для судей. На обязательности довольно высокого ценза настаивал Щегловитов, предрекавший в случае его отмены «захват деревни так называемым третьим элементом» [59] и подчеркивавший, что только наличие у судьи земельного ценза обеспечивает суду «достаточную устойчивость от всяких бурь и непогод, если бы таковые произошли в будущем», поскольку «земельная собственность, гг., имеет то свойство, что она в лице ее собственника укрепляет идею поддержания порядка и мира в населении».[60] Эти же идеи развивали и представители думского центра. Считавшийся левым октябристом кн. Н. С. Волконский произнес панегирик в честь права собственности. «В государстве, где гражданские отношения основаны на собственности, — говорил он, — в составе понятий о праве непременно должно быть и чуткое отношение к вопросам собственности. Я думаю со своей стороны, что лицо, само имеющее собственность, склонно иначе относиться к этим вопросам, чем то лицо, которое ее не имеет... Своя рубашка ближе к телу — это человеческий закон».[61] «Нам желательно было бы, — проводил ту же линию Скоропадский, — чтобы в мировые судьи прошли люди, обладающие психологией собственника, нам желательно, чтобы эти люди были прочно заинтересованы в порядке в данной местности».[62] «Сословие людей, крепких земле, — обосновывал необходимость ценза Шубинской, — есть основное сословие во всякой стране».[63] При этом, однако, к кругу лиц, «крепких земле», причислялись только помещики. Тот же Шубинской, возражая против создания местного суда по типу гминного (существовавшего в Польше), из судьи и двух вы-

[57] Там же, ч. I, стб. 1625, 1717, 1727.
[58] Там же, ч. II, стб. 344, 529, 536.
[59] Там же, ч. I, стб. 1317.
[60] Там же, ч. II, стб. 135—140.
[61] Там же, стб. 175—176.
[62] Там же, ч. III, стб. 2096.
[63] Там же, ч. II, стб. 156.

борных заседателей с правом решающего голоса, говорил, что такой проект неприемлем, ибо тогда дела будет решать суд, «состоящий из двух лиц, являющихся представителями местного крестьянского населения».[64] Против имущественного ценза выступали прогрессисты, видевшие в нем борьбу против третьего элемента,[65] кадеты, предсказывавшие, что сохранение ценза обострит классовую борьбу в деревне, где судья-помещик будет пристрастно решать земельные конфликты с крестьянами,[66] и, разумеется, социал-демократы и трудовики, подчеркивавшие классовый, дворянско-помещичий характер ценза.

Против ценза выступили и правые. Сознавая недостаточность своих сил в Думе для провала проекта и сохранения волостного суда и земских начальников, они устами Пуришкевича уже в начале прений заявили, что готовятся к бою в Государственном совете, заранее «приветствуя момент провала тех законоположений, которые принимаются Государственной думой недостаточно обдуманными и недостаточно защищающими интересы русской жизни».[67] Для того чтобы сделать проект заведомо неприемлемым для Государственного совета, фракция правых решила 22 января 1910 г. голосовать за самые радикальные поправки оппозиции и прежде всего за отмену имущественного ценза.[68] Решение правых вызвало переполох в правительственном лагере. «Россия» выступила с передовой статьей, предупреждавшей правых о недопустимости их тактики, ибо голосование о цензе «будет иметь значение ответа не на существо вопроса, а на... понимание общих политических задач».[69] Столыпин на последнем перед голосованием рауте с думскими депутатами заявил, что отмена ценза будет равносильна провалу реформы.[70]

Октябристы стали уговаривать кадетов не голосовать вместе с правыми и не «создавать почву для конфликтов, заведомо неразрешимых».[71] Кадеты и сами были смущены создавшейся ситуацией, ибо не хотели провала реформы, но слишком далеко зашли в критике ценза, чтобы сразу переменить фронт. 25 января Дума к явному неудовольствию кадетов,[72] приняла предложение оппозиции отменить имущественный ценз судей. При третьем чтении законопроекта в конце марта октябристам с помощью прогрессистов и, видимо, при неучастии в голосовании кадетов удалось восстановить ценз, но правые и националисты, к тому времени переметнувшиеся в лагерь противников судебной реформы

[64] Там же, ч. I, стб. 1845.
[65] Там же, ч. I, стб. 1552.
[66] Там же, ч. II, стб. 126—127.
[67] Там же, ч. I, стб. 1275.
[68] Русское слово, 1910, 23 января.
[69] Россия, 1910, 24 января.
[70] Утро России, 1910, 26 января.
[71] Голос Москвы, 1910, 24 января.
[72] Речь, 1910, 26 января.

провели статью о выборности председателя уездного съезда судей, что также должно было вызвать противодействие Государственного совета.[73]

Но если в вопросе о реформе местного суда октябристы поддерживали Столыпина, и реформа оказалась перед угрозой провала вопреки их стараниям, то практическая деятельность правительства и его общий курс вызывали, как уже отмечалось, растущее беспокойство лидеров «Союза 17 октября», Продолжая сползание вправо, Столыпин все больше вынужден был искать поддержки у тех, кто сопротивлялся осуществлению его программы, обвиняя его в насаждении в России «конституции», и это не могло не отражаться на его политике. В ноябре 1909 г., когда противникам Дубровина удалось потеснить его в Главном совете «Союза русского народа» (в январе 1910 г. Дубровин совсем вышел из Совета),[74] Столыпин установил с новым руководством, фактически возглавленным Марковым, известный modus vivendi, в результате которого МВД стало регулярно подкармливать Союз и его печать.[75] Вслед за тем Юскевич-Красовский и Половнев, осужденные за убийство Герценштейна, были освобождены от наказания.[76]

Но действия Столыпина не удовлетворяли ни новых лидеров «Союза русского народа», ни стоявших за их спиной деятелей камарильи. На рубеже ноября—декабря 1909 г. крайне правые в Думе и в Государственном совете создали общее бюро во главе с ярым врагом Столыпина Ширинским-Шихматовым.[77] Сразу же после этого вновь прошел слух об интриге группы Акимова-Дурново, поддержанной Коковцовым внутри кабинета и направленной на свержение премьера. Обороняясь от этой интриги, Столыпин, подталкиваемый и близкими к нему Нейдгартами, стал делать шаги вправо и в вопросе о местном суде,[78] где правительство заняло жесткую позицию, отказываясь уступать октябристам в ряде второстепенных моментов.

Это не означало, что Столыпин собирался рвать с октябристами, но он проявлял заинтересованность в установлении ими более прочного блока с правым крылом Думы как для того, чтобы удержать их самих от соглашений с кадетами, так и для того, чтобы умерить давление правых, связав их сотрудничеством с «Союзом 17 октября». Показательной в этом смысле была статья С. Богданова в «России» от 3 февраля 1910 г., где он выступал за создание прочного право-октябристского большинства, руководящая роль в котором «должна быть предоставлена фрак-

[73] Там же, 29 и 30 марта.
[74] Куда временщики ведут союз русского народа. СПб., 1910, с. 33, 38, 39.
[75] Падение царского режима, т. 6. М.—Л., 1926, с. 180—182.
[76] Речь, 1909, 30 декабря.
[77] Юрский Г. Правые в третьей Государственной думе. Харьков, 1912, с. 8; Речь, 1909, 4 декабря.
[78] Утро России, 1909, 3 декабря.

ции 17 октября», если только та не будет искать союзников вне этого блока.

В то же время сам Столыпин, стремясь раздвинуть слишком тесные рамки, в которых ему приходилось маневрировать, чтобы удержаться у власти, не исключал мысли о привлечении на свою сторону самой умеренной части оппозиции — прогрессистов. На раут 24 января 1910 г., посвященный судебной реформе, он впервые пригласил представителей фракции прогрессистов.[79] Возможно, считаясь с какими-то веяниями в окружении премьера, официоз октябристской фракции «Голос правды», всегда представлявший ее правое крыло, как раз после раута у Столыпина высказался 30 января за постоянное соглашение с прогрессистами.

Подобные маневры Столыпина еще больше озлобляли правых. В Государственном совете они провалили ряд утвержденных Думой законопроектов не потому, что были несогласны с ними по существу, а подчеркивая этим свое недовольство Столыпиным. При обсуждении законопроекта о попудном сборе с железнодорожных грузов правые вновь обвинили правительство в присвоении им законодательных функций. Столыпин пытался урезонить своих противников. «Я смею думать, — почти упрашивал он, — что в тех программных вопросах, в которых достигнуто соглашение между Государственной думой и правительством и против которых Государственный совет принципиально не возражает, правительство вправе искать поддержки верхней палаты».[80] Но и в нижней палате правые становились все требовательней. Они выражали свое неудовольствие правительству в связи с тем, что Дума «стала на путь реформ».[81] Явно подыгрываясь к настроениям правых, постоянный соперник Столыпина в кабинете Коковцов давал теперь новое толкование формулы «успокоение и реформы». «Сначала, — говорил он в Думе, — успокоение, потом устроение, потом реформы... Нужно действительно успокоение, а за ним действительное устроение, а потом говорите и о широких реформах социального строя».[82] Осуществление реформ откладывалось до греческих календ.

Но октябристы проявляли все большее нетерпение и все меньшую веру в правительственные способы «успокоения». Политика правительства размывала и без того непрочную социальную опору «Союза 17 октября». Помещики склонялись к националистам, московская буржуазия уходила влево. Вслед за поражением в I курии Москвы на дополнительных выборах в Думу октябристы получили новое предупреждение — 15 ноября вновь стала выходить газета Рябушинского «Утро России», в 1907 г. не получившая поддержки московских промышленников, а теперь ставшая негласным официозом либерального крыла.[83]

[79] Голос Москвы, 1910, 26 января.
[80] Государственный совет... Сессия V, стб. 840.
[81] Государственная дума... Сессия III, ч. II, стб. 1296, 1302.
[82] Там же, стб. 1425.

Реформы сейчас, устранение наиболее вопиющих проявлений беззакония сейчас — были единственным шансом октябристов удержаться на поверхности политической жизни, сохранить свое влияние в «обществе». Поэтому критика незакономерных действий властей и требование ускорить проведение реформ стали составной частью политики октябристов с самого начала третьей сессии Думы. Они провели принятие запроса социал-демократов о нарушении прав Думы указом 24 августа 1909 г. о порядке применения ст. 96 Основных законов. Это был камень за пазухой, который они могли вынуть, а могли и не вынуть в зависимости от обстоятельств. Вслед за тем октябристы выступили за принятие запроса о преследовании профсоюзов. По их предложению Дума приняла формулу перехода, в которой практика Присутствий по делам обществ и союзов объявлялась «подрывающей доверие к этим учреждениям» и затрудняющей «осуществление законного права образовывать общества и союзы».[84] После этого был выпущен пролежавший полтора года запрос кадетов о незаконных действиях тюремного ведомства. Характеризуя политику Министерства юстиции, Мейендорф критиковал его практику «разъяснения» законов циркулярами, когда «пишется одно, предписывается одно, а имеется в виду как раз обратное».[85] Особый вес поведению октябристов придало выступление Гучкова. Он резко обрушился на Щегловитова, доказывавшего правильность действий своих подчиненных. «... г. министр юстиции, — говорил Гучков, — развил целую доктрину, целую теорию, я бы сказал, незакономерности... г. министр нам как бы авансом заявляет, что на основании вот этой доктрины он будет действовать, что мы должны, следовательно, ждать в этом направлении новой серии незакономерностей».[86] По предложению октябристов, Дума признала действия Министерства юстиции незакономерными, а объяснения Щегловитова неудовлетворительными.[87]

Одновременно становились более настойчивыми требования реформ. Особенности соотношения классовых и партийных сил в нижней и верхней палатах российского «парламента» вели к тому, что конфликты либерального, бонапартистского и легитимистского течений в буржуазном и помещичьем лагерях принимали внешне форму конфликта Думы и Государственного совета. Обструкцию Государственного совета против столыпинско-октябристских реформ В. И. Ленин рассматривал как частное проявление объективной невозможности реформистского разрешения глубочайших социальных и политических противоречий третьеиюнь-

[83] См.: Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 66.
[84] Государственная дума... Сессия III, ч. I, стб. 1005—1010.
[85] Там же, стб. 2858.
[86] Там же, стб. 2877.
[87] Там же, стб. 2896.

ской монархии.[88] Не понимая глубины этих противоречий, октябристы придавали Государственному совету «роковое значение в деле укрепления нового государственного строя»[89] и считали легитимистских лидеров «кучкой реакционеров», лишенных «малейшей почвы в обществе»[90] и до известной степени случайно располагавших большинством в верхней палате. Поэтому они стали добиваться от Столыпина шагов, направленных на изменение состава Совета, и выступили с нападками на «тех представителей бюрократии», которые склонны преуменьшать значение Думы.[91]

Для усиления своей кампании против тех, кто, по их мнению, стоял на пути реформ, октябристы избрали бюджетные прения в Думе, перед началом которых Гучков писал, что «не следует упускать случай, чтобы поставить, как говорили в освободительную эпоху, свои требования».[92] В ходе прений постоянный оратор октябристов по финансовым вопросам А. В. Еропкин подверг критике народнохозяйственную политику правительства. Отвечая на заявление Коковцова, что Дума со своей стороны ничего не сделала в этой области, Еропкин подчеркнул: «Очень часто пожелания Государственной думы остаются импотентными. Но не авторам нашей конституции об этом говорить, и пока исполнительная власть остается вне пределов, достигаемых народным представительством... не народным представителям нести за это ответственность».[93] Резкой критике подвергли октябристы деятельность министерств юстиции и просвещения, но, как всегда, за этой критикой отдельных ведомств пряталось нежелание выступить против политики правительства в целом.

Центральное место в политической кампании октябристов заняла речь Гучкова по смете МВД. Он начал ее с признания, что октябристы чувствуют себя изолированными и в стране, и в Думе. Причину этой изоляции Гучков видел в задержке обещанных Столыпиным реформ. «Мы, — говорил он, — ...находим, что действительно наступило в стране успокоение и до известной степени успокоение прочное... Успокоение это достигнуто, однако, не только мерами борьбы против революционного движения — оно достигнуто... также той перспективой либеральных реформ, которая открылась пред нами вследствие водворения у нас нового политического строя. Поэтому успокоение это я до известной степени мог бы характеризовать успокоением „в кредит“. При наступивших современных условиях я и мои друзья уже не видим прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод, тех свобод, которые Манифестом 17 октября, как вы помните, поставлены рядом с политической свободой». Гучков высказался за «более быстрое водворение у нас прочного правопорядка на всех ступенях нашей государственной и общественной жизни». Расшифровывая это пожелание, он назвал устранение препятствий, которые встречает законодательная деятельность Думы «при дальнейшем прохождении через иные инстанции» — т. е. изменение расстановки сил в Государственном совете, освобождение местной администрации от зависимости от крайне правых, отказ от «наиболее обветшалых приемов борьбы с так называемым революционным движением» — административной ссылки и преследований печати. «Итак, — закончил Гучков, — я резюмирую ту позицию, которую принимает наша фракция по отношению ко всем тем вопросам, которые дебатировались здесь по смете Министерства внутренних дел: мы, гг., ждем».[94]

Неопределенность программы, сформулированной Гучковым в общих словах, и отказ внести свою формулу перехода свидетельствовали, что речь произнесена «с запросом» и вовсе не предполагает разрыва со Столыпиным, от которого октябристы и ждали реализации их программы. Не случайно формула Гучкова была тут же переделана в «Мы, Ваше Высокопревосходительство, ждем»,[95] а кадетский депутат от московского купечества Н. Н. Щепкин заявил, что у Гучкова «неистощимый источник терпения». «Принадлежа к тому же сытому классу, как и мой сотоварищ по представительству г. Москвы, — говорил Щепкин, — я лично ощущаю для себя как сытый человек тоже возможность терпеть, но я боюсь, что те, которые сейчас живут в несытости, полном уничижении, что им может надоесть это».[96]

Тем не менее речь Гучкова имела, как сразу это отметил В. И. Ленин, «крупное симптоматическое значение». «„Мы ждем“, — расшифровывал В. И. Ленин выступление октябристского лидера, — обращался г. Гучков в Думе к царскому правительству, констатируя этим, что до сих пор буржуазия, душой и телом отдавшаяся контрреволюции, не может признать свои интересы обеспеченными, не может видеть ничего действительно прочного и устойчивого в смысле создания пресловутого „обновленного“ строя».[97] «...*даже* октябристы качают головой, говоря, что „они ждут“ реформ и не могут дождаться...»[98]

---

[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 57.
[89] Голос Москвы, 1910, 22 января.
[90] Там же, 1909, 1 апреля; 1910, 19 и 27 марта.
[91] Там же, 1910, 20 января.
[92] ЦГАОР СССР, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 17.
[93] Государственная дума... Сессия III, ч. II, стб. 1314—1315.
[94] Там же, стб. 1970—1974.
[95] Русские ведомости, 1910, 22 февраля.
[96] Государственная дума... Сессия III, ч. II, стб. 2187.
[97] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 211.
[98] Там же, с. 215.

Глава VIII

ВНЕДУМСКАЯ ТАКТИКА КАДЕТОВ. «ЛЕВЕНИЕ» БУРЖУАЗИИ (1909— начало 1911 г.)

На протяжении 1909—1910 гг. процесс организационного ослабления кадетской партии продолжался. «Наш комитет, — признавал делегат из Могилева на майской конференции 1909 г., — не собирался в полном составе более двух лет, и этого нельзя даже объяснить исключительно репрессиями — скорее это был какой-то застой кровообращения».[1] Картину «чуть ли не общего развала» нарисовал, по словам Милюкова, в своем отчете и МО ЦК, ведавший связями с провинцией. Сам Милюков склонен был объяснять дело исключительно преследованиями со стороны властей.[2] Но дело заключалось, конечно, не только в репрессиях, не таких уж строгих по отношению к кадетам, хотя и достаточных для того, чтобы отпугнуть боящегося за свое место чиновника или непривычного к политическим преследованиям интеллигента. Либеральное общество, питавшее кадетскую партию, мирнообновленцев и другие аналогичные течения, отворачивалось в годы реакции от политики, разочаровывалось в тактике либерализма и, не сочувствуя революционным организациям, правело, уходило в «деловую жизнь» и т. п. Еще в начале 1908 г. «умер от отсутствия материальной поддержки читателей», как выразился Милюков, орган кадетского ЦК — «Вестник народной свободы».[3] В начале июля 1909 г. замолкло федоровское «Слово». В августе 1910 г. «вследствие временных затруднений» навсегда прекратил издание «Московский еженедельник». Падала подписка на «Русскую мысль», и Кизеветтер писал Струве, что хотя она «не может и не должна быть журналом для всех, но не ведем ли мы ее уж слишком для немногих».[4] Подписка на «Речь» более чем вдвое отставала от «Нового времени» и в 5—6 раз от «Биржевых ведомостей».[5]

[1] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 8, л. 107.
[2] Там же, л. 134.
[3] Там же, д. 6, л. 87.
[4] РО ГПБ, ф. 753, № 51, док. 53.
[5] Там же, ф. 482, № 193 (листы не нумерованы).

Растущая аполитичность буржуазно-интеллигентских кругов и неверие в возможность успешной деятельности была главной причиной все усиливающегося организационного разброда в кадетской партии, затрагивавшего даже столичные группы. Осведомитель Департамента полиции сообщал в августе 1909 г. о дезорганизации в Петербургском городском комитете кадетов. «Вообще, — заключал он, — пока в партии отсутствует „энергия“ и только Милюков старается поддержать „бодрый дух“».[6] Оптимизм Милюкова был, однако, лишь твердо заученной хорошей миной при плохой игре. Позже, в эмиграции, он вспоминал: «Куда-то вдаль от нас отодвигались и наши партийные группы в провинции... Наша связь с провинцией поддерживалась регулярно издаваемыми отчетами фракции о ее деятельности в Думе, но откликов на эти отчеты было очень мало; до меня они не доходили».[7]

О степени развала партии можно судить по следующим цифрам: к ноябрю 1909 г. кадетский ЦК считал, что в партии имеется 41 губернская и 79 уездных групп. Однако на конференциях присутствовали: в июне 1908 г. представители 13 групп, в ноябре — 14, в мае 1909 г. — 13, в ноябре — 23, в мае 1910 г. — 21. Лишь в мае 1911 г. в обстановке начавшегося нового подъема прислали на конференцию своих делегатов 27 групп. Не случайно в докладе на ноябрьской конференции 1909 г. Милюков вообще не коснулся внутрипартийных вопросов, считая, что «какие бы директивы ни давались из центра, из этого сейчас ничего не выйдет».[8] Организационная слабость партии сказывалась и на ее финансовом положении. Постоянным мотивом всех конференций были просьбы присылать в ЦК членские взносы, поскольку «касса его пуста».[9]

Ослабление партийной жизни проявлялось и в самом ЦК, заседания которого проводились нерегулярно и при малом кворуме. Как отмечалось в мае 1910 г., «некоторые члены ЦК заседаний долго не посещали или вовсе не посещают».[10] Уже в начале 1908 г. сами члены ЦК жаловались, что он превращается в мертвый орган и во фракции с ним не считаются, поскольку ЦК не обсуждает общеполитических вопросов.[11] Весной 1911 г. МО ЦК жаловался, что за весь сезон ему был переслан протокол только одного заседания ЦК, хотя была договоренность осведомлять друг друга о всей работе.[12] Попыткой преодолеть организацион-

[6] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1909, д. 192, л. 34. — Полицейские осведомители были людьми знающими. Донесение о майской конференции 1909 г. направил в Департамент человек, который, по его словам, был на всех конференциях за последние два года (там же, л. 14).
[7] Милюков П. Н. Воспоминания, т. 2. Нью-Йорк, 1955, с. 50.
[8] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 36.
[9] Там же, д. 6, л. 89.
[10] Там же, д. 30, л. 74.
[11] Там же, д. 29, л. 62—63.
[12] Там же, д. 30, л. 104.

ный кризис было создание в ноябре 1909 г. «подготовительного и исполнительного бюро ЦК» в составе 7 человек (Петрункевич, Набоков, Милюков, Шингарев, Колюбакин, Винавер, Шаховской).[13] Но бюро старалось «избегать принятия каких-либо важных принципиальных решений без общих собраний ЦК»,[14] а те, как говорилось, проводились редко. Фактически, как признавал впоследствии Милюков, «немедленные ответственные решения» принимались часто вдвоем — им и Винавером.[15] Наиболее работоспособным органом оказывалось бюро фракции, это подчеркивалось и тем обстоятельством, что во главе его стоял сам Милюков. Мнение ЦК было необязательным для фракции.[16]

Организационный кризис усугублялся идеологическими и тактическими разногласиями в партии. Выход весной 1909 г. «Вех» вызвал оживленную полемику в либеральном лагере. Что бы ни говорили авторы «Вех», опубликование сборника было прежде всего актом политическим и свидетельствовало о резком сдвиге вправо во всяком случае части либеральных кругов. Этот факт не только встречал сочувствие правых и октябристов, но и использовался ими в борьбе против политических притязаний либерализма. Поэтому многие очень близкие к Струве и его единомышленникам деятели, как например Гредескул, увидели в «Вехах» «совершенно неожиданный предательский удар, нанесенный в спину теми, кто стоял все время в своих собственных рядах».[17] Соглашаясь по существу с основными положениями «Вех», многие либералы высказывали недовольство тем, что открытое исповедание этих взглядов является «игрою в руку врагов».[18] Обвинение в политической бестактности было, пожалуй, первым откликом либеральной интеллигенции на опубликование «Вех». Вторым моментом, вызвавшим недовольство «Вехами» в либеральных кругах, было то, что обвинения веховцев адресовались интеллигенции «вообще». Не заметив, что эти обвинения по существу направлены только против революционной интеллигенции, многие либералы увидели в адресате веховской критики себя и принялись защищаться.

Либеральные критики «Вех» по большей части оставляли без возражений нападки на революционно-демократическую идеологию и сосредоточивали свое внимание лишь на одной стороне веховской пропаганды — на призыве к отходу от политики. Именно с этих позиций соредактор Струве по «Русской мысли» Кизеветтер возражал веховцам, отмечая, что критикуемые в «Вехах» «недостатки» интеллигенции «выращиваются как раз в атмосфере оторванности от общественного дела, при слишком одностороннем направлении духовного взора внутрь себя».[19] Против отказа от активного участия в политической борьбе постоянно выступал основанный в октябре 1909 г. журнал «Запросы жизни», объединивший группу кадетов, членов партии демократических реформ и правых народников.

Сложившаяся несколько парадоксальная ситуация — шумное выступление против «Вех» по неприпципиальным вопросам и по тактическим соображениям тех, на чье сочувствие рассчитывали авторы сборника и кто действительно разделял их главные идеи — оказала влияние на дальнейшие планы Струве и его единомышленников, заставив их отказаться от намерения издать еще ряд сборников, в которых они собирались «развить и развернуть то общественно-практическое действенное содержание, которое заключается в Вехах».[20]

После выхода «Вех» руководство кадетской партии уже не могло воздерживаться от развернутого и публичного ответа на идеи, развивавшиеся авторами «Вех» на протяжении нескольких предшествовавших лет. Такой ответ был дан в статье Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция». В отличие от других либеральных критиков «Вех» Милюков исторически обосновывал причины, в силу которых идеология освободительного движения не могла, как бы это ни раздражало веховцев, быть иной, чем она была на самом деле. Но он тоже готов был принять обвинения веховцев против современной интеллигенции, если будет более точно указан их действительный адресат — интеллигенция социалистическая. По существу это означало, что Милюков солидаризуется с «Вехами» в общей оценке событий 1905 г. Но если для Струве революция была логическим следствием идейного и политического пути, по которому шла русская интеллигенция в XIX в., и потому он призывал к критическому пересмотру этого пути, то Милюков рассматривал революцию как «политическое землетрясение», остановившее «общую работу русской интеллигенции», и он звал возобновить эту работу «с той самой точки», на которой она была прервана.[21]

С этих позиций Милюков и вел спор с позитивной программой «Вех», прежде всего — с проповедью примата внутреннего самовоспитания перед политической борьбой. «Нужно делать, — писал он, — прямо противоположное тому, что они советуют. Нужно всеми силами налечь на „внешнее устроение“».[22] Критикуя авторов «Вех» за их нападки на «политику», за подмену вопроса о совершенствовании государственного строя духовным усовершенствованием людей, Милюков писал: «„Люди, а не учрежде-

[13] Там же, л. 65.
[14] Там же, л. 82.
[15] М. М. Винавер и русская общественность начала XX в. Париж, 1937, с. 20—22.
[16] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 29, л. 64.
[17] Интеллигенция в России. СПб., 1910, с. 11.
[18] В защиту интеллигенции. М., 1909, с. 158.
[19] Русская мысль, 1909, № 5, с. 137.
[20] РО ГПБ, ф. 753, № 111, л. 1—2; ЦГИА СССР, ф. 727, оп. 2, д. 383, л. 4—8.
[21] Интеллигенция в России, с. 191.
[22] Там же, с. 189.

ния" — таков, до торжества свободных учреждений, идеологический лозунг всех реакций».[23] Он подчеркивал, что «„Вехи" вовсе не так далеки от „политики", как это может показаться на первый взгляд. Их выводы из поражения революции имеют самый непосредственный политический смысл».[24] Лидер кадетов указывал на родство проповеди, с которой выступали «Вехи», с программой реакционного славянофильства. «Проповедуя религиозность, государственность и народность, — подводил он итог позитивной программы Струве и его единомышленников, — авторы „Вех" тем самым еще не усвояют себе всецело начал самодержавия, православия и великорусского патриотизма. Однако точки соприкосновения есть и довольно многочисленные». Доведенная до конца, программа «Вех» могла бы «обнаружить всю свою близость к тем, совершенно однородным, предложениям, которые исходят из рядов крайних правых политических партий».[25]

Полемика вокруг «Вех» отражала прежде всего тактические разногласия в кадетской партии и оттенки внутри «идеологии *контрреволюционной либеральной* буржуазии»,[26] что, однако, не снимало остроты возникших в либеральных кругах разногласий.

Острые противоречия в либеральном лагере вообще и в кадетской партии в частности вызывал национальный вопрос. Нарастание шовинистических настроений в кругах буржуазной интеллигенции проходило первое время подспудно, не проявляясь в печатных выступлениях, тем более что сочувствие угнетенным народам России было одной из давних традиций интеллигенции, и отказ от нее был и для правого либерализма процессом медленным и непростым. Однако Милюкову и его единомышленникам в кадетской партии и за ее пределами, стоявшим на позициях национально-культурной автономии и с этих позиций выступавшим против официального и нарождавшегося либерального национализма, не удалось остановить ход событий. С февраля 1909 г. на страницах либеральной прессы развертывается очень остро протекавшая дискуссия о «национальном лице», в ходе которой Струве и его окружение заговорили о необходимости «поднять русскую национальность как державную» в противовес растущему самосознанию «недержавных народностей».[27]

Проявление великорусского шовинизма в рядах кадетской партии вызывало резкое недовольство поддерживавших ее национальных групп и грозило подорвать связи ЦК с организациями партии в нерусских районах страны.

Летом 1909 г. ко всем причинам идейного и организационного разброда в партии прибавилась еще одна — Милюков и ряд других членов фракции приняли участие в поездке в Англию в составе делегации Думы, а в речи на завтраке у лорд-мэра Лондона 19 июня (2 июля по н. ст.) Милюков заявил, что «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству».[28] И участие кадетов в поездке, и ставшая печально-знаменитой речь Милюкова логически вытекали из провозглашенного еще в 1907 г. курса на «примеривание третьеиюньского костюма» и защиту «бумажной» конституции. Постоянная тяга к соглашению с октябристами усилилась после того, как те весной 1909 г. качнулись влево. В этих условиях, как объяснял свои действия Милюков, «для нас представился удобный момент ответить на все обвинения в том, что мы скрытые республиканцы и революционеры — и я постарался выбить это оружие из рук врагов».[29] С другой стороны, кадетские реальные политики наивно полагали, что «признанная Европой русская конституция будет признана окончательно и у нас»,[30] и рассматривали свою поездку как средство в борьбе с реакцией, слухи о заговоре которой широко распространялись летом 1909 г. На ноябрьской конференции Милюков все еще считал, что формальное упоминание о думском визите во время последовавшей затем встречи Николая и Эдуарда было «большой дипломатической победой над нашей реакцией».[31]

Лондонская речь не принесла кадетам желанных дивидендов. Правда, «Голос Москвы» 21 июня 1909 г. одобрил заявление Милюкова и намекнул на возможность выработки общей платформы умеренно-правых, октябристов и кадетов. Одобрила речь 23 июня и «Россия», расценив ее как обязательство полного разрыва с левыми. Настойчивое требование решить «вопрос об отношении к „левому ослу"» и «отмежеваться от социалистического кликушества» было затем повторено в серии передовиц столыпинского официоза.[32] Но поскольку полное, да еще публичное отмежевание от левых противоречило, как мы видели, позиции милюковского руководства, о действительном изменении отношения правительства (а значит, и октябристов) к кадетам не могло быть и речи.

В то же время участие в думской делегации и особенно заявление Милюкова вызвали не только заслуженно резкую критику из революционно-демократического лагеря,[33] но и сильное недовольство в собственных рядах. Недовольство порождал и сам факт поездки без предварительного одобрения его ЦК (Милюков лишь намекнул на предстоящий визит на майской конференции 1909 г.),[34] и фраза об «оппозиции его величества», и то, что

[23] Там же, с. 108.
[24] Там же, с. 110.
[25] Там же, с. 113.
[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 357.
[27] Слово, 1909, 26 февраля, 9 и 12 марта.
[28] Речь, 1909, 21 июня.
[29] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 50.
[30] Речь, 1909, 22 июля.
[31] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 49.
[32] Россия, 1909, 26 июня, 4 июля и сл.
[33] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 52—57.
[34] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 8, л. 136.

кадеты — члены делегации — не опротестовали заявление возглавлявшего делегацию Хомякова, с которым тот выступил в связи с манифестацией лейбористов против полицейского режима в России. Лидер московских левых кадетов М. Л. Мандельштам подчеркивал, что участие кадетов в поездке оказало услугу правительству и подорвало кредит партии в широких кругах. Точку зрения Мандельштама разделяло большинство во многих районных комитетах Москвы.[35] Видимо, и в ЦК существовали серьезные сомнения. Во всяком случае объяснения участников вояжа на заседании ЦК 21 октября были одобрены 8 голосами против 2, тогда как всего на заседании присутствовало 19 человек.[36]

В обстановке всех этих разногласий в ноябре 1909 г. состоялась очередная конференция кадетов. Несмотря на желание руководства партии уклониться от обсуждения лондонской поездки, вопрос о ней был поднят сразу после общего доклада Милюкова и затем вынесен даже на специальное заседание. С критикой Милюкова выступил нижегородский делегат Е. М. Ещин, заявивший, что хотя Милюков и лидер партии, «но и у лидеров бывают иногда выступления и выражения, под которыми вряд ли хотело бы подписаться большинство; таковы, например, выражения о красной тряпке, о левых ослах». И в данном случае было бы правильнее, если бы Милюков сказал, что «конституция наша — пуф», ибо «для того, чтобы существовала парламентская оппозиция, прежде всего необходимо, чтобы был парламент».[37] Ещина поддержал одесский депутат А. И. Никольский. «Впечатление от этих речей, — говорил он, — признаюсь, было довольно тяжелое, как будто мы поцеловали розгу, которою нас секут».[38] Только Гредескул произнес целый панегирик милюковской речи, тогда как Шаховской и Протопопов предлагали одобрить ее, но поменьше впредь напоминать о поездке, которую забыли в Европе и начинают забывать в России.[39] Лишь используя чувство лояльности к лидеру партии, ЦК удалось провести на конференции резолюцию, одобряющую действия Милюкова, причем один из делегатов голосовал против нее, а 14 воздержалось.[40]

Очень большое место занял на конференции и национальный вопрос. Киевский делегат Н. П. Василенко упрекал фракцию в недостаточной защите интересов украинцев и евреев и предупреждал: «Неясность отношения к национальному вопросу возбуждает в этих группах недоверие и грозит отпадениями на следующих выборах».[41]

В защиту фракции пытался выступить Н. В. Тесленко, заявлявший, что кадеты не забывают интересов национальных групп, но и не должны все время выступать в их поддержку, поскольку «не задача для политической партии ежедневно заниматься исповеданием своих принципов, такое повседневное исповедание может давать только отрицательные результаты — испортить, профанировать защищаемое дело».[42] Выступление Тесленко вызвало резкое недовольство представителей национальных групп, и Милюкову пришлось лично смягчать остроту столкновения и в то же время указывать границу, далее которой кадеты не собирались идти в защите угнетенных народов России. В качестве этой границы он назвал «наши принципы» — т. е. признание правового равенства без территориальной автономии.[43]

Центральным моментом конференции был доклад Милюкова «Политические партии в стране и в Думе» (опубликован затем в «Речи» и в отчете фракции за 1909—1910 гг.), посвященный анализу расстановки политических сил и обоснованию стратегии и тактики кадетов на последующий период. В. И. Ленин придавал этому докладу большое значение, назвав его «последним словом российского либерализма».[44]

Общую обстановку в стране Милюков характеризовал как «длительный и затяжной кризис» и одновременно «политическое затишье».[45] При этом он отмечал неустойчивость такого затишья, ибо «причины массового недовольства не исчезли».[46] Так как это означало неизбежность нового обострения политической борьбы в будущем, центральным должен был стать вопрос об отношении к формам такой борьбы и, следовательно, к революции. Ответ, данный Милюковым, был недвусмыслен: «Поскольку речь идет о возвращении.. к той тактике, которая на недавних предвыборных собраниях характеризовалась как „старая тактика“ 1905 года, необходимо категорически и резко ответить отрицательно»,[47] «дело русского обновления не может быть закончено той политической судорогой, какая по вине истории оказалась необходимой для его начала».[48]

---

[35] Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931, с. 162—163.
[36] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 18—21. — Если не считать Милюкова и Шингарева (членов делегации), не участвовавших в голосовании, то недостает еще семи голосов, очевидно воздержавшихся.
[37] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 41—42.
[38] Там же, л. 46.
[39] Там же, л. 48.
[40] Там же, л. 54.
[41] Там же, л. 9.
[42] Там же, л. 11—12.
[43] Там же, л. 23.
[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 176.
[45] Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 года—5 мая 1910 года. СПб., 1910, с. 6.
[46] Там же, с. 7.
[47] Там же, с. 13.
[48] Там же, с. 12. — Определение революции как «политической судороги» явно перекликалось с характеристикой ее как «политического землетрясения» (см. с. 167) и показывало не только контрреволюционность позиции Милюкова, но и непонимание им объективной закономерности и неизбежности событий 1905 г.

В докладе, предназначенном для опубликования в легальной печати, Милюков, естественно, не мог подробно остановиться на отношении кадетов к революции. Он ограничился фразой, что дело не столько в том, возможно ли «чудо» (революция) в будущем, «а в том, что можно построить на „чуде“», и сослался на отрицательный для кадетов опыт недавнего прошлого.[49] В заключительном слове, отвечая левым кадетам, Милюков вернулся к вопросу более обстоятельно. «Как же, — говорил он, — мы должны относиться к грядущему, обещаемому нам „чуду“? Оно уже раз приходило и его пытались осуществить. Оказалось, что массы не готовы к его восприятию — как вследствие своей неорганизованности, так и их неумения понять наш язык... Мы очутились бы в критическом положении, если бы это „чудо“ скоро наступило».[50]

Из признания того факта, что народные массы и кадеты говорят на разных языках, Милюков делал вывод не о необходимости заговорить языком масс. «Нет, — провозглашал он, — это народные массы должны привыкнуть к тому государственному языку, на котором мы теперь говорим», и призывал приучать массы к кадетской тактике думских компромиссов, воздействовать в этом духе на настроения на местах, «иначе, пожалуй, опять в перспективе покажется „чудо“». В целом, однако, Милюков полагал, что революция не является «делом ближайшего момента», и исходил из необходимости быть готовыми «к затяжному ходу процесса».[51] Из такой оценки ситуации вытекал сделанный в докладе вывод, что не действия масс, а комбинации в Думе будут на ближайшее обозримое время определять развитие политической обстановки в стране и, следовательно, «объединение оппозиции на определенной платформе встречает серьезные затруднения и не вызывается непосредственной практической надобностью».[52]

Критерий «практической надобности» определил все построение доклада Милюкова. Поскольку по его мнению революционная перспектива была не только нежелательной, но и маловероятной, Милюков вообще не включил в доклад характеристику левых партий, а анализ политических течений в стране заменил анализом политических течений в Думе — правых, октябристов и кадетов. Весь анализ был построен так, что из него вытекал вывод о возможности и необходимости сотрудничества «конституционалистов» (октябристов и кадетов). Рассматривая обстановку в стране сквозь призму думской дипломатии, Милюков полагал, что «около основных вопросов политического строя сосредоточивается самое жаркое место боя. Социальные же задачи пока утилизуются обоими главными противниками — монархизмом и конституционализмом — лишь как вспомогательное орудие в борьбе»,[53] а потому борьба по конституционным вопросам «должна быть ведена оппозицией при помощи отдельных соглашений с буржуазным конституционализмом»[54] (т. е. с октябристами).

Оставив вне поля зрения революционный лагерь, Милюков пришел к тезису, будто «русские политические партии, все без исключения, пока не имеют глубоких корней в населении».[55] Он справедливо отмечал, что правительство и правые не могут, несмотря на демагогические заигрывания, получить твердую опору в массах, справедливо указывал на внутренние противоречия в октябристском стане, дворянско-помещичья часть которого смещалась вправо, а буржуазная — влево. Достаточно трезво оценивал Милюков и социальный базис собственной партии, признавая отсутствие связей ее с рабочим классом и крестьянством. Но, не произведя обратного анализа — не степени организационных связей и идейного влияния существующих помещичьих и буржуазных партий, а политических и экономических устремлений классов буржуазии и помещиков, — Милюков остался поэтому в плену *«либеральной* иллюзии, будто социальный базис контрреволюционной буржуазии... и помещиков — „слаб“, будто их можно разбить иначе, как самым решительным и беспощадным революционным натиском масс...»[56] Точно так же, справедливо отметив, что царизм занимается систематическим преследованием «всякой общественной силы, могущей стать сколько-нибудь независимой от официальной власти», причем такое преследование вызвано не случайными причинами, а объективной «невозможностью для современной власти допустить свободное общение между политически-сознательными элементами демократии и демократической массой», и что политика царизма поэтому «делает неосуществимыми главные обещания манифеста 17 октября»,[57] Милюков не видел, что из признания этого следует «необходимость *революционной* тактики, а не „конституционной“ борьбы, необходимость вести народ к *свержению* этой власти, а не к реформированию ее».[58]

«Все, что́ есть ценного и верного в докладе, — отмечал В. И. Ленин, — есть только размазывание и пережевывание нашего основного тезиса о шаге самодержавия по пути превраще-

[49] Там же, с. 13.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 71, 72.
[51] Там же, л. 72—74. — В этом с ним сходились все лидеры партии, в том числе второй докладчик Шингарев, полагавший, что «сейчас естественнее ждать не „чуда“, а именно отсутствия его, такого рода „чудеса“ могут не повторяться десятки лет» (там же, л. 60).
[52] Фракция народной свободы..., с. 17.
[53] Там же, с. 12.
[54] Там же, с. 17.
[55] Там же, с. 7.
[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 178.
[57] Фракция народной свободы..., с. 6, 7.
[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 181.

ния в буржуазную монархию...».[59] Однако выводы, сделанные Милюковым из анализа сложившейся ситуации, были выводами «дюжинного либерала»,[60] и основные положения милюковского доклада — неприятие революции как средства преобразования общества, отрицание близкой революционной перспективы в России, тактический курс на соглашения с октябристами, отказ прислушаться к требованиям народных масс и стремление приучить массы к либеральному «государственному языку» — были общими для всего либерального лагеря и всецело разделялись Струве и его единомышленниками.

Но если правые либералы принципиально отрицали возможность сотрудничества с демократическими элементами и в будущем, обрушивались на «конституционалистов „тактических“..., всегда косящих глаза налево и заискивающих перед презирающими их революционерами»[61] и требовали «решительно исключить всякие указания на возможность использовать какие-либо стихийные движения»,[62] то Милюков и близкие к нему лидеры ЦК, отвергая в данный момент соглашения с левыми за их «практической ненадобностью», не хотели зарекаться на будущее, исходили из возможности и желательности создания массовой опоры партии из элементов «городской демократии» и крестьянства. Отсюда вытекал тезис о «параллельной деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс» в ожидании того времени, когда революционные методы борьбы «наглядно обнаружат в глазах масс свою непригодность» и восторжествует «принцип легальной конституционной борьбы».[63]

Доклад Милюкова вызвал возражения левых провинциальных делегатов. Главным оппонентом выступал представитель Вильны Г. Д. Ромм. «Надо, по-видимому, — подчеркивал он, — при невозможности других путей ждать того, что Милюков характеризует словом „чудо“, т. е. нового подъема революционной волны. И если этому „чуду“ суждено свершиться, то... в будущем ведь придется опираться на элементы не правее, а левее нас».[64] Тот же мотив необходимости помнить о народных массах, которые в будущем приобретут решающее влияние, звучал и в выступлениях делегатов из Минска, Киева и Новгорода.

Однако, понимая необходимость поддержки со стороны масс как условия сохранения влияния партии в случае нового революционного подъема, левые кадеты были не в состоянии выработать платформу, которая обеспечила бы им такую поддержку, а их призывы к равнению налево оставались погребенными

[59] Там же, с. 181.
[60] Там же, с. 178.
[61] Московский еженедельник, 1909, № 46, с. 9—10.
[62] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 41.
[63] Фракция народной свободы..., с. 10, 12, 13.
[64] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 9, л. 58.

в протоколах, не предназначавшихся к опубликованию. Голоса левых не могли изменить общего настроения конференции, одобрившей деятельность ЦК и фракции в прошлом и предоставившей им свободу действия на будущее.

В обстановке усиливающихся трений внутри партии и резкого сокращения партийных организаций проблема связи с сочувствующими элементами на внепартийной почве и распространения (а вернее, сохранения) своего влияния приобретала для кадетов все большую остроту. Но и здесь они не могли похвастать какими-либо достижениями. Их деятельность в культурно-просветительных организациях не привлекала внимания широких слоев населения и одновременно наталкивалась на противодействие властей. В разгромленном Московском обществе грамотности к началу 1908 г. оставалось всего 4 человека. К концу года общество, приняв еще более аполитичный устав, несколько ожило, число его членов достигло 800,[65] но действия его были стеснены постоянным вмешательством полиции. Систематической травле подвергалась Лига образования. Даже по признанию петербургского градоначальника Лига практически не занималась политикой. Но уже того факта, что во главе ее «стоят лица, по своим взглядам примыкающие к конституционно-демократической партии», было достаточно, чтобы Министерство юстиции весной 1910 г. возбудило дело о ее закрытии.[66] Малочисленными и не пользующимися никаким влиянием остались созданные в конце 1909 г. Общества мира в Москве и Петербурге во главе с Павлом Долгоруковым и М. Ковалевским.[67]

Понятно поэтому то внимание, которое кадеты уделяли обществам обывателей и избирателей, единственной по сути дела их организационной связи с относительно широкими кругами интеллигенции и частично городской демократии. К тому же в этих обществах при общей неопределенной их окраске и участии элементов левее кадетов налаживался и столь желанный кадетам союз с октябристами. Первое такое общество было создано в Нарвской части Петербурга в феврале 1907 г., и в течение полутора лет было единственным. После того как кадеты решили превратить их в свои опорные пункты, аналогичные общества стали создаваться с июня 1908 г. и в других частях города. К концу 1908 г. их было зарегистрировано уже 12.[68] Формально общества преследовали цель организации благоустройства, фактически устроители их не скрывали, что ставят перед собой цель добиваться децентрализации и демократизации городского самоуправления и надеются оказать влияние на исход предстоявших в 1909 г. выборов в городскую Думу.[69] Особый параграф устава

[65] Речь, 1909, 16 февраля.
[66] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 188, д. 136, ч. I, л. 147.
[67] Речь, 1909, 7 октября и 18 декабря.
[68] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1907, д. 240, л. 10.
[69] Слово, 1908, 23 октября.

обществ (все уставы были стереотипны) определял их деятельность в период избирательной кампании. Практическая работа обществ в первые месяцы их существования ограничивалась постановкой докладов о финансовом положении города, число членов в них было крайне незначительно. В Василеостровской части, например, при 175 тысячах населения в общество вошло всего 400 человек.[70]

Прошедшие в декабре 1908—январе 1909 г. выборы в ряде городов хотя и дали пестрые результаты, показали возможность победы октябристско-кадетских списков.[71] Это вызвало активизацию кадетов и прогрессистов в обществах обывателей. С января 1909 г. кадеты начали издание журнала «Городское дело», который систематически пропагандировал общества, печатал для сведения их организаторов в провинции образцовый устав и т. п. В противовес тем, кто хотел ограничить деятельность обществ задачами благоустройства, журнал доказывал, что для них «вполне целесообразно будет знакомиться с общими муниципальными вопросами и делиться своими выводами и мнениями с гласными»,[72] т. е. оказывать влияние на городские думы. С начала февраля стала обсуждаться идея объединения всех обществ обывателей Петербурга в союз, причем необходимость этого мотивировалась, в частности, желанием координировать действия при выборах в городскую Думу по первой курии.[73] Действительные намерения инициаторов союза шли дальше. Устав союза предполагал, что в него войдут по 36 человек от каждого из 15 столичных обществ,[74] так что параллельно с городской Думой возник бы неофициальный, но более представительный форум зажиточной и образованной части населения Петербурга, притом явно более левый, чем Дума.

Активизация обществ обывателей вызвала беспокойство властей. В начале марта М. М. Пуришкевич, исполнявший должность чиновника особых поручений при министре внутренних дел, представил записку, в которой подчеркивал оппозиционный характер обществ и их планы воздействия на предстоящие выборы. Ему внушал также опасения «подбор лиц, принадлежащих к радикальным группам», которые встали во главе обществ.[75] Видимо, результатом этой записки был запрос товарища министра Курлова Департаменту полиции. Департамент ответил, что, по мнению петербургского градоначальника, за обществами пока «ничего предосудительного в политическом отношении не установлено».[76] Тем не менее 17 марта Присутствие по делам обществ

[70] Речь, 1908, 30 декабря.
[71] Русские ведомости, 1909, 18 января.
[72] Городское дело, 1909, № 2, с. 69.
[73] Там же, 1909, № 4, с. 164.
[74] Речь, 1909, 26 февраля.
[75] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1907, д. 240, л. 13—14.
[76] ЦГАОР СССР, ДП, IV д-ство, 1908, д. 61, ч. 9, л. 87.

и союзов «отложило» разрешение обществам объединиться в союз, пока в их уставы не будет внесено право на объединение, а затем отказало им в таком изменении уставов.[77] Общества обошли до известной степени этот запрет, объединившись под маркой специально созданной подкомиссии по правовым вопросам комиссии городского хозяйства при Русском техническом обществе. Подкомиссия занялась выработкой проекта нового избирательного закона для Петербурга и организацией общественного мнения путем обращений к гласным, лекций и т. п.[78] Но это был уже обход закона, а идея союза обществ заключалась как раз в полной легальности их работы.

В мае 1909 г. по инициативе МО ЦК кадетской партии в Москве состоялось совещание «прогрессивных городских гласных». Главная его цель — создание постоянного центрального комитета прогрессивных гласных — была, видимо, не достигнута.[79] Но после этого совещания и, возможно, в результате его общества обывателей и избирателей начали создаваться в провинции. В начале 1910 г. от губернаторов стали поступать рапорты о создании обществ в Томске, Иркутске, Красноярске и Благовещенске, причем в сибирских городах кадеты блокировались с социал-демократами и эсерами.[80] Как видно из позднейших донесений губернаторов и жалоб «Союза русского народа», общества возникли также в Туле, Смоленске, Барнауле и пытались образоваться в Могилеве-Подольском.[81] В августе 1909 г. было создано общество обывателей Петербургского уезда.[82] 31 августа съезд представителей пригородных поселков Петербурга рекомендовал организовать такие общества по всей губернии.[83] В дальнейшем они были созданы в Царскосельском, Петергофском и Шлиссельбургском уездах.[84]

Едва только организация обществ вышла за пределы столиц, как Московское общество квартиронанимателей выступило с идеей объединения во всероссийском масштабе и предложило присылать ему уставы, отчеты и другие материалы, сводка которых «дала бы возможность составить точное представление о размерах обывательской организации в России».[85] За инициативой Общества квартиронанимателей скорее всего стояло МО ЦК кадетов, стремившееся «путем переписки попытаться создать ту или иную форму организации».[86] Вслед за тем Петербургский комитет кадетов

[77] Городское дело, 1909, № 7, с. 322; № 10, с. 504.
[78] Там же, № 8, с. 377; № 9, с. 440.
[79] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1115, л. 28—29, 38.
[80] ЦГАОР СССР, ДП, IV д-ство, 1909, д. 169, л. 69, 74, 90—91, 102—103, 107—108.
[81] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1909, д. 240, л. 25, 77, 80, 85. — «Речь» утверждала, что общества существовали также в Чите и Кургане.
[82] Русские ведомости, 1909, 27 августа.
[83] Городское дело, 1909, № 18, с. 944.
[84] См. сообщение об их закрытии: Речь, 1910, 4 сентября.
[85] Речь, 1909, № 212, 5 августа.
[86] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1115, л. 29.

обратился к районным организациям с призывом «выдвинуть на первый план те вопросы, в которых наиболее заинтересованы поддерживающие слои населения», и объединять вокруг себя «городскую демократию»,[87] а МО ЦК провел новый съезд городских деятелей и в целях создания легального центра передал дальнейшее ведение дела только что (и, очевидно, ради этого) образованному отделению по городскому и земскому самоуправлению московского отдела Русского технического общества.[88]

С лета 1909 г. главным в деятельности петербургских обществ обывателей становится участие в избирательной кампании. Городовое положение Петербурга 1903 г., еще более реакционное, чем общероссийское, исключало для кадетов надежду на успех под партийным знаменем. Совещание членов ЦК и ПК в марте решило поэтому действовать через общества обывателей.[89] Это определяло «беспартийность» избирательной кампании обществ, скрывавшей разногласия входивших в них элементов, которые объединились под лозунгом «обновления» Думы.[90] В подготовительный комитет «обновленцев» вошли прогрессисты и октябристы, в том числе А. А. Столыпин.[91] Подготовка к выборам велась в обществах обывателей, где, в частности, намечались кандидатуры «обновленцев» по второй курии.[92] В итоге «обновленцы» победили во второй курии и почти догнали «стародумцев» по числу гласных.[93]

Выход обществ обывателей за пределы столиц, новые попытки их объединения и их влияние на исход петербургских выборов вызвали уже не настороженно-выжидательное, а открыто враждебное отношение властей. Неразрешение обществ в Екатеринославе, Харькове и ряде других городов было еще делом местной администрации. Но с сентября «Россия» начинает кампанию против обществ сначала по частным поводам, а затем обвинив их в стремлении вмешаться в муниципальную политику на основе «захватного права».[94] Вслед за тем Крыжановский стал торопить Департамент общих дел МВД «преподать соответствующие указания губернаторам о недопущении таковых обществ», ибо иначе «в конце концов дело сведется к организованному давлению на избирателей со стороны тех слоев общества, которым закон не предоставляет избирательных прав».[95]

В попытке избежать кары общества почти приостановили свою деятельность и старались не напоминать о себе.[96] Прекратила

[87] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 340, л. 15.
[88] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1115, л. 38.
[89] ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1909, д. 61, ч. 9, л. 2—4.
[90] Речь, 1909, 26 июля и 16 сентября.
[91] Там же, 30 сентября.
[92] Там же, 15 ноября.
[93] Там же, 18 ноября.
[94] Россия, 1909, 28 ноября.
[95] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1909, д. 240, л. 24.
[96] Городское дело, 1910, № 11—12, с. 751.

писать о них и либеральная печать. Но правительство не собиралось терпеть даже бездействующие общества, опасаясь их возрождения в будущем. 25 июля 1910 г. Столыпин направил губернаторам циркуляр, требуя не допускать возникновения обществ, «кои ставят задачей своей деятельности предметы, входящие в круг ведомства городских и земских общественных установлений», и внести на рассмотрение присутствий по делам обществ и союзов вопрос «о закрытии возникших ранее сего обществ подобного характера.»[97] Вслед за тем были закрыты все петербургские и провинциальные общества. Дело для правительства при этом заключалось не столько в стремлении не допустить усиления влияния кадетов, сколько в неприемлемости для него вообще идеи создания непредусмотренных законом организаций, в которые к тому же могли проникнуть представители революционного подполья.

Осень 1910—зима 1911 г. поставила вопрос о степени влияния кадетской партии в стране очень остро, показав, с одной стороны, что такое влияние безусловно существует, а с другой, продемонстрировав, что оно достаточно ограничено в левом направлении.

4 октября в Москве умер бывший председатель I Думы С. А. Муромцев. Как доносила охранка, «из похорон Муромцева кадетская партия решила устроить мирную демонстрацию, долженствующую показать правительству ее силу. Похороны Муромцева состоятся на счет партии. ЦК партии будет на похоронах in corpore. От всяких резких выступлений решено воздержаться. Кн. Павел Долгоруков сказал, что похороны Муромцева должны явиться смотром кадетских сил».[98] МО ЦК назначил Н. М. Кишкина и А. Р. Ледницкого распорядителями похорон, решил создать фонд памяти Муромцева и наметил комитет, который должен был заниматься сбором средств в этот фонд.[99] Петербургский ЦК и думская фракция решили послать делегации в Москву.[100] Профессура московских высших учебных заведений взяла на себя организацию похорон, вызов иногородних делегаций и другие стороны демонстративной части похоронного шествия.[101] Сходка студентов Московского университета постановила обеспечить охрану порядка своими силами, отстранив от этого полицию.[102]

Похороны Муромцева 7 октября превратились в самую крупную манифестацию после 1906 г. На следующий день «Речь» утверждала, что в ней приняло участие 100 000 человек; «Голос Москвы» и «Утро России» тоже писали о массовом характере шествия. Манифестация — первая уличная демонстрация со времен революции — обеспокоила и правительство, и правые круги.

[97] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1909, д. 240, л. 70.
[98] ЦГАОР СССР, ДП, IV д-ство, 1910, д. 315, л. 90.
[99] ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 1115, л. 45.
[100] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 80.
[101] ЦГАОР СССР, ДП, IV д-ство, 1910, д. 315, л. 175—176.
[102] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 206, л. 21.

«Московские ведомости» с тревогой писали 8 октября, что, как показали похороны, кадетская партия «обладает в интеллигенции огромными силами». Московский градоначальник спешно донес в Департамент полиции о похоронном шествии, с некоторым удовлетворением отмечая, что состав манифестантов был почти исключительно интеллигентский, а рабочие, кроме завода Бромлея, в похоронах не участвовали.[103] Департамент полиции собирал сведения по всей стране, учитывая принимавших участие в панихидах по Муромцеву и в других чествованиях его памяти. Городские головы Смоленска и Вязьмы были привлечены к ответственности за то, что допустили постановления местных Дум о чествовании памяти Муромцева.[104]

Но если полиция действительно имела основания беспокоиться в связи с массовым масштабом манифестации 7 октября, то кадеты напрасно относили всех демонстрантов к числу своих сторонников. Похороны Муромцева были использованы революционными организациями для подъема студенческих масс. «Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, — отмечал особенность сложившейся ситуации В. И. Ленин, — ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия».[105] В резолюциях студенческих сходок выражались надежды на новую революцию, которая избавит Россию «от кровавых рук столыпинских ставленников».[106]

Расхождение между кадетами и той студенческой массой, которая воспользовалась похоронами Муромцева как поводом для политической демонстрации, стало совершенно явным месяц спустя, во время похорон Льва Толстого. Со дня его смерти 7 ноября во всех университетских городах страны, а особенно в Петербурге и Москве, начались студенческие сходки, на которых не только чествовалась память великого писателя, но и выдвигался лозунг борьбы против смертной казни, активным противником которой был Толстой, произносились речи революционного содержания. Студенты вышли на улицы, между ними и полицией произошли столкновения.[107] Кадеты, разумеется, тоже хотели отметить память Толстого. Но лозунги студенческого движения, а в особенности форма выступлений студентов — уличные демонстрации — испугали кадетское руководство. Когда студенты Петербурга приняли решение провести 11 ноября демонстрацию против смертной казни и обратились к кадетской фракции Думы с призывом о поддержке, представители фракции стали уговаривать студентов отказаться от демонстрации. В ночь на 11 ноября фракции кадетов

[103] ЦГАОР СССР, ДП, IV д-ство, 1910, д. 315, л. 47.
[104] Речь, 1910, 31 октября.
[105] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 5.
[106] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 98, л. 104, 105; д. 168, л. 19.
[107] Речь, 1910, 10 ноября.

и прогрессистов приняли спешное обращение, призывая их «не поддаваться голосу увлечения».[108] 11 ноября «Речь» вышла с передовой статьей, осуждавшей демонстрацию.

Отмечая «впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих»,[109] В. И. Ленин увидел в них симптом начинающегося нового подъема освободительного движения. Но то, что радовало большевиков, пугало либералов. «„Дети“, наши дети опять „борются“ за что-то иное, чем мы в третьей Думе», — горестно писала 12 ноября «Речь» в связи с демонстрацией 11 ноября. «Можем ли мы сказать им, что все нам и им необходимое мы сделаем без них и за них? — ставил вопрос кадетский официоз и признавал. — Увы, сказать и обещать этого мы не можем». И хотя из этого признания вытекал вывод о неправильности кадетской тактики и неизбежности иных, революционных форм борьбы, именно это больше всего и пугало «Речь» в студенческих демонстрациях. «Для того, кто помнит историю студенческих волнений, — писала она,— вчерашний день не может не внушать тревоги». Еще больше встревожили кадетов студенческие волнения в конце ноября — начале декабря, вызванные сообщениями из Вологодской и Ново-Зерентуйской каторжных тюрем, где в знак протеста против применения к политическим заключенным телесных наказаний несколько человек, в том числе известный эсер Егор Сазонов, покончили с собой. На известие об этом студенчество ответило забастовками по всей стране, причем в Одессе в результате столкновения с черносотенцами один студент был убит. «Речь» увидела в этом «знакомое начало знакомого круга» и в страхе восклицала 10 декабря: «„Да не будет“, хочется сказать; да минует нас чаша сия, такая горькая и глубокая, уже испитая не однажды до самого дна».

Студенческие забастовки ноября—декабря 1910 г., а в особенности зимы 1911 г. поставили кадетскую профессуру и сторонников партии среди молодежи в трудное положение.

Напуганный новым подъемом студенческого движения, кабинет Столыпина решил подавить его с помощью грубой силы, не обращая внимания на остатки университетской автономии. 10 декабря 1910 г. Совет министров принял постановление, не только разрешавшее, но предписывавшее министру просвещения и другим министрам, в ведении которых находились учебные заведения, своей властью, минуя администрацию университетов и институтов, исключать из числа студентов руководителей студенческих организаций и сходок. В предвидении «предстоящих в январе беспорядков в высших учебных заведениях» в Совете министров было «решено действовать строго..., а буде нужно, то взяться и за про-

[108] Там же, 11 ноября.
[109] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 74.

фессоров».[110] Вслед за тем постановлением Совета министров 11 января 1911 г. были «временно» запрещены всякие студенческие собрания в стенах высшей школы, а на учебную администрацию возлагалась обязанность немедленно сообщать полиции, если сходка все же состоится. В постановлении подчеркивалось, что ответственность за студенческие выступления «всею тяжестью возлагается прежде всего на начальствующих в учебных заведениях лиц и на профессорские коллегии».[111] Правительство ставило, таким образом, профессору перед недвусмысленным выбором — открыто и активно сотрудничать с полицейскими властями в подавлении студенческого движения или быть обвиненной в солидарности с ним.

Постановления правительства и основанные на них циркуляры Министерства просвещения вызвали протесты со стороны руководства ряда учебных заведений. Однако, когда с 26 января 1911 г. началась всероссийская студенческая забастовка, проходившая под революционными лозунгами и далеко вышедшая за рамки защиты университетской автономии, либеральная профессура выступила против студентов. Специальное обращение против забастовки приняла комиссия Совета Высших женских курсов.[112] Особое постановление было принято и Советом Петербургского университета. В нем говорилось, что Совет «принципиально и безусловно» осуждает забастовку, «как бы она ни мотивировалась». Пытаясь отмежеваться от полицейских мер подавления забастовки, Совет университета призывал студентов возобновить занятия, поскольку иначе «неотвратимо станет вмешательство посторонней для университета власти, на действия которой Совет никакого влияния оказать не может».[113] Когда же полиция установила постоянное дежурство в здании университета и профессора вынуждены были читать лекции перед аудиториями, составленными из черносотенных студентов (нередко с других факультетов), которые своим присутствием поддерживали фикцию «нормальных занятий», причем профессора приходили на лекции под охраной, а скорее под конвоем городовых, петербургской профессуре не хватило гражданского мужества отказаться от чтения лекций. Это приводило к столкновениям забастовщиков с полицией, арестам, исключению из университета и высылке из Петербурга. Даже в кадетском руководстве сетовали, что университетские преподаватели «подошли к делу так, как подобает либеральным профессорам, а не гражданам», и это привело к «отрицательным результатам» для авторитета всей партии. Излагая план своей речи в Думе, Н. В. Некрасов констатировал: «Осудить поведение петербургской профессуры нельзя, но присоединиться к ней все же трудно».[114]

[110] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916. М., 1924, с. 101.
[111] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 192, л. 157—158, 198.
[112] Речь, 1911, 27 января.
[113] Там же, 30 января.
[114] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 3, л. 200.

Иначе развернулись события в Москве, хотя, быть может, и не по инициативе тамошней профессуры. 28 января ректор университета А. А. Мануилов заявил об уходе в отставку в связи с тем, что вмешательство полиции создает в университете обстановку двоевластия, при которой он становится ненужным. Вместе с Мануиловым заявили об отставке его помощник М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков. Эта демонстрация имела цель показать несогласие с методами действия полиции, причем скорее всего, как это уже бывало, Мануилов и его коллеги затем взяли бы свою отставку назад. Но Столыпин и министр просвещения Л. А. Кассо решили воспользоваться случаем, чтобы пресечь профессорскую фронду и разгромить «кадетский» университет. Кассо не только принял отставку Мануилова, Мензбира и Минакова с административных постов, но и уволил их от должностей профессоров университета.[115] В знак солидарности с уволенными университет покинули 130 профессоров и преподавателей, в том числе К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, П. Н. Лебедев, С. А. Чаплыгин и другие.[116] Вслед за тем Мануилов и Вернадский были выведены из Государственного совета (куда они были избраны от университетов) как «утратившие ценз».[117]

Забастовка поставила в трудное положение и кадетские студенческие группы. Приняв сначала участие в стачке и послав своих представителей в студенческие коалиционные комитеты, кадеты вышли из этих комитетов в первых числах февраля, после того как руководители забастовки перешли к активным методам срыва занятий. Когда в конце марта полиция нанесла удар по революционному студенчеству, арестовав петербургский и московский городские коалиционные комитеты, и настроение студентов упало, кадеты выступили с призывом приступить к занятиям. В результате, как жаловался один из кадетских студенческих лидеров, «весь odium прекращения забастовки пал на студентов к.-д., поведение которых объяснили просто тем, что подошло время экзаменов».[118]

В целом события в высшей школе в конце 1910—начале 1911 г. нанесли удар и по надеждам кадетов усилить свое влияние среди студенчества, и по их позициям в университетах, где они были ослаблены в результате разгрома Московского университета и усиливавшегося наступления реакции в других учебных заведениях, а главное — эти события нанесли удар по моральному авторитету кадетской профессуры в стенах высшей школы и за ее пределами.

Из неудачи кадетов в студенческом движении нельзя делать излишне расширительных выводов. Кадетское влияние среди студентов никогда не было значительно, и потому Маклаков зря

[115] Русские ведомости, 1911, 2 февраля.
[116] История Московского университета, т. 1. М., 1955, с. 541.
[117] Русские ведомости, 1911, 15 февраля и 10 марта.
[118] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 11, л. 32—33.

обвинял правительство, будто это именно оно своей политикой подорвало позиции «умеренных элементов» в учебных заведениях.[119] Но определенные буржуазно-интеллигентские слои по-прежнему считали кадетскую партию выразительницей их взглядов и интересов. И если часть этих слоев под влиянием начавшегося сдвига влево уходила от кадетов, то одновременно этот же самый сдвиг приводил в кадетский лагерь новые группы интеллигенции, ранее занимавшей позиции правее партии. Однако отличительной особенностью кадетской массовой базы была ее неспособность к постоянному участию в политической деятельности, усугублявшаяся теми препятствиями, которые ставила в этом отношении администрация. Поэтому почти единственным объективным показателем существования кадетской массовой базы оказывались те или иные выборы, во время которых сторонники партии могли подтвердить свои симпатии тем пассивным и безопасным образом, каким только они и решались их демонстрировать — подачей избирательных бюллетеней.

Такой случай представился в марте 1911 г. в Москве на дополнительных выборах в Думу по второй курии вместо Ф. А. Головина, сложившего депутатские полномочия ради участия в железнодорожной концессии. Кадеты выдвинули своим новым кандидатом Тесленко, что уже было показателем сдвига общественных настроений влево, так как Тесленко занимал позиции на левом фланге партии, а Головин — на правом. Выборы прошли в обстановке явной незаинтересованности избирателей. Вместо 28 тыс. человек, пришедших к урнам в 1907 г., на этот раз голосовало лишь 14.5 тыс. Это объяснялось и падением авторитета III Думы, и близостью общих выборов в IV Думу. Но если число голосов, поданных за кадетов, сократилось с 16 407 до 11 672, или чуть больше чем на $^1/_4$, то за октябристов — с 5862 до 1709, или в 3.5 раза, а фактически еще больше, так как в 1911 г. их поддержали правые, которые в 1907 г. выдвигали собственного кандидата и собрали 2048 голосов.[120] В результате в процентном отношении число голосов, поданных за кадетов, выросла с 60 до 80%. Главным итогом выборов явился сокрушительный провал октябристов, подчеркнувший недовольство московских буржуазных кругов политикой Столыпина и Гучкова.

Процесс разочарования в столыпинском курсе и вытекавшего отсюда полевения буржуазии, отходившей от октябристов, не вел, однако, к переходу ее под партийное знамя кадетов, оставшихся для подавляющего большинства русской буржуазии чересчур левыми. Политически активные лидеры московской буржуазии, переходившей в оппозицию к правительству, приступают поэтому к выработке собственной политической платформы, которая на-

[119] Государственная дума. Стенографический отчет. Третий созыв. Сессия четвертая, ч. II. СПб., 1911, стб. 1469—1470.

[120] Голос Москвы, 1907, 19 октября; Русские ведомости, 1911, 22 марта.

ходит свое выражение прежде всего на страницах газеты «Утро России», возобновленной изданием, как уже указывалось, 15 ноября 1909 г. Финансирование газеты осуществляли П. П. и В. П. Рябушинские, А. И. Коновалов, Н. Д. Морозов, С. Н. Третьяков, С. И. Четвериков и другие московские крупные капиталисты, а видное участие в ней принимали представители прогрессистской и правокадетской интеллигенции, уже ранее связанные с этой группой московской буржуазии участием в «экономических собеседованиях».[121]

Главным в программе «Утра России» было подчеркивание той роли, которую предстоит сыграть буржуазии в политическом и экономическом развитии России, причем интересы буржуазии открыто противопоставлялись интересам поместного дворянства. «Если, — писала газета, — рассматривать вопрос социологически, то не может быть никакой речи о том, интересы какого класса несут с собой элементы прогресса. Вся история доказывает одно. Как только наметилась противоположность интересов между классом землевладельческим и классом торгово-промышленным, знамя прогресса никогда не переходило в лагерь землевладельцев... В настоящее время положение таково, что на политику будет оказывать влияние или аграрный класс, или торгово-промышленный... Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным».[122]

Подчеркивание противоположности интересов буржуазии и поместного дворянства означало разрыв со всей философией и тактикой октябризма, строившихся на тезисе о единстве их интересов. Этот разрыв был вполне осознан публицистами «Утра России», доказывавшими мнимость тех или иных колебаний октябристов влево именно тем, что последние являются в сущности союзом аграриев,[123] а потому «защита конституционализма не вызывается у них никаким реально-политическим мотивом», ибо «помещики — единственная группа, которая не имеет причин быть недовольной существующим положением».[124] Антидворянские мотивы постоянно звучали в передовых статьях и других выступлениях газеты, которая предсказывала неминуемую гибель дворянства. «Жизнь, — писала газета 18 марта, — перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливает через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло». Не желая ждать, пока этот процесс совершится сам собой, «Утро России» объявляло «борьбу с аграриями и аграрной идеологией» главной задачей «всех прогрессивных групп

[121] Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 66, 70. — П. П. Рябушинский под псевдонимом Вл. Стекольщиков (а может быть, и под другим) и сам выступал в газете с политическими статьями.

[122] Утро России, 1909, 2 декабря.

[123] Там же, 1910, 13 февраля.

[124] Там же, 2 марта.

русского общества».[125] Московская буржуазия не скрывала истинного смысла своей ожесточенной кампании против дворян-помещиков. «Дворянину и буржуа, — писал 19 мая в редакцию газеты один из наиболее откровенных и циничных апологетов буржуазии, — нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Стремление оттеснить дворянство экономически и политически вело с неизбежностью к критике власти, связь которой с помещиками была общеизвестна и отчетливо сознавалась идеологами либеральной буржуазии, подчеркивавшими, что высшие бюрократические сферы являются «плотью от плоти и костью от кости умирающего дворянства». Дворянству и бюрократии вместе взятыми и противопоставлялась «новая общественная сила» — буржуазия, которая якобы «не мирится с всепроникающей полицейской опекой и стремится к эмансипации народа».[126] Признавая, что «в 1905 г. буржуазия помогла людям старого режима подавить революцию» (и ставя это ей, естественно, в заслугу), Рябушинский в своей газете декларировал 18 мая, что теперь «реакция... в свою очередь начинает вызывать отпор со стороны буржуазии».

С удовлетворением отмечая поворот части либеральной интеллигенции к буржуазии и к признанию ее «заслуг»,[127] «Утро России» в то же время выступало против передоверия интеллигенции защиты буржуазных интересов. Борьба за эти интересы, писала газета 11 марта, «не будет делом интеллигенции дореволюционного типа», ибо нужна интеллигенция новая, полностью осознающая себя частью класса буржуазии, и такая интеллигенция «вырастет естественно из нутра создающихся классов по мере развития их борьбы, для которой нужны не батраки, а хозяева, не служилые люди, а интеллигентные представители самых борющихся сил». Отрицание «старой» интеллигенции, не желающей признать себя частью определенного класса и претендующей на надклассовость, было тесно связано с неприятием московской либеральной буржуазией кадетской платформы. Поэтому, призывая буржуазию к объединению, «Утро России» от 8 января подчеркивало, что такое объединение должно совершиться «не вокруг обветшалого знамени какой-либо из партий». Пока же объединения чисто буржуазных элементов в особую партию не произошло, московская буржуазия, группировавшаяся под знаменем «Утра России» вокруг Рябушинского и его единомышленников, действовала в контакте с думскими прогрессистами, чья идеология и тактика в наибольшей мере соответствовала ее взглядам, а некоторые московские капиталисты входили в партию мирного обновления, составлявшую ядро прогрессистов.

[125] Там же, 23 июня.
[126] Там же, 16 мая.
[127] Там же 26 января.

Полевение буржуазии проявилось даже на IV съезде представителей промышленности и торговли, хотя эти съезды занимали всегда подчеркнуто аполитичную и лояльную по отношению к правительству позицию.

Состоявшийся в мае 1907 г. II съезд отнесся без большого энтузиазма к докладу М. М. Федорова о создании торгово-промышленных палат для объединения буржуазии «на почве общественной работы», перенеся центр тяжести вопроса на необходимость издания соответствующего закона правительством.[128] Точно так же на II съезде в 1908 г. доклад А. А. Вольского «Основы торгово-промышленной политики России» был посвящен лишь необходимости выработки, «кроме планов воссоздания военного флота, реорганизации армии» и т. п., и планов «к развитию производительных сил страны, к подъему ее богатства».[129]

На IV съезде — в ноябре 1909 г. — обстановка была уже иной. Съезду был представлен доклад члена Совета общества для защиты интересов и развития одесской промышленности С. И. Соколовского об организации буржуазии во всероссийском масштабе. «Торгово-промышленный класс — единственный класс в России, который в современной путанице понятий, стремлений, требований и борьбы противоположных интересов остается при здравом уме и твердой памяти, — утверждалось в докладе Соколовского. — Нужно, чтобы торгово-промышленное население сознало свою политическую роль в стране, чтобы оно развернуло свой строй за свои политические идеалы и сомкнутыми рядами, как организованная сила, потребовало своего места в делах государства».[130]

Новые ноты зазвучали и в докладе Вольского «Экономическо-финансовая политика России», в котором речь шла уже не только об экономических, но и об общеполитических вопросах. Вольский приветствовал «экономические собеседования» как «один из поворотных пунктов русской экономической мысли от бесплодных скитаний в области социалистических мечтаний к тем вопросам, кои непосредственно и жизненно связаны с хлебом насущным». В то же время он потребовал и от правительства перейти «от политики тьмы и разобщения» к «политике света и объединения», и в частности не мешать «организации более уравновешенных и спокойных элементов в те союзы всевозможного рода, против которых до сих пор с такой настойчивостью и ослеплением бо-

[128] Журналы заседаний Второго очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 22, 23 и 24 мая 1907 г. в Москве. СПб., 1907, с. 6, 9.
[129] Третий очередной съезд представителей промышленности и торговли. Доклады и записки. Основы торгово-промышленной политики России. Доклад А. А. Вольского, СПб., 1908, с. 35.
[130] Труды Четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли, состоявшегося 10, 11, 12 и 13 ноября 1909 г. в С.-Петербурге. СПб., 1910. Доклад С. И. Соколовского «Организация представителей промышленности и торговли на местах», с. 6—7.

рется правительство».[131] Под этим подразумевались, судя по контексту, не только буржуазные организации, но и рабочие союзы, во главе которых Вольский надеялся увидеть оппортунистических лидеров.

Идеи Соколовского и Вольского оказались все-таки чересчур радикальными для съезда, который, «не входя в прения относительно положений С. М. Соколовского», постановил «принять к сведению основную мысль доклада» и признал «личным» доклад Вольского. В резолюции по нему (принятой тоже без прений) говорилось только об экономических вопросах.[132] Лидер большинства съезда Г. А. Крестовников даже риторически вопрошал во вступительном слове: «Не идем ли мы чересчур поспешно в стремлении все пересмотреть, переделать с тем, чтобы начать жизнь на новых основаниях».[133] И тем не менее выступления Соколовского и Вольского были симптоматичны и демонстрировали расширение круга либерально настроенных буржуазных элементов, идейно близких «Утру России».

На протяжении 1910 г. практическая деятельность группы Рябушинского—Коновалова—Четверикова в основном ограничивалась финансированием «Утра России» и разного рода изданий национал-либерального толка, вроде вышедшего в декабре сборника «Великая Россия», а также материальной поддержкой близкой им по духу »Русской мысли» Струве. Одновременно продолжались «экономические собеседования». Для сугубой умеренности московских промышленников весьма характерно, что в феврале 1910 г. даже Рябушинский на этих собеседованиях ограничивался сетованиями на «полицейскую опеку и произвол», а мысль о необходимости для буржуазных элементов взять на себя «историческую миссию... осуществления начал права и свободы» все еще высказывалась представителями интеллигентской стороны.[134] У сдержанности промышленников, возможно, была еще одна причина — понимание того, что, несмотря на все широковещательные декларации «Утра России», у буржуазии нет реальной возможности в ближайшее время взять в свои руки власть. 6 июля того же года «Утро России» заметило, что даже победа на выборах в IV Думу не сделает оппозицию правящей силой, ибо «у нас превращение оппозиционных партий в правительственные возможно только при помощи революции». «Другими словами, — продолжало «Утро России» рассуждения о превращении оппозиционных партий в правительственные, — на ближайшие годы невозможно вовсе. Оппозиция еще долго обречена оставаться оппозицией».

[131] Труды Четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли... Доклад А. А. Вольского «Экономическо-финансовая политика России», с. 1, 28, 29.
[132] Труды Четвертого очередного съезда представителей промышленности и торговли... Журналы заседаний съезда, с. 11, 42.
[133] Там же, с. 1—2.
[134] Русские ведомости, 1910, 23 февраля.

Начавшийся подъем демократического движения, переведя вопрос о революции из области платонических воздыханий либералов в область практической угрозы для них, активизировал московских промышленников. Непосредственным поводом для их открытого выступления послужили студенческие забастовки и разгром Московского университета. Заявление Мануилова, Минакова и Мензбира об отставке само по себе не вызвало одобрения «Утра России», предсказавшего 30 января, что «правительство учтет самоотставку профессуры в свою пользу и сделает из нее предлог для дальнейшего укорочения университетской автономии». Но последовавшие затем меры правительства, действительно начавшего сводить счеты с профессурой, встретили резкую критику органа Рябушинского. Правительство и правые, писала газета, кричат о возможности революции. Если она когда-нибудь и в самом деле придет, то в качестве смягчающего буфера могла бы выступить «армия культурных работников» — либералов. Но как раз по ним власть наносит свои удары. Именно в этом с точки зрения газеты состояла «всероссийская драма», как оценивала она 6 февраля значение происходящих событий.

Для придания большего веса протесту против действий правительства московская буржуазия решила выразить его не только в форме газетных статей, но и в виде особого заявления от имени виднейших представителей торгово-промышленного мира. «Мы все, — писал Вл. Рябушинский Струве 9 февраля 1911 г., — очень взволнованы университетскими делами и хотим протестовать».[135] Идея особого заявления была выдвинута Коноваловым на очередном «экономическом совещании»,[136] а текст его написан Четвериковым.[137] 11 февраля одновременно в «Утре России» и «Русских ведомостях» было опубликовано «Письмо в редакцию» за подписями 66 московских промышленников, в том числе П. П., В. П. и Д. П. Рябушинских, Коновалова, Морозова, Четверикова, Третьякова, С. Н. Мамонтова, Коншиных и т. д. Осудив студенческую забастовку как таковую, промышленники главное внимание уделили критике действий властей, подчеркивая, что «плохую услугу оказывает общество правительству и стране, когда в моменты их духовного разлада оно своим молчанием дает правительству думать, что за ним моральная поддержка страны».[138] Вслед за тем был начат сбор подписей избирателей под обращением к московским членам Государственной думы, в котором тоже выражался протест против разгрома Университета, требо-

[135] РО ГПБ, ф. 753, № 102, док. 20.
[136] Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад, с. 73.
[137] Четвериков С. Безвозвратно ушедшая Россия. Несколько страниц из книги моей жизни. Берлин, б/г, с. 54.
[138] Утро России, 1911, 11 февраля.

вались осуществление Манифеста 17 октября и указа 27 августа 1905 г. об университетской автономии, отмена репрессивных мер против профессуры и студентов. К середине марта под обращением подписалось 2752 избирателя.[139] С протестом против политики царизма в университетском вопросе выступили также 22 члена самарского биржевого общества.[140]

Выступление промышленников вызвало переполох в правительственном лагере, у правых и у октябристов. «Россия» попыталась было отмахнуться от него, заявив 13 февраля, что «напрасно утруждали себя те, кто подписал этот протест. Их отношение к любому вопросу, а не только к тому, о котором они теперь высказались, давно и хорошо известно». Мнению 66 промышленников «Россия» противопоставляла погромные решения VII съезда объединенного дворянства, проходившего в эти самые дни и поддержавшего репрессии против студенчества и профессуры. «Дворянский съезд, — писала «Россия» 17 февраля, — организация, а 66 купцов, которые сами говорят о себе, что они действовали как частные лица, не являются организацией». Это, однако, было наигранное равнодушие, явное же беспокойство выдавали бесконечные статьи официоза в связи со студенческими волнениями и реакцией на них общества.

Попытка преуменьшить общественное значение письма 66-ти вызвала отповедь «Утра России», поместившего 18 февраля статью «Раздражение подъячих», в которой говорилось: «Купечество не менее дворян заинтересовано в правильном течении занятий в высшей школе, и если оно рекомендует иные меры, то, может быть, это зависит от разных взглядов на цели и задачи воспитания», ибо «объединенные дворяне и теперь готовы превратить университеты в рассадник митрофанушек».

Октябристы также попытались дискредитировать письмо 66-ти, поставив под сомнение право его авторов говорить от имени своего класса. Редакционная статья «Голоса Москвы» от 12 февраля называла письмо «фальсификацией общественного мнения», в опубликованном в том же номере заявлении Крестовников выражал уверенность, что «большинство состава биржевого комитета разделит мое мнение о совершенной неуместности и нетактичности такого выступления, которое ничего не выясняет, а лишь способствует усилению волнения». Крестовников заявлял, что только 30 из 120 выборных биржевого общества подписалось под письмом 66-ти. В ответ «Утро России» подчеркивало в номере от 17 февраля, что зато эти тридцать — самые активные и влиятельные из выборных.

В отличие от «России» и октябристов правые отмечали политическое значение письма 66-ти. Они, как это делалось постоянно, обвиняли либеральную буржуазию во флирте с революцией и

[139] Русские ведомости, 1911, 15 марта.
[140] Утро России, 1911, 22 февраля.

«подзуживании» бунта и грозили им последствиями этой революции. «Да, гг. Рябушинские, Морозовы и прочие им подобные! — писал Меньшиков. — Несмотря на ваш флирт с революцией и все аттестаты либерализма, которые вы спешите выслужить, именно вам первым придется пасть жертвой готовящегося переворота. Вас повесят первых — не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью, — просто за обладание тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь».[141]

Меньшиков напрасно обвинял московских промышленников в подзуживании бунта. Весь пафос письма 66-ти заключался именно в стремлении предотвратить возможности революционного взрыва и убедить власть в необходимости изменить для этого приемы управления и пойти на компромисс с умеренными элементами. По мере обострения политического кризиса «Утро России» сбавляло цену, требуемую за готовность поддержать власть, соглашаясь на правительство даже из октябристов и националистов, лишь бы оно действительно опиралось на Думу. Лучше, убеждал 11 марта 1911 г. орган либеральных буржуа, пойти на уступку сейчас, «в период пониженного общественного настроения, чем искать в ней спасения в моменты общественных кризисов, повышенных политических требований».

«Наверно нет ни единой страны в Европе, — подчеркивал В. И. Ленин, — где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв „старой государственной власти“, а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв „не подзуживать“... И никогда призывы не помогали, хотя „либеральная буржуазия“ не только *не хотела* „подзуживать“, а, напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с „подзуживателями,“ с какой 66 купцов осуждают забастовки».[142] И письмо 66-ти, и последующие выступления московских либеральных промышленников отражали их явное недовольство столыпинской политикой. Попытка осуществить бонапартистский курс, удовлетворить буржуазию, сделав шаг в ее сторону, не удалась. И оппозиционные выступления промышленников означали публичное признание ими того, что, «несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться, — „приспособления“ все же не выходит».[143]

[141] Новое время, 1911, 17 февраля.
[142] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 148.
[143] Там же, с. 149.

Глава IX

ОКТЯБРИСТЫ, СТОЛЫПИН И ПРАВЫЕ
(февраль 1910—февраль 1911 г.)

Гучковское «мы ждем» не означало и не могло означать отказа от сотрудничества с правительством. Какое бы недовольство не вызывала у октябристов политика кабинета, ждать осуществления своих чаяний они могли только от него. Со своей стороны поддержка октябристов была постоянно необходима Столыпину теперь уже не только и, может быть, не столько для осуществления его проектов, которые явно терпели крах, сколько для сохранения поста премьера.

Взаимное стремление октябристов и Столыпина к сотрудничеству, несмотря на возникающие обоюдные недовольства, вскоре нашло новое и притом очень весомое подтверждение. 4 марта Хомяков подал в отставку с поста председателя Думы. Этому предшествовал очередной скандал, устроенный в Думе Пуришкевичем, и недоразумение между Хомяковым и министром просвещения А. Н. Шварцем, которому Хомяков не дал слова, объявив перерыв (это формально нарушало право министров выступать в Думе по первому своему желанию). Действительной причиной отставки был постоянно нараставший конфликт между правооктябристским большинством Думы и ее председателем, занимавшим место на левом фланге своей партии. В тот же день Столыпин предложил Гучкову самому стать председателем Думы.[1]

Смысл маневра, предложенного Столыпиным и принятого Гучковым, был ясен. «Случайный вождь своего политического отряда», как назвало 2 марта 1910 г. «Утро России» Гучкова, имея в виду помещичий состав фракции, получал доказательство прежней близости его отношений с премьером и тем самым возможность остановить или хотя бы замедлить центробежные тенденции в октябристской фракции, вновь подчинить себе ее правое крыло. Сплочение октябристской фракции вокруг Гучкова отвечало и интересам Столыпина, обеспечивая ему более твердое большинство в Думе. Наконец, для обоих было важно и то, что председатель Думы имел право личного доклада царю и мог поддержать

[1] ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 112, л. 3.

перед ним согласованную с премьером программу, создавая тем противовес его противникам.

Ближайшие шаги Гучкова показали, что такая согласованная между ним и Столыпиным программа действительно существует. Его речь по случаю избрания в председатели Думы носила отпечаток предварительного обсуждения с премьером. Политическое кредо Гучкова было им сформулировано в предельно осторожных выражениях. Назвав себя «убежденным приверженцем конституционно-монархического строя и притом не со вчерашнего дня», Гучков тут же подчеркнул, что он мыслит себе конституционную монархию в России лишь с правительством, «ответственным только пред монархом, а не пред политическими партиями». Программа законодательной деятельности, намеченная Гучковым на весеннюю сессию, свидетельствовала о том, что столыпинские реформы на данном этапе не стояли в повестке дня. Центром гучковской речи был откровенный выпад против «внешних препятствий, тормозящих нашу работу или искажающих ее конечные результаты» (т. е. против Государственного совета и камарильи), с которыми Гучков обещал «сосчитаться».[2] 14 марта «Россия» откликнулась передовой статьей, свидетельствующей о полном одобрении объявленного Гучковым курса, в том числе, следовательно, и угрозы «сосчитаться» с Государственным советом.

В конце марта Столыпин выступил в Думе с речью, которая являлась ответом и на гучковское «мы ждем», и на его же стремление «сосчитаться» с Государственным советом. Столыпин заявил, что «Россия сошла уже с мертвой точки, и я надеюсь, что по мере отмирания нашей смуты будут отпадать и стеснения в пользовании обществом предоставленными ему правами».[3] Октябристам были обещаны отмена исключительных положений и осуществление реформ, «предуказанных с высоты престола». Столыпин не поскупился и на обещания действовать в согласии с представительными учреждениями. Его речь была расценена как доказательство заинтересованности премьера в союзе с Думой ради укрепления его позиций в борьбе с интригами правых.

Однако торжественно обставленная демонстрация сердечного согласия Столыпина и Гучкова не только не принесла им желанных результатов, но, напротив, ослабила позиции обоих.

Гучкову не удалось выступить в качестве признанного руководителя Думы, приемлемого для обоих большинств в ней. За него голосовали только октябристы, националисты и прогрессисты,[4] в последний момент решившие дать Гучкову шанс использовать свои отношения со Столыпиным. Кадетская фракция и ЦК раскололись. Часть кадетов тоже считала нужным поддержать Гуч-

[2] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья, ч. III. СПб., 1910, стб. 449—452.
[3] Там же, стб. 2524.
[4] Утро России, 1910, 9 марта.

кова. Но большинство пошло за Милюковым, считавшим, что «наш вотум за Гучкова произведет в стране самое неблагоприятное впечатление».[5] В то же время кадеты не хотели и отрезать себе пути к соглашению с октябристами и в отличие от социал-демократов и трудовиков уклонились от политической оценки выборов нового председателя и воздержались от голосования. Против Гучкова голосовали крайне правые. Получив 221 голос, Гучков, таким образом, с самого начала оказался избранником полу-Думы.

Не получилось и укрепления рядов октябристской фракции. Заняв председательское кресло в Думе, Гучков должен был отказаться от формального лидерства во фракции. Но у октябристов не было другой кандидатуры, способной удовлетворить и правое, и левое крыло. Поэтому было решено вообще не выбирать нового лидера, поручив ведение дел двум заместителям Гучкова по фракции Анрепу и Родзянко.[6] Такой вариант не устраивал правое крыло октябристов. В попытке воздействовать на фракцию Родзянко вышел из ее бюро. В думских кругах заговорили о возможности ухода Родзянко и его сторонников из фракции «Союза 17 октября».[7] Хотя массового ухода не произошло, Еропкин в середине апреля публично жаловался, что переход Гучкова в председатели Думы «чрезвычайно губительно отозвался на фракции».[8]

Но, пожалуй, наибольшее и притом немедленное разочарование пришлось испытать Столыпину. Выдвижение Гучкова вызвало переполох в правых сферах, испугавшихся усиления влияния премьера на Николая и решивших поэтому усилить кампанию против Столыпина и Гучкова. На открывшемся 14 марта VI съезде объединенного дворянства заявление Гучкова о том, что он считает себя конституционалистом, было расценено как «наглое» и «неслыханное».[9] В кулуарах съезда распространялся «список дворян членов Думы, избравших купеческого сына Гучкова в председатели». Фракция националистов опубликовала заявление, что она обсуждала вопрос, не стоит ли отказать октябристам в поддержке, чтобы вызвать этим роспуск Думы, и решила пока не прибегать к этой мере.[10]

Объединенное дворянство вновь подвергло критике правительственный курс Столыпина. На этот раз на съезде обсуждалась губернская реформа. И в ней дворянство увидело умаление своей роли, поскольку в проекте была опущена статья, обязывающая губернатора принимать во внимание мнение предводителя дворянства. Проекту инкриминировалось и умаление прав верховной власти. Недовольство зубров вызвал проект введения подоходного налога, который они расценили как покушение на их карман и предупредили, что готовятся дать ему отпор в Государственном совете. Критике подвергся проект всеобщего начального образования, причем и здесь звучала все та же нота защиты своих сословных интересов, отождествляемых с интересами государства. А. А. Римский-Корсаков подчеркивал, что «школа должна быть руководима в интересах государства дворянством», а Пуришкевич требовал закрыть крестьянам доступ к среднему и высшему образованию. Как всегда, Дворянский и Крестьянский банки обвинялись в разорении и «полуэкспроприации» помещиков.[11]

Наиболее четко политическая концепция легитимистской реакции нашла выражение в докладе Бобринского «О допущенных в государственном учреждении нападках на общественный строй и дворянство», где утверждалось, что критика дворянства с думской трибуны «составляет опасность для здорового развития нашей родины», и требовалось, чтобы правительство обратило на это «должное внимание».[12] Показательно, что первоначально Бобринский намеревался назвать свой доклад «Государственная дума и избирательный закон» и открыто выступить с требованием нового государственного переворота, полностью отдававшего Думу в руки правых. Лишь из тактических соображений — изменение избирательного закона было прерогативой царя и открытое выступление с таким требованием было бы тем самым вмешательством в права верховной власти, в котором легитимистский лагерь обвинял Столыпина — тональность и название доклада были в последний момент несколько смягчены Советом объединенного дворянства.[13]

В непосредственной связи с кампанией легитимистской реакции стояла серия статей, опубликованных в «Новом времени» Меньшиковым. 6 марта, сразу после того как Бобринский доложил Совету объединенного дворянства первоначальный вариант своего доклада, Меньшиков выступил со статьей «Кто у власти», содержавшей выпады против «брыкающейся» Думы, расколотой на различные политические течения, и против «молодого нашего премьер-министра», неспособного справиться с положением. Статья недвусмысленно намекала на необходимость вмешательства «сверху», т. е. изменения состава и правительства, и Думы. С 13 марта (т. е. после того как Совет объединенного дворянства решил воздержаться от прямой атаки на Основные законы) Меньшиков начал агитацию против поддержки националистами Гучкова и вообще «Союза 17 октября», призывая их перестать «вращаться вокруг чужого центра». Наконец, 25 марта в статье «Общая неудача» Меньшиков выступил с изложением идей, явно

[5] ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 44—53.
[6] Голос Москвы, 1910, 20 марта.
[7] Речь, 1910, 24 и 27 марта.
[8] Голос Москвы, 1910, 15 апреля.
[9] Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910, с. 47.
[10] Речь, 1910, 20 и 22 марта.
[11] Труды VI съезда дворянских обществ..., с. 60, 73, 133, 143, 144, 397, 398.
[12] Там же, с. 189, 256.
[13] См.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 491—492.

перекликавшихся с тем, что собирался говорить Бобринский. Возможно, такая перекличка была совсем не случайной. Констатировав «неудачу с парламентом» и конституцией в России, Меньшиков предлагал «подумать, отчего это и чем можно практически поправить дело». Признав отсутствие единодушия в стране, Меньшиков видел главный недостаток избирательного закона в том, что это неединодушие переносится и в Думу, «в самый принцип представительства вносят идею раздора. Задаются соединить все разнообразие, всю отрицающую себя пестроту жизни». Вместо этого Меньшиков предлагал исходить из противоположного принципа — устранения из Думы всех инакомыслящих. «Спокойные и сильные века, — заявлял он, — основывались на неравенстве общественном и на предоставлении власти отнюдь не всем, а лишь одной или однородной стихии... К представительству должны приглашаться только люди государственного единодушия, одной, государственной партии, а не всех бесчисленных, какие могут сложиться».

Смысл меньшиковских рассуждений был совершенно ясен. Трехлетний опыт существования Думы 3 июня показал крайне правым, что наличие законодательного учреждения, если они располагают в нем большинством, является важным фактором в их борьбе против бонапартистского курса правительства. Поэтому требование ликвидации законодательных прав Думы, почти неприкрыто звучавшее в адресе московского дворянства в 1908 г., теперь выдвигается лишь наиболее экстремистскими элементами. Его место занимает требование изменить положение о выборах таким образом, чтобы в Думу могли попадать только люди «государственной партии». Разумеется, под государственной партией дворянско-легитимистская реакция подразумевала себя.[14]

Требования правых сводились к тому, чтобы закрыть двери в Думу для представителей всех национальных меньшинств России, а выборы от русского населения организовать так, чтобы абсолютное большинство депутатов принадлежало к поместному дворянству. В наибольшей степени этому соответствовало избрание депутатов Думы губернскими земствами, и М. В. Пуришкевич в конце мая обратился к «Русскому собранию» с предложением ходатайствовать о роспуске Думы и изменении избирательного закона в указанном духе, да еще с дополнительными коррективами в пользу дворянства и духовенства.[15] Одновременно В. М. Пуришкевич предложил местным черносотенным организациям слать телеграммы царю с требованием нового избирательного закона.[16] Смысл плана был настолько очевиден, что даже правый крестьянский депутат М. С. Андрейчук, требовавший расширения участия крестьян в западном земстве, выразил суть его совершенно четко: «То самое большинство, которому дает преимущество в этом земстве, оно еще не достало в руки земства, как уже в печати публикуется избирательный закон в Государственную думу, чтобы губернские земства избирали и в Государственную думу. Так что нас хотят не пустить и сюда».[17]

«Россия» пыталась урезонить крайне правых, доказывая ненужность нового государственного переворота. Вслед за октябристами и кадетами, давно твердившими, что революционное движение в стране успокоилось и потому можно и нужно приступить к реформам, весной и летом 1910 г. об успокоении заговорил и столыпинский официоз. 21 апреля «Россия» писала, что успокоение уже определилось и «идет много быстрее, чем можно было ожидать», а 3 июля утверждала, что «страсти, разбуженные смутой, перекипели и, как бы ни бередили с той или другой стороны старые раны, они закрылись», и поэтому, как добавляла газета 8 июля, рабочие и крестьяне не будут впредь голосовать за левых, а значит (это предлагалось читать между строк) незачем менять избирательный закон. Ирония истории заключалась в том, что «Россия» заговорила об успокоении тогда, когда, как отмечал В. И. Ленин, полоса «*полного* господства черносотенной реакции кончилась», а началась «полоса нового подъема».[18]

Попытки Столыпина ослабить давление справа не увенчались успехом, и думские лидеры черной сотни продолжали нападки на кабинет. В мае Пуришкевич от имени части своей фракции обрушился на кабинет за излишние по его мнению уступки в вопросе о западном земстве, заявив: «Правительство, которое произносило отсюда национальные речи, правительство должно было исполнить свой долг и не исполнило».[19]

Одновременно обострялась критика столыпинских законопроектов. В дни, когда заседал дворянский съезд, Государственный совет приступил к обсуждению столыпинской аграрной реформы. В своей речи по этому случаю Столыпин еще раз попытался показать неизбежную связь реформы с изменением системы местного самоуправления, может быть не столько для того, чтобы

[14] Не видя принципиальных разногласий между легитимистским и бонапартистским лагерями, А. Я. Аврех, подробно изложив статьи Меньшикова, считает, что предложенный в них план реорганизации Думы вел к «бессмыслице», поскольку Дума с одним правым большинством была отрицанием идеи союза царизма с буржуазией в общенациональном масштабе, а «в таком виде она не нужна была ни правительству, ни верхам, ни правым» (Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 302). Но в таком случае зачем же велась антидумская кампания правых, которая, по признанию А. Я. Авреха, к марту 1910 г. «достигла уже большой степени остроты» (там же, с. 303)? Дело заключается именно в том, что для определенных кругов был нежелателен ни союз царизма с буржуазией, ни лавирование его между буржуазией и поместным дворянством. Эти-то круги и добивались изменения избирательного закона. Для них меньшиковский план (вернее, их план, изложенный Меньшиковым) вовсе не вел к бессмыслице.

[15] Земщина, 1910, 21 мая.
[16] Утро России, 1910, 26 мая.
[17] Государственная дума... Сессия III, ч. IV, стб. 2834.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 74.
[19] Государственная дума... Сессия III, ч. IV, стб. 2830.

убедить своих противников, сколько для того, чтобы внушить октябристам надежду, что он еще не отказался от своих планов. «Принципиальная сторона законопроекта, — говорил Столыпин, — является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни».[20] В ответ Столыпин услышал со стороны ряда дворянских представителей критику даже аграрного курса. «Правительство, — заявил прежде поддерживавший премьера Д. А. Олсуфьев, — хочет выстроить новый дом и разрушает старый, и разрушение идет успешно, валятся кирпичи, крыша, но какой будет новый дом, еще неизвестно».[21] Вслед за тем правые выступили против уже принятого Думой закона о старообрядческих общинах. Значение, которое придавалось этому вопросу, подчеркивалось тем, что в роли докладчика выступил главный противник Столыпина — Дурново, открыто заявивший, что с точки зрения легитимистской реакции Столыпин в своем бонапартистском курсе заходит слишком далеко. «Идя вперед по пути прогресса, — вещал Дурново, — нельзя идти так быстро и разбрасывать по пути все старое... все, чем только жило, чем существовало государство».[22]

В таких условиях Столыпин счел целесообразным выдвинуть на первый план ту часть своей программы, которая в наибольшей степени совпадала с курсом правых. Весной 1910 г. на повестку дня Думы вносятся законопроекты о Финляндии и о западном земстве.

Стремление отнять у Финляндии права фактической автономии, завоеванные в ходе революции 1905—1907 гг., было важной составной частью всей политики царизма в национальном вопросе. «Старый национализм самодержавия, давящего всех „инородцев“, — отмечал В. И. Ленин, — подкреплен теперь, во-первых, ненавистью всех контрреволюционных элементов к народу, сумевшему воспользоваться октябрьской кратковременной победой российского пролетариата для того, чтобы создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии, неуклонно стоящих на стороне социал-демократии. Финляндия воспользовалась российской революцией, чтобы обеспечить себе несколько лет свободы и мирного развития. Контрреволюция в России спешит воспользоваться полным затишьем у „себя дома“, чтобы возможно больше отнять из финляндских завоеваний».[23] С этой целью предусматривалось осуществить такое разграничение сфер общеимперского и финляндского законодательства, которое оставляло бы за финляндским сеймом лишь второстепенные вопросы, тогда как все важнейшие решались бы царем, Советом министров и Думой без учета мнений сейма и сената Финляндии.[24]

Поддержка антифинляндского законопроекта была, очевидно, одним из объектов договоренности между Столыпиным и Гучковым, поэтому бюро фракции октябристов специальными телеграммами потребовало от депутатов, не спешивших возвращаться после пасхальных каникул в Петербург из-за начала полевых работ в поместьях, прибыть в столицу и оставаться там до конца обсуждения законопроекта.[25] Однако финляндский вопрос послужил еще одной причиной для обострения разногласий в октябристских рядах. Отказываясь поддерживать правительственный проект, Мейендорф заявил было о сложении депутатских полномочий, и октябристам, чтобы избежать скандала, пришлось предоставить Мейендорфу свободу голосования,[26] которой он и воспользовался, подчеркнув, что «не желает разделять ответственности за этот национальный подвиг».[27] С критикой похода на Финляндию выступили и Л. А. Камаровский. Против «ненужного притеснения национальности» высказалась московская немецкая группа «Союза 17 октября».[28]

После скоропалительного обсуждения в комиссии законопроект «О порядке издания общегосударственных законов, касающихся Финляндии», был 21 мая вынесен на рассмотрение Думы. Обсуждение его проходило в обстановке шовинистического угара. Но даже в финляндском вопросе выявились разногласия между правительством и крайне правыми. Последние настаивали на том, чтобы инициатива внесения новых проектов, конкретизирующих антифинляндское законодательство, была предоставлена Думе. Это дало бы им возможность в любой момент внести проект и тем оказывать давление на другие фракции и на правительство. Октябристы и националисты провели поправку, оставляющую инициативу дальнейшего законодательства за царем. Авторство этой поправки приписывалось Гучкову,[29] и она была поддержана представлявшим правительство Харитоновым.[30] Принятие этой поправки было важно для октябристов и для кабинета в двух отношениях — оно предохраняло от непрошенного забегания вперед со стороны крайне правых и оно подчеркивало лояльность Столыпина и его союзников по отношению к верховной власти.

---

[20] Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 гг. Сессия пятая. СПб., стб. 1143.
[21] Там же, стб. 1185.
[22] Там же, стб. 3286.
[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 219.
[24] Подробнее о разработке проекта см.: Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 44—64.
[25] Русские ведомости, 1910, 29 апреля.
[26] Речь, 1910, 19 и 20 марта.
[27] Государственная дума... Сессия III, ч. IV, стб. 2328.
[28] Голос Москвы, 1910, 16 апреля и 12 мая.
[29] Русское слово, 1910, 29 мая.
[30] Государственная дума... Сессия III, ч. IV, стб. 2567.

В этой связи любопытно, что в начале апреля прошел слух, будто правые намереваются обвинить Столыпина в нарушении прерогатив верховной власти тем, что он внес вопрос о Финляндии на рассмотрение Думы.[31] Теперь этот упрек оборачивался против правых.

Несмотря на принятие поправки, в известной мере сужавшей значение всего законопроекта, 23 октябриста, в том числе товарищ председателя Думы С. И. Шидловский, товарищ председателя ЦК П. В. Каменский, Н. А. Хомяков, А. Ф. Мейендорф и другие проголосовали против законопроекта,[32] подчеркнув этим глубину разногласий в рядах партии.

Не менее трудным для октябристов оказался и вопрос о западном земстве. Законопроект о применении Положения о земстве 1890 г. к шести западным губерниям был выработан правительством в соответствии с пожеланием, высказанным Думой весной 1909 г. (см. гл. VII). Отличительной особенностью проекта было то, что он вводил национальные курии, отделяя избирателей поляков от непольского населения, чтобы таким образом ограничить представительство в земстве польских помещиков и обеспечить преимущество помещикам русским. Поскольку поляки среди помещиков составляли большинство, одного разделения на курии было недостаточно и, кроме него, вводилась искусственная фиксация числа гласных, вдвое сокращавшая представительство поляков по сравнению с тем, которое они должны были иметь по Положению 1890 г. Националистический принцип был положен и в основу формирования местных исполнительных органов. Проект предусматривал, что председатели управ и комиссий при них должны быть лицами русского происхождения, и что русские должны составлять большинство среди вольнонаемных земских служащих.

Введя национальные курии, правительственный проект отказался от деления избирателей по сословному признаку. Это соответствовало общему курсу Столыпина в земском вопросе, а для западного земства было просто неизбежно, ибо выделение помещиков из русской курии показало бы, насколько ничтожен удельный вес русского поместного дворянства в этих губерниях. Но число гласных, избираемых от уполномоченных сельских сходов, было ограничего $^1/_3$ от всего числа гласных в земстве.[33] Искусственные ограничения представительства польских помещиков, с одной стороны, и крестьян-общинников — с другой, обеспечивало в земстве большинство ничтожной кучке русских помещиков, к тому же по большей части не живших в своих имениях.

Левые фракции и либеральная оппозиция, будучи противниками национальных курий, выступили за отклонение проекта.

[31] Русские ведомости, 1910, 7 апреля.
[32] Государственная дума... Сессия III, ч. IV, стб. 2581; Речь, 1910, 29 мая.
[33] Изложение проекта см.: Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва, ч. II. СПб., 1912, с. 81—84.

Вместе с ними проголосовало и около 25 октябристов.[34] В знак протеста против поддержки национальных курий заявил о выходе из ЦК «Союза 17 октября» один из его основателей Ю. Н. Милютин, подчеркнувший свое нежелание нести ответственность за «ультранационалистическое направление» фракции.[35]

Остро протекала борьба из-за вопроса об уровне имущественного ценза и степени участия крестьян в земстве. Именно классовый состав земства был основным предметом спора. Это признавал и один из октябристских лидеров Н. В. Савич, обосновывавший неизбежность создания курий тем, что проект исходит из необходимости «оградить интересы меньшинства наиболее культурного и в то же время наиболее экономически сильного» (т. е. помещиков), и дело лишь в том, какой — русской или польской — части этого меньшинства отдать предпочтение.[36] Кадеты и прогрессисты внесли предложение увеличить крестьянское представительство до 50%. Это вызвало возражения Столыпина, считавшего, что такое увеличение будет «только в ущерб культурным элементам края».[37] Другое предложение — понизить вдвое размер ценза, предоставлявшего право участвовать в выборах, проведенное кадетско-октябристским большинством еще в комиссии Думы и не встретившее возражений Столыпина, так как оно соответствовало его собственному проекту общей реформы местного самоуправления, вызвало сопротивление правых, требовавших не вносить никаких изменений в первоначальный правительственный проект.[38] Когда понижение ценза было все же принято Думой, это сразу же привело к недовольству правых в Государственном совете, считавших, что «земство может выйти слишком демократичным (мужицким), во-первых, и „малороссийским“, во-вторых».[39] Поэтому попытки Столыпина провести западное земство через Государственный совет до начала летних каникул, как это было сделано с законом против Финляндии, окончились неудачей.

Осень 1910 г. ознаменовалась дальнейшим обострением отношений между правыми, октябристами и кадетами. Массовое шествие в день похорон Муромцева, студенческие стачки и демонстрации в толстовские дни, все это отчетливо продемонстрировало начало нового подъема демократического движения, напомнило и правящим верхам, и помещичьим и буржуазным партиям о революционных днях 1905—1907 гг. и сделало особенно актуальной проблему соотношения реформы и революции. Это не могло не сказаться на прениях в Думе, где в это время обсуждался законопроект о начальных училищах, в котором и национальный, и

[34] Речь, 1910, 15 мая.
[35] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1303, л. 1; д. 1317, л. 2.
[36] Государственная дума... Сессия III, ч. IV, стб. 1449.
[37] Там же, стб. 1386, 1390.
[38] Там же, стб. 789, 1392.
[39] Речь, 1910, 6 июня.

вероисповедный, и дворянский вопросы были теснейшим образом связаны с этой проблемой.

Введение всеобщего начального образования было одним из программных обещаний Столыпина и важной составной частью платформы октябристов, намеревавшихся доказывать превосходство своей тактики «деловой работы» в Думе над «максималистской» и «радикальной» тактикой кадетов. Однако Министерство просвещения, занятое борьбой против студентов, не спешило с разработкой законопроекта о начальных училищах, который должен был определить тип школы, осуществлявшей всеобщее обучение. Лишь в октябре 1910 г. Дума смогла, наконец, приступить к его обсуждению. Переработанный думской комиссией (из представленного министерством) законопроект предусматривал создание сети начальных училищ с четырехлетним сроком обучения. В управлении училищами бóльшая, чем прежде, роль отводилась местным земским органам. Согласно проекту сохранялись в несколько расширенном и измененном составе уездные и губернские училищные советы, причем этим советам с рядом оговорок должны были впредь подчиняться и церковно-приходские школы.[40] Главными объектами спора при обсуждении в Думе стали вопросы о председателе уездного училищного совета, о церковно-приходских школах и о языке преподавания.

В то время как министерский проект возлагал обязанности председателя училищного совета на предводителя дворянства, октябристско-кадетское большинство думской комиссии передало эти обязанности лицу, избираемому местным земством. Товарищ министра просвещения Л. А. Георгиевский от имени кабинета резко потребовал сохранить за предводителем дворянства председательство в училищном совете. Депутаты правых не удовлетворились этим. Шечков немедленно напомнил, что в свое время правительством был разработан «проект уничтожения вообще значения уездного предводителя», вызвавший недовольство дворянства, которое обратилось «с указанием на ту опасность, которую представляет собой проект реформы местных учреждений». Шечков выразил недовольство и переработанным проектом местной реформы, а также проектом о местном суде, в котором дворянский предводитель отстранялся от руководства уездным судебным съездом. Шечков укорял правительство за отсутствие «единства действий властей» и требовал переделки всех проектов согласно претензиям объединенного дворянства.[41]

Столь же рьяно правые и националисты выступили на защиту привилегий православной церкви, протестуя против подчинения церковно-приходских школ уездным училищным советам. В этой мере, преследовавшей цель минимальной унификации школ и повышения уровня преподавания в приходских школах, правые увидели покушение на церковный авторитет и «попытку отделения церкви от государства». Решающим для клерикальной и дворянской реакции было то обстоятельство, что училищные советы могли бы в какой-то мере перестроить обучение в приходских школах и сделать его более светским. Кроме того, приходские школы считались собственностью церкви, с которой она не собиралась расставаться. Нападая на октябристских помещиков за их готовность пожертвовать имуществом церкви, думское духовенство предупреждало: «Те крестьяне, которые составляют незаконные приговоры о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения, с еще большим усердием будут составлять незаконные приговоры о передаче вашего достояния им».[42]

Наиболее острые прения развернулись вокруг национального вопроса. Составленный октябристами проект предусматривал право отдельных «культурных» меньшинств на обучение на родном языке. Проект вызвал критику левых фракций и либеральной оппозиции, требовавших признать право на родной язык за всеми национальностями страны. Одновременно октябристский проект вызвал приступ бешеной злобы у правых, увидевших в разрешении школ на родном языке подрыв русификаторского курса и первый шаг к признанию прав национальных меньшинств. «Начальные училища, — говорил Березовский 2-й, — это только первое, а затем потребуют свою инородческую администрацию и делопроизводство во всех административных и судебных учреждениях на родном языке».[43]

В основе ожесточенного сопротивления правых проекту в целом лежал страх перед просвещением крестьян, которое может вырвать их из-под влияния церкви, преградить дорогу черносотенной агитации в деревне и тем лишить реакцию последних надежд на поддержку темных и забитых крестьянских масс. Этот страх диктовал правым предложения учить крестьянских детей не грамоте, а ремеслу и военному строю, заставляя противиться введению обязательного обучения и предпочитать, чтобы крестьяне учились у дьячков, а не в «безбожной, интеллигентской, масонской школе», создаваемой якобы октябристским проектом. Забывая о праве вето, сохранявшемся по проекту за министерским инспектором, и о присутствии в училищном совете предводителя дворянства и представителя духовенства, правые уверяли себя и других, будто «при помощи всеобщего обучения, поставленного так, как оно проектируется в этом проекте, мы создадим всероссийское революционное подполье». Перспектива потерять свои политические позиции в деревне, как она теряла там свои экономические позиции, была для правых равносильна революции, и в подготовке этой революции они обвиняли и правительство, и октябристов, чей законопроект о начальных училищах есть «но-

[40] Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия III, т. II. СПб., 1910, № 322.
[41] Государственная дума... Сессия IV, ч. I, стб. 1585—1586.
[42] Там же, стб. 673, 2135—2136.
[43] Там же, стб. 1126.

вое звено в той революционной цепи, которую куют на Россию гг. фон-Анреп, Клюжев, Ковалевский и предводитель дворянства кн. Куракин». Взывая к чувству классовой солидарности октябристов-помещиков, Марков грозил им: «ваши имения, ваша жизнь будет висеть на волоске тогда, когда воспитанные в ваших безбожных школах ученики придут вас жечь, и никто вас защищать не будет».[44]

Признаки начинающегося нового подъема демократического и рабочего движения придавали особую злободневность истерическим пророчествам правых, говоривших, что «одна революция прошла, а другая угрожает». Но нападки на октябристов, заявления, что «опаснее врагов для церкви и государства», чем авторы проекта начальных училищ, нет, требования Маркова, чтобы именно с октябристами как «скрытыми революционерами» повело борьбу правительство, писания безымянного черносотенца, мечтавшего «о давно желанной минуте», когда он сможет вынуть из кобуры «свой начинающий ржаветь Смит и Вессон» и «всаживать пулю за пулей в крамольные лбы всех этих октябристов»,[45] недвусмысленно показывали — не революции в перспективе, а реформы сейчас, ограниченной, недемократичной, но все же ослабляющей позиции дворянства и церкви в деревне, боялись правые, ее — эту реформу — они называли революцией. Бонапартистский курс Столыпина и октябристов в случае его неудачи ослаблял самодержавие, грозил приблизить сроки новой народной революции. Наиболее дальновидные из правых могли это понимать. Но и удача бонапартистского курса, создававшая новую опору царизму, не сулила ничего хорошего его старой опоре — поместному дворянству, для которого необратимый процесс его вытеснения из деревни и политического и экономического усиления сельской буржуазии (а в начальных училищах в первую очередь тоже оказались бы дети «крепких хозяев») был равносилен революции. Вот почему в момент, когда позиции Столыпина уже пошатнулись, когда он пошел на попятный в своих реформаторских потугах, легитимистская реакция с такой яростью обрушилась и на не самый принципиальный из его проектов, и на октябристов, старавшихся восстановить в этом проекте те принципы столыпинской программы 1907 г., от которых сам премьер уже отходил.

В то же время, когда в Думе происходили острые столкновения из-за начальных училищ, Государственный совет приступил к обсуждению законопроекта о снятии духовного сана и реформы местного суда. Обсуждение первого проходило в обстановке все более открыто выражаемого церковниками недовольства всей вероисповедной политикой правительства и Думы. В опубликованном отчете Обер-прокурора Синода утверждалось, что православная церковь находится в опасности, поскольку полная веротерпимость, якобы осуществляемая в стране, привела к необычайному подъему духа у ее врагов — социалистов, католиков и т. п. — и требовалось, чтобы «закон стоял на страже православия».[46] Требование, чтобы закон во всей своей силе выступил на защиту привилегий православной церкви, было главным и в речах правых в Государственном совете, которые видели в ослаблении кары за снятие духовного сана подрыв авторитета церковной иерархии. Голосами правых Совет восстановил уничтоженные Думой ограничения в правах поступления на государственную службу для лишенных сана по решению церковного суда.

Правые в Государственном совете выступали и против проекта местного суда. Недовольство правых вызывали все основные принципы реформы — ликвидация волостного суда и судебных функций земских начальников и введение выборности мировых судей.[47] Столыпин и здесь вынужден был идти на уступки и заявить в комиссии Государственного совета о своем согласии сохранить волостной суд.[48] Правда, правительство попыталось ослабить до известной степени значение этой уступки, предложив изъять из ведения волостных судов конфликты на почве выхода из общины, поскольку разрешение этих конфликтов на основе обычного права, «в корне подрывало бы все значение последних аграрных мероприятий, имевших своей главной целью именно установление в крестьянской среде начала непоколебимости единоличной собственности с применением к ней общих законов».[49] Но сам факт сохранения особого крестьянского суда нарушал принцип бессословности, положенный первоначально в основу всех столыпинских проектов. К тому же уступки в вопросе о волостном суде не удовлетворили правых, настаивавших на принятии правительством и остальных своих требований.

Растущее напряжение между Столыпиным и поддерживавшими и подталкивавшими его октябристами, с одной стороны, и легитимистской реакцией, с другой — находило свое выражение в усиливавшейся кампании правых против Думы и Столыпина, а октябристов — против Государственного совета. В октябре, едва Дума возобновила свои заседания, Марков продолжил начатую еще весной атаку. «Мы, — говорил он, — от правительства очень многого требуем, но мы ему не кланяемся, мы желаем, чтобы правительство поступало так, как подсказывают нам наши убеждения, и мы покажем, как мы будем кланяться тому правительству, в котором мы окончательно разочаруемся».[50] Против Столыпина были использованы проведенные по его инициативе

[44] Там же, стб. 492, 857, 858, 1865, 1993.
[45] Там же, стб. 491, 492, 2135, 2136—2137.

[46] Русские ведомости, 1910, 9 октября.
[47] Голос Москвы, 1910, 8 декабря.
[48] Там же, 1910, 2 декабря; См. также: ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 320, л. 1.
[49] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 640, л. 5.
[50] Государственная дума. Сессия IV, ч. I, стб. 491.

сенаторские ревизии, вскрывшие ряд вопиющих злоупотреблений. В «сферах» был пущен слух, будто Столыпин провел эти ревизии для того, чтобы подготовить почву для сосредоточения в своих руках диктаторской власти,[51] аргумент, всегда находивший отклик в душе Николая, ревниво следившего за «излишней» популярностью своих министров.

Осенью (2 и 3 ноября) «Московские ведомости» вновь подняли вопрос о Думе. Газета заявляла, что в России Дума не может являть собой «волю народа, государственную власть народа», а может лишь представлять «мнения, интересы и желания народа перед верховной властью», т. е. быть фактически законосовещательным органом. Это подчеркивалось и предлагаемыми изменениями прав Думы — введение назначаемого, а не выборного председателя, отмена депутатской неприкосновенности, а главное — установление предельного срока обсуждения законопроектов, по истечении которого даже не рассмотренные Думой проекты передавались в Государственный совет, а в случае неутверждения их и там в контрольный срок — прямо на утверждение царя. Одновременно «Московские ведомости» предлагали изменить порядок выборов в Думу, перенеся выборы в земства и лишив права голоса «противогосударственные элементы».

Близок к этому плану был и проект, изложенный в брошюре одного из видных представителей черной сотни — К. Пасхалова. Пасхаловский план не только изменял систему выборов в Думу — депутаты должны были избираться уездными земствами из числа своих гласных, причем «инородцы» полностью отстранялись от выборов — но и лишал Думу законодательной инициативы. Законопроекты могли вноситься лишь министерствами, а разработанные по инициативе депутатов передавались сначала на заключение правительственных учреждений. Больше того, по пасхаловскому проекту на высочайшее утверждение вносились мнения и большинства, и меньшинства Думы.[52] Брошюра была поднесена Николаю и хранилась в его личной библиотеке.[53]

Вновь выступил в пользу изменения избирательного закона Меньшиков, требовавший «отказаться от суеверия, будто парламент должен быть Ноевым ковчегом, где непременно должны быть представлены все твари, чистые и нечистые».[54]

Разумеется, более «солидные» представители правых, выпускавшие Пасхаловых для зондажа и для создания определенной политической атмосферы, не заходили так далеко в нападках на Думу, но и они высказывались достаточно определенно. Признанный лидер легитимистского лагеря Дурново обвинил Думу

[51] Русское слово, 1910, 23 сентября.
[52] Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1910, с. 66—69.
[53] См. экслибрис на экземпляре Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (шифр: 20.102.8.160).
[54] Новое время, 1910, 14 декабря.

в том, что разрабатываемые ею законопроекты «нередко заключают в себе такие основные мысли, которые стоят вне русского государственного управления и устройства». Вслед за тем он выразил недовольство «тем шибким размером законодательства, который сейчас имеет место»,[55] открыто целясь уже не только в Думу, но и в Столыпина.

Ответная кампания октябристов против Государственного совета была начата ими в середине ноября, когда они заговорили о готовности пойти на конфликт с Советом и одновременно выражали надежду на поддержку Столыпина, который сумеет добиться изменения состава Совета на 1911 г.[56] Октябристы пустили слух даже о возможности сложения всей фракцией депутатских полномочий. «Голос Москвы» опубликовал 20 ноября передовую статью «В тупике», в которой объяснял возникновение такой идеи систематическим противодействием Государственного совета. Пока, писала газета, дело не зашло дальше кулуарных разговоров, но, может быть, «иного выхода при создавшихся условиях... и нет», ибо «борьба с забронированным и неуязвимым противником не может закончиться иначе». Это был явный блеф, рассчитанный на то, что Столыпин не захочет идти на такое обострение политической обстановки и усилит давление на Государственный совет. Возможно, разговоры о готовности пойти на сложение депутатских полномочий и, следовательно, на роспуск Думы из-за конфликта с Государственным советом не случайно совпали по времени с докладом Гучкова в Царском Селе, во время которого Гучков поднял вопрос об изменении состава Совета на следующий год, чтобы обеспечить прохождение через него думских проектов. Попытка Гучкова окончилась неудачей,[57] и это вновь усилило трения между октябристами и Столыпиным, которые были затем сглажены, как всегда за счет отступления октябристов, заявивших устами Родзянко, только что избранного председателем фракции, что, «как и раньше, мы идем теперь рука об руку с П. А. Столыпиным».[58]

В свою очередь правые хотели вообще отстранить Столыпина от участия в составлении списка членов Государственного совета, назначаемых к присутствию на 1911 г.[59] Судя по поведению октябристов в первой декаде декабря, им на какой-то момент показалось, что Столыпин одерживает верх. Об этом свидетельствовали и заявление Родзянко, и выступления Матюнина и Шубинского в Думе, где они отвечали на антидумскую речь Дурново. Правда, они не решились ответить на главное обвинение в составлении законопроектов, несогласных с основами российского государственного устройства, и свели полемику к вопросу

[55] Государственный совет... Сессия VI, стб. 387, 601.
[56] Речь, 1910, 19 ноября.
[57] Утро России, 1910, 19 ноября.
[58] Голос Москвы, 1910, 2 декабря.
[59] Русское слово, 1910, 7 декабря.

о мелочности и ненужности редакционных переделок, которыми Государственный совет тормозит проведение думских проектов. Но Матюнин все же позволил себе сказать, что эти редакционные придирки «есть не более как фиговый листок, которым прикрывается или немощность Государственного совета, или какая-нибудь другая затаенная цель».[60] В эти же дни состоялась еще одна аудиенция Гучкова у Николая, во время которой, как записывал А. Бобринский в своем дневнике 11 декабря, «Гучков жаловался государю на Государственный совет и просил пополнить Совет октябристами».[61] После этой аудиенции Бобринский дважды, 13 и 17 декабря, с тревогой писал, что «торжествует Столыпин и торжествует Гучков. Чему они радуются, покажет будущее», но правые опасаются победы Столыпина и Гучкова в вопросе о Государственном совете, поскольку те «смотрят торжественно».[62] Но уже в середине декабря Бобринский отмечал, «что за последнюю неделю в Царском Селе дует правый ветер».[63] В конечном итоге этот «ветер» одержал верх, и Столыпину с Гучковым не удалось добиться желательных им перемен.

Неудача попытки «сосчитаться» с Государственным советом была по существу провалом всей политики октябристов, делавших ставку на Столыпина, и это не могло не вызвать у них раздражения против того, кто не оправдал возлагавшихся на него надежд. Это раздражение вылилось в ряде статей «Голоса Москвы» и в не очень крупных по существу, но заметных на общем фоне думских событий, «оппозиционных» выступлениях в Думе. Первое из них было связано с правительственным проектом устройства в Петербурге современной системы канализации и водопровода. Проект передавал дело из рук городской Управы в ведение комиссии, подчинявшейся непосредственно Министерству внутренних дел и возглавлявшейся лицом, назначаемым царем. Безобразное санитарное состояние столицы, приведшее в 1909—1910 гг. к эпидемии холеры, действительно требовало энергичных мер, которые управа не могла и не хотела осуществить, поскольку они затрагивали интересы домовладельцев. Но и оппозиция, и октябристы увидели в правительственном проекте прежде всего желание умалить права городского самоуправления и увеличить возможности административного произвола. Обеспокоенный перспективой провала проекта, Столыпин лично выступил в Думе в его поддержку, что, однако, не помешало Думе 21 января 1911 г. отвергнуть притязания МВД.[64] Самым пикантным было то, что судьбу проекта, за который голосовали правые и националисты, решил один голос, и это оказался голос Гучкова.[65] Вслед за неблагоприятным для правительства вотумом 21 января, октябристы 24 января вступили в конфликт с Коковцовым из-за вопроса о финансировании всеобщего начального образования, а 26 января выступили против Морского министерства в связи с запросом по поводу аварии линейного корабля «Слава». Октябристы предложили и провели через Думу формулу перехода, осуждающую «всю систему и постановку службы и хозяйства морского ведомства».[66]

Наибольшей остроты критические выступления октябристов достигли при обсуждении бюджета. Считавшийся у октябристов специалистом по финансовым вопросам Еропкин выразил недовольство тем, что «экономическая политика вообще минует народных представителей» и важнейшие мероприятия, определяющие экономический курс правительства, «составляют бюрократическую тайну». Вслед за тем Алексеенко критиковал кабинет, который меняет свое отношение к законопроектам за время их прохождения в Думе и Государственном совете, выступая в последнем против того, что сам же поддерживал в Думе, а Годнев подверг критике практику издания, помимо Думы, постановлений Совета министров, получавших с санкции Сената силу законов. Роль главного критика правительства выпала на долю Шидловского, выступавшего по смете МВД. Шидловский развивал в своей речи основной тезис октябристов, считавших, что в стране наступило успокоение. Поэтому он заявил, что «смута», существованием которой МВД оправдывает сохранение исключительных положений, в значительной мере, по его мнению, «явилась результатом склонности Министерства внутренних дел видеть смуту там, где ее нет». Как ни старался Шидловский адресовать свою критику местной администрации, а не центральной власти, он должен был констатировать, что единственное изменение, происшедшее в области управления при «новом строе», заключается в том, «что явления, которые были совершенно невозможными во времена явно и заведомо реакционные, времена Плеве, теперь становятся возможными».[67]

Центральное место в речи Шидловского занимал призыв к правительству не отталкивать от себя «те общественные элементы, которым точно так же дороги сила, единство и государственность России, как и правительству», которым присуще «желание сильной и авторитетной власти» и которые критикуют правительство лишь потому, что оно своими действиями «колеблет и силу, и авторитет той же самой власти». Естественно поэтому, что на призыв кадетов признать провал сотрудничества со

[60] Государственная дума... Сессия IV, ч. I, стб. 2683.
[61] Красный архив, 1928, № 1 (26), с. 141. — О том же писала «Земщина» (1910, 10 декабря).
[62] Красный архив, 1928, № 1 (26), с. 141, 142.
[63] Там же, с. 142.
[64] Государственная дума... Сессия IV, ч. II, стб. 277.
[65] Юрский Г. Правые в третьей Государственной думе. Харьков, 1912, с. 37.
[66] Государственная дума... Сессия IV, ч. II, стб. 778, 779.
[67] Там же, стб. 2467, 2590, 2601, 2945, 2947.

Столыпиным и идти «со своим знаменем, но против правительства», Шидловский отвечал: «мы не изверглись в этой работе с правительством», «политика правительства, Министерства внутренних дел в области административных репрессий... конечно, никакой нашей поддержки не имеет, но факт работы с правительством — это явление для нас обязательное».[68] Та же идея нашла свое отражение в передовой статье «Голоса Москвы» за 1 марта. «Обывательская шкура толста и привычна, — говорилось в ней, — но проделываемые над ней эксперименты часто столь ощутительны, что обыватель вопит и вопль достигает стен Таврического дворца. Поэтому-то критику политики Министерства внутренних дел в Г. Думе следует рассматривать как верное отражение настроения на местах». Участие в этой критике октябристов, как подчеркивала газета, показывает, что «недовольство современным положением охватило и пославшую их среду, умеренную в своих требованиях и желаниях», но тем не менее октябристы не откажутся от совместной работы с правительством там, где их пути сходятся.

В рядах октябристов появились и несколько иные настроения. Левое крыло, одержавшее в январе 1911 г. победу на выборах в Петербургский городской комитет «Союза 17 октября» [69] (что само по себе было симптоматично), созвало 27 февраля в городской Думе многолюдное собрание, на котором подвергло критике и правительство, и собственную фракцию. «Бобрищев-Пушкин и еще кто-то, — записывал свои впечатления Клюжев, — говорили большие речи, осуждающие тактику октябристов в Государственной думе. Защищали их Анреп и Капустин, но слабо».[70] В речах левых октябристов звучала та же нота упрека по отношению к правительству, не замечающему наступившего якобы успокоения. Но в отличие от большинства фракции и партии некоторые левые октябристы не считали нужным продолжать поддерживать Столыпина. Так, Бобрищев-Пушкин заявлял, что правительство, воспользовавшись ошибочной тактикой октябристов, перестало считаться с общественным мнением, а потому не следует его поддерживать, ибо лучше уж иметь дело с открыто реакционным кабинетом.[71]

Но левые октябристы не могли предложить какой-либо реальной альтернативы партийному курсу, кроме упований на победу на выборах в четвертую Думу и вытекавшей из этого готовности идти на роспуск третьей. К тому же, как показал опыт третьей Думы, она сама по себе была не в состоянии осуществить даже минимум октябристских реформ. А поскольку всякое обращение «вниз», к массам, было для октябристов исключено, оставался единственный путь — уговаривания «верхов», власти. Предупреждая, что «никакие проявления „твердой“ власти, никакие волевые импульсы не дадут родине покоя, пока не будут идти рука об руку со слишком затянувшимися реформами», Бобрищев-Пушкин мог лишь еще и еще раз напоминать, что отказ от реформ только усиливает «смуту» и ведет к тому, что «оттолкнувшая от себя умеренные элементы власть останется в одиночестве».[72] Воздействовать на власть в желательном для них направлении ни Бобрищев-Пушкин, ни весь «Союз 17 октября» в целом не могли. А потому заявления, что «пора недомолвок и компромиссов прошла. И на смену ей наступает другая пора — новой организации общественных сил,.. пора самопомощи» [73] оставались звонкой, но пустой фразой. В рамках тех «общественных сил», к которым только и могли апеллировать октябристы, не было базы ни для принципиально новой их организации, ни для действенной «самопомощи».

Но как ни бесперспективно было недовольство октябристов правительственной политикой, как ни половинчата была их критика, то и дело оборачивавшаяся уверениями в готовности несмотря ни на что сотрудничать с этим самым правительством, с которым «Союз 17 октября» в силу своей идеологии и тактики не мог и не хотел порвать, в этом недовольстве и в этой критике отражалась объективно существовавшая политическая ситуация, которую октябристы тоже не могли в свою очередь не учитывать — столыпинский курс не принес ожидавшихся результатов. Сознание того, что правительство Столыпина не обеспечило интересов буржуазии, не предоставило ей того минимума влияния на политику страны, которым она готова была бы удовлетвориться, не обеспечило гарантий против нового революционного подъема, привело, как мы видели, к отходу буржуазии от октябристской партии и стремлению сорганизоваться самостоятельно. Неудачи столыпинской политики влияли и на часть сторонников «Союза 17 октября» среди землевладельцев, тоже отходивших от партии в сторону беспартийного «прогрессизма». Сам «Союз 17 октября» и остававшиеся с ним помещичьи и буржуазные элементы не левели, напротив, они правели, не поспевая все же в этом за премьером, сдававшим легитимистской реакции одну позицию за другой. Октябристы не хотели рвать со Столыпиным, но уже не могли сохранять относительно него прежние иллюзии, они устали «ждать» и скрыть своей тревоги и своего разочарования тоже не могли.

---

[68] Там же, стб. 2955—2957, 2860, 2961—2962.
[69] Голос Москвы, 1911, 5 января.
[70] ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 26.
[71] Голос Москвы, 1911, 1 марта.
[72] Там же, 17 февраля.
[73] Там же, 5 января.

Глава X

МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС 1911 г. КОНЕЦ «„СТОЛЫПИНСКОГО“ ПЕРИОДА РУССКОЙ ИСТОРИИ»

К концу февраля 1911 г. положение Столыпина стало как никогда трудным. Сколько бы ни преуменьшала «Россия» значение письма 66-ти, оно показало явную, нарочито нескрываемую оппозиционность «владельцев полумиллиарда», московского купечества, на поддержку которого Столыпин еще так недавно рассчитывал, проводя, в частности, ради этой поддержки свои старообрядческие проекты. Как ни половинчата была критика октябристов, она отражала их реальное недовольство результатами столыпинского курса. Принятие октябристско-кадетским большинством законопроекта о начальных училищах с неугодными правительству либеральными поправками, а главное — октябристский вотум лично против Столыпина в вопросе об «оздоровлении» Петербурга лишили Столыпина очень важного аргумента в борьбе за кресло премьера: он не мог больше утверждать, что имеет за собой всегда послушное ему большинство Думы. Затяжная забастовка студентов, продолжавшаяся несмотря на драконовские меры Министерства просвещения, продиктованные лично Столыпиным, и на постоянное присутствие полиции в университетах, показала, что Столыпин терпит неудачу и на поприще «успокоения». Это обстоятельство по широко распространенному мнению, также подорвало позиции премьера «в верхах».[1] Уступчивость Столыпина в вопросе о волостном суде в декабре 1910 г. тоже подтвердила, что он и сам сознает непрочность своих позиций. В этой обстановке легитимистский лагерь счел момент благоприятным для того, чтобы начать новый, решающий натиск

[1] Дневник И. С. Клюжева (ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 21); Речь, 1911, 16 февраля. — Даже в апреле, когда забастовка уже кончалась, «Россия» была вынуждена отбиваться от критиков справа, обвинявших правительство в том, что оно не предупредило якобы студенческих волнений. «Для господ, выбравших для себя мишенью данное правительство, — писала 23 апреля «Россия», — конечно, никогда и ни в чем не может существовать иных виновников».

на Столыпина. В качестве средства борьбы с ним было избрано выступление против законопроекта о западном земстве.

Законопроект о западном земстве был, как уже отмечалось, принят Думой весной 1910 г. с рядом поправок, вызвавших раздражение правых и в самой Думе, где Пуришкевич призывал голосовать против него,[2] и в Государственном совете. Главное недовольство при этом в среде правых членов Государственного совета вызвало понижение избирательного ценза, увеличивавшее представительство сельской буржуазии в земстве. Уже 3 ноября 1910 г. комиссия Совета просила отложить рассмотрение законопроекта, поскольку он нарушает принцип, согласно которому «избирательная система должна быть так построена, чтобы она давала возможность притягивать к земскому делу наиболее культурные слои местного населения».[3] Затем 15 ноября на заседании группы правых было решено выступить против понижения ценза, которое могло бы привести к «демократизации» земства и «явилось бы нежелательным прецедентом ввиду предстоящей реформы земских учреждений и во внутренних губерниях».[4]

28 января 1911 г. проект западного земства был вынесен на обсуждение Государственного совета, причем оба докладчика — Пихно и Стишинский, — поддержав проект в целом, выступили против понижения ценза.[5] Их позиция показалась недостаточно жесткой Н. А. Зиновьеву 2-му, критиковавшему и министерские предложения о размерах ценза (более высокого), поскольку, как он утверждал, даже в этом случае «преобладание будет не за наиболее культурной частью, т. е. за средними и крупными землевладельцами, а за мелкотой». Устроив земство на основаниях правительственного проекта, убеждал Зиновьев членов Государственного совета, «вы уничтожите крупное и среднее землевладение». Аргументы правых в вопросе об имущественном цензе в западном земстве полностью совпадали с тем, что говорилось о проекте земской реформы в 1907—1908 гг. на съездах объединенного дворянства и в Совете по делам местного хозяйства. Поэтому не случайно Зиновьев видел в рассматриваемом проекте опасный прецедент. «Если мы сведем имущественный ценз до минимума, — говорил он, — мы по этому пути должны идти неудержимо вниз, не только на западной окраине, но и на других окраинах и внутри России». В понижении ценза именно в западных губерниях Зиновьев видел и специфическую угрозу, поскольку получавшая избирательные права сельская буржуазия была не русской, а украинской.[6]

[2] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III, ч. IV. СПб., 1910, стб. 2830.
[3] Государственный совет. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910—1911 гг. Сессия VI. СПб., 1911, стб. 155—157.
[4] Речь, 1910, 16 ноября.
[5] Государственный совет... Сессия VI, стб. 772, 790, 875.
[6] Там же, стб. 839, 841, 846—847, 954.

А. Я. Аврех, который посвятил западному земству специальную статью и большой раздел в своей монографии, подчеркивает, что законопроект был отвергнут Государственным советом только по соображениям тактическим, а по своему содержанию «должен был **целиком** (подчеркнуто нами — *В. Д.*) импонировать этому в высшей степени ретроградному учреждению».[7] Поскольку, согласно взглядам А. Я. Авреха, весь правый лагерь поддержал или во всяком случае «смирился» с бонапартистским курсом Столыпина и выступил против него лишь тогда, когда определилась неудача этого курса, раздраженный «провалом своих надежд на претендента в российские Бисмарки»,[8] для А. Я. Авреха является «поразительным», что противники понижения ценза выступали не против представительства в земстве крестьян-общинников, а «против увеличения представительства кулацкой, капиталистической части деревни».[9] Он объясняет это «загадочное явление» разочарованием в кулаке «как силе, способной остановить крестьянскую революцию», и лишь на второе место ставит страх помещиков перед кулаком как конкурентом «в деревне вообще и в земстве в частности».[10] Но у поместного дворянства в 1907—1910 гг. еще не было случая проверить позицию и потенции сельской буржуазии в борьбе с революционным движением, а вот страх перед ее конкуренцией был присущ дворянству все время и, как мы видели, двигал им в ходе его сопротивления столыпинскому плану местной реформы.

Свидетельством того, что легитимистская реакция в Государственном совете выступала против всего бонапартистского курса Столыпина и против закона о западном земстве как части этого курса, является и речь В. Ф. Трепова. Когда, отвечая на предложение Витте сделать в западном земстве ставку на крестьян-общинников, Столыпин напомнил, что такая ставка была уже сделана во всероссийском масштабе на выборах в I Думу и эта карта была бита, Трепов, подхватив выражение, обратил его против премьера. «Да, карта была бита, — заявил он, — был изменен избирательный закон, явились иные люди, но игра продолжалась. В этой игре прошли и суд, и флот, и школа, и церковь, и не следует удивляться, что департамент духовных дел иностранных исповеданий принял на себя функции святейшего Синода». Перечислив, таким образом, все основные реформы, которые пытался осуществить Столыпин, — вероисповедную, разработанную Департаментом духовных дел, судебную, школьную, припомнив вопрос о штатах Морского генерального штаба, уже использованный камарильей против Столыпина, иными словами, подчеркнув, что столыпинский бонапартистский курс так же неприемлем для него, как цезаристская политика Витте, Трепов продолжал: «сегодня на карту ставится консервативное монархическое начало земства, правда, в 6 западных губерниях, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в эту игру будет вовлечено все всероссийское земство». И здесь главным было, таким образом, не то специфическое, что нес этот проект западным губерниям, т. е. курии, о которых Трепов не упомянул ни словом, а то новое, чем грозил проект во всероссийском масштабе, — пониженный ценз. И потому не только страх, но и злая радость сторонника старых порядков звучала в предсказании Трепова, «что и в этой игре карта также будет бита».[11]

Показательно, что в ходе первого чтения законопроекта из группы правых только Зиновьев выступил против введения курий, да и то мимоходом, сосредоточив всю основную аргументацию на вопросе о цензе, а главными противниками курий явились Витте (которого правые не без оснований не хотели считать своим) и другие члены группы центра, поляки и немногочисленные представители либеральной оппозиции.

Между 4 февраля, когда законопроект был принят в первом чтении, и 4 марта, когда началось его постатейное обсуждение, положение изменилось. Февральские события, как уже говорилось, показали слабость позиций Столыпина и придали легитимистской реакции уверенность в скорой победе над ним. На проходившем с 9 по 15 февраля VII съезде объединенного дворянства Марков при явном согласии присутствующих заявил, что вся деятельность дворянских съездов «есть тоже плод недоверия правительству».[12] В этой обстановке Дурново придумал маневр, увеличивавший шансы на провал проекта о западном земстве, — выступление против национальных курий.[13]

Смысл маневра был прост — борьба против пониженного ценза, во-первых, могла закончиться неудачей, не собрав большинства, а во-вторых, не вела к отставке Столыпина, который хотя и поддерживал этот ценз, все же согласился бы и на более высокий в расчете на предстоящий пересмотр всего земского избирательного закона. Другое дело — курии, которые Столыпин объявил «центральным вопросом настоящего законопроекта»,[14] и которые могли пройти только голосами правых, ибо поляки, группа левых и часть центра были их заведомыми противниками. Переход правых в лагерь противников курий предопределял ис-

[7] Аврех А. Я. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина. — Исторические записки, т. 70. М., 1961, с. 61.
[8] Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968, с. 331, 333.
[9] Там же, с. 325.
[10] Там же, с. 327—328. — Этому утверждению противоречат слова самого А. Я. Авреха (на с. 329): «Большинство Государственного совета отнюдь не сомневалось в том, что западное земство будет правым. Оно опасалось, что это земство будет кулацким, а не помещичьим». Речь, следовательно, шла не о разочаровании в кулаке как контрреволюционной силе, а в соперничестве кулака и помещика за земство.
[11] Государственный совет... Сессия VI, стб. 927.
[12] Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1911, с. 109.
[13] Русское слово, 1911, 5 марта.
[14] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1240.

ход голосования и, как они рассчитывали, отставку Столыпина. В то же время постатейное чтение еще раз показало, какое значение придавали правые вопросу о цензе. Уже провалив курии и тем самым почти наверняка весь проект, они продолжали добиваться понижения ценза на случай, если вдруг законопроект все же станет законом.

Когда А. Я. Аврех утверждает, что из двух пунктов, против которых велась критика во время обсуждения законопроекта, — национальные курии и ценз — «критика первого пункта имела решающее, а второго — второстепенное значение»,[15] он ошибается, ибо начинает рассматривать Государственный совет как единое целое. Между тем критика курий имела решающее значение для части группы центра и поляков, тогда как для правых решающим был вопрос о цензе. Даже при голосовании 4 марта за курии выступило больше ораторов от группы правых, чем против них, и, наоборот, против понижения ценза выступали только правые и Витте. Из 92 голосов, поданных против курий, на долю правых приходилось 29,[16] а 68 сторонников курий составились из большей части группы правых и из нейдгартцев. «Почему, — напоминал В. Бобринский полтора месяца спустя, — провалился закон о западном земстве? Не из-за курий, гг., вы отлично знаете, что нет — из-за уменьшенного ценза».[17]

Кстати сказать, в решении судьбы польского представительства в земстве была весьма существенная деталь, которой А. Я. Аврех не придал значения, но которая имеет непосредственное отношение к спору о цензе. А. Я. Аврех рассматривает отмену курий как акцию не только против Столыпина, но и против поляков.[18] Но на поляках в действительности решение Государственного совета не отражалось. Отменив курии, Совет принял поправку, предусматривавшую, что за поляками сохраняется в земстве то самое фиксированное число гласных, которое устанавливалось для польской курии, но избрание гласных (и поляков, и русских) производится в общем собрании.[19] Расчет заключался в том, что польские помещики, как бы они ни были обижены на своих русских собратьев по классу, увеличат в общем собрании помещичьи голоса против крестьянских.

Все вышесказанное не отрицает того факта, что противники Столыпина рассматривали голосование против законопроекта прежде всего как средство свалить премьера. Но и сам по себе проект был для них неприемлем. Когда «вся эта пресса, начиная от „Речи“ и кончая „Россией“, твердо и с полным знанием дела доказывала, что отрицательное отношение большинства Государственного совета отнюдь не было обусловлено его содержанием»,[20]

[15] Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 319.
[16] Русские ведомости, 1911, 9 марта.
[17] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 2983.
[18] Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 325.
[19] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1297.
[20] Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 338.

она делала это хотя и «твердо», но отнюдь не «с полным знанием дела». Ловко проведенная интрига заслонила для падких на сенсации газетчиков существо дела (а для «России» просто нужно было смазывать принципиальную остроту конфликта и сводить дело к личной интриге). Не случайно одним из аргументов, которым Трепов воздействовал на Николая, склоняя его против проекта, было утверждение, что Столыпин и Пихно искусственно подобрали состав депутации, ходатайствовавшей перед царем о введении земства в западных губерниях,[21] тогда как большинство местных помещиков земства не хочет.[22] Этот же аргумент выдвигал Пуришкевич в речи 27 апреля 1911 г., называя проект «вообще излишним». «Председатель Совета министров, — заявлял он, — указывает, что насущные русские интересы требуют введения земства в Западном крае. Да так ли это?... Этого земства не хотели местные люди... Если мы в настоящее время получаем оттуда из Волынской, Подольской, Могилевской, Минской губ. самых верноподданных слуг государя, работающих по смыслу и долгу присяги, то я предвижу момент, когда оттуда с введением земских учреждений явятся другие люди — социал-демократы, социал-революционеры и сепаратисты, за которыми дело не станет».[23] Характерна и запись в дневнике А. Бобринского: «Рассказывают, что царь поручил Акимову просить правых голосовать за земство в западных губерниях (не за курии, а за земство — *В. Д.*), а потом уполномочил Владимира Трепова освободить правых от этой обязанности».[24]

События, связанные с провалом законопроекта, развивались по всем канонам дворцовой интриги. Натолкнувшись на сопротивление правых, которое стало очевидным уже после ноябрьского решения группы, Столыпин прибег к давлению через Николая. 11 февраля у царя побывала депутация от юго-западных губерний, а 14-го Акимов получил единственную за весь месяц (если верить камер-фурьерскому журналу) аудиенцию у Николая[25] и после этого сообщил Дурново, что «высшие сферы» высказались за принятие законопроекта. Дурново созвал заседание группы

[21] ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 325, л. 1.
[22] В своем давлении на Николая правые использовали и критику национальных курий, но делали это, прибегая к аргументам, в которых откровенно звучал мотив борьбы за помещичьи интересы. В записке, поданной Дурново Николаю задолго до слушания дела в Государственном совете, говорилось, что создание курий оттолкнет польских землевладельцев, а Трепов, беседуя с Фредериксом перед разговором с Николаем 3 марта, заявил: курии — революционная выдумка и все делается «в угоду мелкой русской интеллигенции» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг., т. 1. Париж, 1933, с. 452—453). И в том, и в другом случае явно чувствовался страх перед ослаблением помещичьего влияния в результате голосования не по сословному, а по национальному признаку.
[23] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 2900, 2902.
[24] Красный архив, 1928, № 1 (26), с. 144.
[25] ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 32, л. 153—154, 158.

правых, на котором черносотенные зубры сформулировали свои возражения против проекта, поручив Акимову передать их Николаю. Акимов не решился это сделать, и тогда за дело взялся Трепов. 3 марта он получил у Николая разрешение для правых голосовать против проекта. В ночь с 3 на 4 марта состоялось тайное заседание группы правых,[26] после чего 4 марта Государственный совет голосами части центра, части правых, поляков и академической группы отверг статью о национальных куриях.

Итоги голосования явились для Столыпина полной неожиданностью не потому, что он не знал, какова позиция Дурново, Трепова и их сторонников, а потому, что они не могли бы ослушаться воли царя. Голосование означало, что Николай предал своего премьера, и Столыпин не мог этого не понять. Получив 5 марта аудиенцию, он просил Николая об отставке. Произошла тяжелая сцена, еще раз отчетливо показавшая, что Николай склонился на сторону столыпинских противников. Характерна была уже реакция Николая на объяснения Столыпина в связи с действиями Трепова. «Я ему сказал, — рассказывал Столыпин своим близким, — что Тр[епов] солгал, что он лжец и ведет интригу. Государь спросил: „Против кого? Вас или меня?“». Интрига против Столыпина не была криминалом в глазах Николая. В последней попытке отстоять свой курс Столыпин стал объяснять Николаю, что легитимистские лидеры «ведут к погибели, что они говорят: „не надо законодательствовать, а надо только управлять“» — т. е. отказаться от какой-либо модернизации политического строя и его приспособления к изменившейся обстановке, но, констатировал Столыпин, «по-видимому это г[осударю] нравится». В то же время Николай не хотел давать Столыпину отставку, потому что она отдавала бы парламентским прецедентом. Тем не менее Столыпин, видимо, считал свою судьбу решенной. «Теперь, — заключал он свой рассказ, — два выхода: или реакционный кабинет, или бюрократический под знаменем продолжения прежней политики. По-видимому, избирается второй путь и будет назначен Коковцов. Кривошеин продержался бы дольше».[27]

Общее мнение политических кругов и прессы также сходилось на том, что Столыпин уходит и будет заменен Коковцовым. Совершенно ни на чем не основанная репутация некоторой либеральности, которую Коковцов приобрел, вероятно, из-за того, что больше других министров был вынужден сотрудничать с Думой при прохождении бюджета, привела к изменению реакции партий на выдвижение его кандидатуры. Националисты, два года назад активизировавшиеся именно в предвидении прихода Коковцова к власти, теперь были настроены против него, так же как и правые, поддерживавшие Кривошеина, Дурново или Ширинского-

[26] Речь, 1911, 9 марта; Голос Москвы, 1911, 10 марта.
[27] ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 325, л. 1—2.

Шихматова.[28] Напротив, кадеты в первый момент проявили несомненную готовность поддержать Коковцова. 9 марта «Речь» писала, что «даже скромная видимость перемены создала бы новому кабинету такую общественную поддержку, которой никогда не мог добиться П. А. Столыпин». И «Речь», и «Русские ведомости» радостно передавали заведомо неправдоподобные толки об уходе наиболее правых министров, о несогласии Коковцова с националистическим курсом Столыпина, открыто заявленном царю и не помешавшем его назначению и т. п. Правда, «Русские ведомости» быстро опомнились и стали (уже 10 марта) писать, что уход Столыпина означает лишь смену лиц, а не курса.

В течение 6—8 марта положение Столыпина было неопределенным. В Царском Селе 7 марта был принят один из его главных врагов — Ширинский-Шихматов.[29] 8 марта в Царское Село ездил управляющий собственной канцелярией Николая Танеев.[30] В камер-фурьерском журнале нет указаний на прием Николаем Танеева 8 марта. Но имеется запись, что Николай и Александра не просто навестили в этот день Вырубову (это бывало нередко), но провели у нее вечер.[31] «Маленький домик» Вырубовой использовался, как известно, именно для встреч, которые нежелательно было фиксировать в камер-фурьерских записях, и учитывая это, можно предположить, что там состоялось какое-то совещание, в котором участвовал и отец Вырубовой — А. С. Танеев. Во всяком случае А. Б. Нейдгарт говорил 9 марта новому саратовскому губернатору П. П. Стремоухову, что Танеев был вызван составлять рескрипт на имя Столыпина об отставке.[32]

В то же время в поддержку Столыпина выступила партия, обладавшая достаточным влиянием на Николая. Состав этой партии (о существовании которой, как уже отмечалось на с. 20, писал германский посол), как и вообще круга лиц, которые в свое время выдвинули Столыпина и поддерживали в «сферах» его курс, трудно поддается выявлению.

Ясно, однако, что наиболее заметную роль сыграло давление родственников царя и прежде всего его матери Марии Федоровны, проявивших очень большую активность. 6 марта у Николая и у Марии Федоровны побывал в. кн. Сергей Михайлович, а 8 марта в. кн. Георгий Михайлович. Оба они не принадлежали к числу частых гостей в Царскосельском и Аничковом дворцах, и такие одновременные визиты не могли быть случайными, 7 марта

[28] Русские ведомости, 1911, 8 марта; Голос Москвы, 1911, 10 марта.
[29] ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 32, л. 240. — Николай записал в дневнике, что Шихматов был у него «по палестинскому делу» (ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 256, л. 135), но официальный предлог для визита не исключал разговоров на другие темы.
[30] Речь, 1911, 9 марта.
[31] ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 32, л. 242.
[32] Стремоухов П. П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором. — Архив русской революции, т. XVI. Берлин, 1925, с. 18.

в Аничковом дворце были в. кн. Александр Михайлович и принц Петр Ольденбургский, а 8 марта Петр Ольденбургский приехал в Царское Село. Они тоже не так уж часто бывали в Царском Селе, кроме торжественных случаев, когда они являлись вместе со своими женами — сестрами Николая Ксенией и Ольгой. 9 марта Николай провел утро в Зимнем дворце, где по газетным версиям было совещание «высших сановников». Там же Николай принял депутацию от Западного края, высказавшуюся за сохранение Столыпина на его посту для проведения через Думу стоящих на очереди важных вопросов и для организации выборов в IV Думу. «Русские ведомости» при этом писали, будто депутация выступала и от имени Совета объединенного дворянства.[33] Последнее, однако, сомнительно, учитывая влияние в Совете противников премьера. Скорее всего в депутации участвовали отдельные члены Совета объединенного дворянства из западных губерний, но в качестве частных лиц.[34] Из Зимнего Дворца Николай отправился к матери, у которой был также Петр Ольденбургский. Сразу после этого Мария Федоровна приняла Столыпина. Вечером к Николаю в Царское Село приехал в. кн. Николай Николаевич, а к Марии Федоровне в Аничков дворец в. кн. Александр Михайлович.[35]

В результате всех этих встреч Николай, четыре дня не дававший никакого ответа на просьбу Столыпина об отставке, 9 марта написал премьеру, что не может допустить его ухода и что доверие его, царя, к Столыпину «осталось таким же полным, каким оно было в 1906 г.»[36] Письмо это, возможно, отвез состоявший при Александре гр. В. А. Гендриков, который, как писали газеты, посетил Столыпина со специальными полномочиями уговорить его взять отставку назад.[37] Во время вечернего заседания Думы 9 марта Чхеидзе и Новицкий 2-й еще говорили о возможном уходе премьера,[38] но тогда же в кулуарах уже «разнесся слух, что он остался».[39]

Столыпин, однако, поставил условия, на которых он соглашается остаться, — исключение Дурново и Трепова из числа присутствующих членов Государственного совета и роспуск палат

[33] Русские ведомости, 1911, 11 марта. — Дата приема уточнена по дневнику Николая: ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 256, л. 136.

[34] В пользу такого предположения говорит и отсутствие каких-либо записей о подобного рода шагах в дневнике председателя Совета А. А. Бобринского и вообще слабая осведомленность последнего о происходивших событиях.

[35] Здесь и выше: ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 32, л. 239—244, 326—329. — Об активной роли, сыгранной Александром и Николаем Михайловичами в дни кризиса и направленной на сохранение Столыпина на его посту, вспоминал и Витте (Витте С. Ю. Воспоминания, т. 3. М., 1960, с. 544, 546, 547).

[36] ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 1125, л. 3—4.

[37] Русское слово, 1911, 10 марта; Речь, 1911, 10 марта.

[38] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 428, 435.

[39] ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 28.

на несколько дней, чтобы в перерыве их заседаний провести закон о западном земстве в чрезвычайном порядке по ст. 87 Основных законов. Николай попросил время на обдумывание этих условий,[40] и Столыпин, вернувшись днем 10 марта в Петербург из Царского Села, сказал какому-то чиновнику МВД: «Ничего не изменилось, я не министр».[41]

Вечером 10 марта Николай снова был у матери, где явно подвергся новому нажиму. 11 марта совещания в «сферах» продолжались. Если с 5 по 10 марта Николай принял из числа членов кабинета, не считая Столыпина, только Кривошеина и Сухомлинова, то 11-го он встретился по очереди с Коковцовым, Рухловым, Лукьяновым и Щегловитовым. К Столыпину утром явился Александр Михайлович. В 4 часа дня Мария Федоровна нанесла визит Н. П. Балашову (случай из ряда вон выходящий),[42] а затем его сын П. Н. Балашов, ставший к тому времени, пожалуй, самым близким к премьеру думским лидером, отправился к Столыпину «обедать».[43] Только после этого состоялось совещание «высоких особ и наиболее приближенных к ним лиц» в Аничковом дворце, где были окончательно выработаны условия возвращения Столыпина.[44] С кем-то из побывавших у него в этот день Николай, получавший от посещавших его министров информацию о ходе совещаний, переслал Столыпину подписанный 11 марта указ о роспуске Думы и Государственного совета, а Акимову записку об увольнении в отпуск до конца года Дурново и Трепова.

Какими мотивами руководствовался Столыпин, выдвигая свои условия? Что касается роспуска палат, то он явно недооценил возможные последствия. На вопрос Николая (видимо, уже при встрече 10 марта), не боится ли он недовольства Думы, Столыпин ответил: «Я полагаю, что Дума будет недовольна только наружно, а в душе будет довольна тем, что закон, разработанный ею с такой тщательностью, спасен Вашим Величеством».[45] Несколькими днями позже он выражал удивление недовольством октябристов, поскольку «закон был издан в том виде, в каком он прошел через Думу».[46] Требуя отставки Дурново и Трепова,

[40] Коковцов В. Н. Из моего прошлого, т. 1, с. 455—456.

[41] Гражданин, 1911, № 10, с. 14.

[42] ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1, 219/2728, д. 32, л. 247, 330.

[43] Русское слово, 1911, 13 марта.

[44] Голос Москвы, 1911, 12 марта.

[45] Коковцов. В. Н. Из моего прошлого, т. 1, с. 454.

[46] Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Последние новости. Париж, 1936, № 5637, 30 августа. — Надеясь, что Дума не станет протестовать против проведения по ст. 87 ее варианта закона, Столыпин сохранил в нем те думские поправки, против которых он сам возражал в Государственном совете. Было бы неправильно утверждать, что эти поправки абсолютно не отразились на содержании министерского проекта и «правые и Столыпин вели против них мнимую войну» (Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума, с. 340). Прежде всего правые и Столыпин, как мы видели, не одно и то же. Кроме того, выступая против верхней палаты, Столы-

Столыпин понимал, что вызывает этим неудовольствие Николая. Он говорил Коковцову, будто бы для него это безразлично, так как он знает, что и без того недолго останется на своем посту.[47] Об утрате доверия у Николая Столыпин говорил и после аудиенции 5 марта. В этой обстановке требование уволить Дурново и Трепова могло быть желанием напоследок испортить карьеру своим врагам. Но газеты писали о выторгованном якобы Столыпиным праве представить к увольнению из Государственного совета до 25 человек,[48] а Шидловский утверждал в эмиграции, что сам видел записанные Николаем по просьбе Столыпина условия его возвращения на пост премьера, в числе которых было и право заменить к 1912 г. до 30 членов Государственного совета.[49] Если это соответствует истине, то, возможно, Столыпин еще не оставил надежду изменить расстановку сил в свою пользу. О том же говорит и его стремление вернуть расположение Думы. Но с этой надеждой ему вскоре пришлось расстаться.

События, последовавшие за трехдневным (с 12 по 15 марта) роспуском Думы и Государственного совета и проведением западного земства в порядке чрезвычайного законодательства, имели большое политическое значение, сделав предельно очевидным провал столыпинского курса.

Первой реакцией октябристов на начавшийся министерский кризис было удовлетворение по поводу того, что «П. А. Столыпин до последнего момента оставался строго конституционным министром и его отставка тоже чисто конституционный шаг».[50] На этой позиции октябристы удержались недолго. Уже 11 марта «Голос Москвы» писал, что «уход Столыпина в такое время, как ныне нами переживаемое, был бы невознаградимой потерей для всей России. Он стоит десятка членов Гос. совета, которых легко было бы заменить лучшими людьми». Доморощенный «конституционализм» «Союза 17 октября» сказался в этом заявлении достаточно ярко, но все же и для октябристов казалось недопустимым, чтобы в случае провала в одной из палат какого-либо закона правительство проводило его в обход законодательных учреждений, поскольку это означало бы желание правительства «хотя бы и с добрыми целями вернуть Россию во времена господства безответственной бюрократии».[51] Поэтому они попытались

пин должен был искать поддержки Думы и согласиться с ее поправками, хотя некоторые из них его действительно не могли устраивать. Не случайно проект телеграммы, содержавшей официозную информацию для французской прессы, подчеркивал: «П. А. Столыпин подал в отставку и согласился остаться в должности лишь при условии проведения законопроекта в жизнь в думской редакции... Вероятно скорое успокоение. Октябристами не решено переходить в оппозицию» (Красный архив, 1929, № 1 (32), с. 211).

[47] Коковцов В. Н. Из моего прошлого, т. 1, с. 458.
[48] Голос Москвы, 1911, 15 марта.
[49] Шидловский С. И. Воспоминания, ч. 1. Берлин, 1923, с. 194.
[50] Голос Москвы, 1911, 8 марта.
[51] Там же, 13 марта.

остановить премьера. Сразу после объявления о перерыве заседаний Думы делегация октябристов посетила Столыпина и заявила о несогласии с его намерением провести закон о западном земстве по ст. 87. Столыпин выразил удивление, поскольку, как он говорил, его действия преследуют цель обуздания реакции в Государственном совете, и тут же подчеркнул, что если Дума отвергнет закон о западном земстве из-за проведения его в чрезвычайном порядке, это будет расценено как вызов.[52]

Вслед за тем состоялось необычно многолюдное заседание фракции, на котором присутствовало 94 человека.[53] Каменский доложил о результатах встречи со Столыпиным. Все выступавшие выражали недовольство действиями премьера и говорили о необходимости заявить протест. «Такой прецедент, — говорилось в журнале заседания о применении ст. 87, — является чрезвычайно опасным для представительного строя и низводит законодательные учреждения на уровень законосовещательных». В позиции Гучкова, тоже предлагавшего выступить с протестом против методов Столыпина, чувствовалось прежде всего беспокойство за и без того уже подорванный престиж «Союза 17 октября». «Мы не можем, — говорил он, — соглашаться ни на какие уступки. В данном случае борьба с правительством неизбежна. Если нам не высказать протеста, что же мы будем за партия. Тогда роль наша сведется к нулю». Большинством 87 человек против 7 было решено довести до сведения Столыпина, что фракция проголосует против западного земства, если оно будет проведено по ст. 87. Некоторые члены фракции предложили в знак протеста сложить депутатские полномочия. После заседания фракции делегация октябристов вновь посетила Столыпина.[54] Одновременно Гучков обратился к Столыпину с личным письмом, в котором предостерегал от «рокового шага» — использования ст. 87 и предсказывал «невероятный хаос» в результате «такого явного нарушения и буквы, и духа Основных законов».[55]

Попытка октябристов удержать Столыпина от «рокового шага» не увенчалась успехом, и «Голос Москвы» 15 марта выразил свое огорчение по этому поводу. Если бы, сетовала газета, Столыпин удовлетворился победой — отставкой Дурново и Трепова и возможностью изменить состав Государственного совета на следующий год, «с ним вместе отпраздновали бы эту победу и конституционные умеренно-либеральные круги». Но роспуск палат и проведение западного земства по ст. 87 представляет «угрозу целости конституции», и потому «возможности компромиссного разрешения обострившегося кризиса, по-видимому, нет. Остается два

[52] Там же, 15 марта; Русские ведомости, 1911, 13 марта.
[53] Ход заседания изложен далее по его журналу (ЦГАОР, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 213—214) и записи в дневнике Клюжева (ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 29—31).
[54] Голос Москвы, 1911, 15 марта.
[55] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 3, д. 133, л. 126об.

выхода: отставка П. А. Столыпина или роспуск законодательных учреждений и назначение новых выборов». Более вероятным исходом газета считала второй. Демонстрируя свою несолидарность со Столыпиным, Гучков ушел с поста председателя Думы.

Но большинство октябристской фракции, смущенное непривычной для него оппозиционной позой, уже готово было идти напопятную. На заседании 14 марта 46 голосами против 23 было решено смягчить первоначальный проект запроса по поводу действий правительства, причем в итоге запрос вылился «в самые умеренные формы» и Хомяков возмущенно говорил, что «такой куцый протест он не подпишет». 5 членов фракции высказались вообще против внесения запроса.[56] Ни о каком сложении депутатских полномочий не было уже и речи.[57] Внесенный 15 марта при возобновлении заседаний Думы октябристский запрос ограничивался предложением ответить, чем руководствовался Столыпин, проводя западное земство по ст. 87. Об опасности прецедента в запросе даже не упоминалось.[58]

Почувствовав колебания октябристов, столыпинский официоз усилил давление на них. В серии передовых статей «России» выражалась надежда, что октябристы одумаются и не станут поддерживать запрос о незакономерности действий правительства, ибо в основе оппозиции этим действиям лежат лишь «настроения», тогда как правительство исходило из реальных фактов и государственных соображений. «Россия» 18 марта опубликовала также специальную статью В. Денисова, доказывавшего, что «чрезвычайное обстоятельство, вызвавшее применение ст. 87, заключается... в невозможности для правительства работать при обструкции в Государственном совете. Невозможность правительству оставаться у власти есть обстоятельство чрезвычайное». В парламентских странах, писал Денисов, в таких случаях уходит правительство, в России же вопрос стоит иначе, и применение ст. 87 было шагом, который правительство «было вынуждено предпринять самим ходом вещей — ибо его лишили возможности работать. Это был единственный выход, а потому и критика этого шага есть занятие вполне праздное».

Хотя октябристы не могли отказаться от критики действий Столыпина в ходе министерского кризиса и потому, что они действительно видели в них опасность для существующего режима, и по соображениям собственного престижа, их готовность идти на сотрудничество с кабинетом проявилась уже в ближайшие дни в выдвижении кандидатуры нового председателя Думы. Первой реакцией во всяком случае левого крыла октябристов было вообще не выдвигать из своей среды кандитата в председатели Думы, тем более что наиболее вероятным кандидатом был лидер правого

[56] ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 36.
[57] ЦГАОР, ф. 115, оп. 1, д. 19, л. 216—217.
[58] Государственная дума. Сессия IV, ч. III, стб. 720.

большинства фракции Родзянко.[59] Но уже 18 марта фракция постановила «не отказываться от председательского кресла, на которое она имеет неоспоримое право».[60] 22 марта Родзянко, давно добивавшийся этого поста, был избран председателем Думы голосами право-октябристского большинства.[61]

Избрание Родзянко вызвало новую вспышку разногласий в октябристском лагере. Левые октябристы проголосовали в Думе против него, а затем Хомяков, Анреп, Лерхе, Шидловский и Голицын заявили о выходе из бюро фракции.[62] «Голос Москвы» 23 марта также высказал недовольство избранием Родзянко, заявив, что «истинному конституционалисту сейчас нельзя с достоинством занимать председательское кресло» и потому «вполне правильно поступили левые октябристы, голосуя против г. Родзянко», ибо они «не желали и не желают видеть на председательском месте своего единомышленника при создавшихся условиях». В течение нескольких дней левые октябристы поговаривали о выходе из фракции и создании собственной группы. Совещания, посвященные этому, состоялись 24 и 26 марта, причем на последнем присутствовал и Гучков, которому пришлось выслушать упреки за то, что он не поддержал противников Родзянко. Волнение левых октябристов, как и всегда, ни к чему не привело, и взбунтовавшиеся члены бюро взяли отставку назад. «Настроение думской фракции и ее бюро успокоилось, — докладывал в начале апреля К. Э. Линдеман со слов Каменского на заседании ЦК «Союза 17 октября», — члены бюро, предполагавшие выйти из него, согласились на то, чтобы заявление их не было доложено фракции. Этому успокоению много содействовал А. И. Гучков».[63] В то же время сам Гучков, разочаровавшись в возможности успеха столыпинской политики, да и в самом Столыпине, весной 1911 г. ушел (может быть, правильнее сказать сбежал) на время с политической арены. В явно инспирированной им самим статье «Голоса Москвы» от 25 марта говорилось, что Гучков в создавшихся условиях не может брать на себя «известную долю ответственности за происходящее» и в то же самое время не желает «мешать более или менее благополучному разрешению кризиса», а потому временно «отходит от непосредственной политической работы в Г. Думе».[64]

Поведение октябристов после министерского кризиса как никогда отчетливо продемонстрировало тупик, в который сама завела себя партия, сделавшая ставку на бонапартистский «кон-

[59] Русские ведомости, 1911, 15 и 18 марта.
[60] Там же, 1911, 19 марта.
[61] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 1455.
[62] Русские ведомости, 1911, 25 марта.
[63] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 76, л. 13.
[64] Анреп по этому поводу ворчал: «Хорош лидер, хорош председатель, который бросает нас в такую критическую минуту жариться в собственном соку» (ЦГИА СССР, ф. 669, оп. 1, д. 7, л. 58).

ституционализм» Столыпина. Противоречие слов и действий «Союза 17 октября», видевшего бесперспективность дальнейшего сотрудничества с правительством и не имевшего возможности отказаться от этого сотрудничества за отсутствием какой-либо опоры, стало совершенно вопиющим. В номерах за 22, 23 и 30 марта «Голос Москвы» предоставил Бобрищеву-Пушкину полосы, предназначавшиеся для передовых статей, придав этим как бы общепартийное значение высказываемым им взглядам. Бобрищев-Пушкин справедливо видел в действиях Столыпина (так и не понявшего, почему октябристы «обиделись» на него) «еще одну демонстрацию того, что при нынешнем конституционном режиме во всех областях мыслимо то, о чем и не думали при прежнем». Он заявлял, что для октябристов прошло время уступок правительству и «тщательно избегаемые слова должны быть договорены волей или неволей». Убеждая тех октябристов, которых «пугает переход в оппозицию», Бобрищев-Пушкин подчеркивал: «П. А. Столыпину уже служить нельзя — можно только прислуживаться». Что, собственно, может предложить Столыпин тем, кто пойдет за ним, ставил вопрос Бобрищев-Пушкин, и сам же давал ответ: «Опять кремневое ружье, национализм, волевые импульсы, государственная необходимость? увы, все это уже слышали, слышали и обещания, не оправдавшиеся затем».

Но в те самые дни, когда Бобрищев-Пушкин торжественно декларировал: «борьба должна быть доведена до конца»,[65] Каменский, возглавивший фракцию в отсутствие Гучкова, уже вел переговоры со Столыпиным. «Пред рассмотрением запроса в Гос. Думе, — информировал Каменский своего сбежавшего вождя, — Столыпин спрашивал у Глебова и у меня, нет ли у нас решения встать в непримиримую оппозицию с правительством... Я заявлял, что мы продолжаем держаться старых, проложенных Вами путей и всегда готовы продолжить черновую, не показную законодательную работу. Мы только бережно относимся к нашей самостоятельности»,[66] заключающейся в возможности покритиковать правительство. Слухи, будто «фракция решила вести войну с правительством jusque sainger à blanc (до полного краха)» испугали и ЦК «Союза 17 октября». Каменскому пришлось специально выезжать в Москву для разъяснения позиции фракции. В журнале ЦК 17 мая с удовлетворением констатировалось, что Каменский доложил не только о «полном согласии» внутри фракции, но и «об установившихся отношениях фракции с правительством».[67]

Но если октябристы быстро простили Столыпину его «победу», то легитимистская реакция не собиралась прощать своего унижения, тем более что Николай снова стал за спиной Столыпина

[65] Голос Москвы, 1911, 9 апреля.
[66] ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 873, л. 1.
[67] ЦГАОР СССР, ф. 115, оп. 1, д. 76, л. 25.

проявлять свое благоволение к правым. 14 марта Акимов сообщил Дурново, что Николай не утратил к правым доверия.[68] По слухам он даже передал Дурново благодарность царя за труды по Государственному совету.[69] В тот же день на совещании у Дурново, в котором среди прочих участвовали Трепов, Кобылинский и Ширинский-Шихматов, была задумана осуществленная на следующий день демонстрация:[70] при открытии заседания Совета Кобылинский попросил слово для заявления о создавшемся положении; Акимов, как было договорено, слова не дал, мотивируя это тем, что «Государственный совет... какие бы обвинения и клеветы к нему не предъявлялись, должен на весь этот шум безмолвствовать», назвав, таким образом, обвинения Столыпина против своих врагов «клеветой». Акимов также публично повторил, что доверие Николая к Совету (т. е. к его правой части) не поколеблено.[71] Правые немедленно начали интриги, чтобы отменить санкции против Трепова и Дурново. Интриги не прошли бесследно, и уже в апреле Николай хотел вернуть Дурново в Государственный совет. Столыпину пришлось специальным письмом упрашивать царя не делать этого, ссылаясь на «искусственную обструкцию» против правительства в Совете, создаваемую Дурново. Но Столыпин уже не решался напоминать царю об обещании вообще удалить его противников из верхней палаты и просил лишь отложить возвращение Дурново до осени.[72]

Еще более явным признаком падения веса Столыпина при дворе было беспрецедентное решение Государственного совета предъявить премьеру запрос о незакономерности его действий в ходе министерского кризиса. Среди подписавших запрос было и 17 членов группы правых.[73] 24 марта 98 голосами против 52 Совет принял запрос, а 1 апреля после речи Столыпина одобрил 99 голосами против 53 формулу перехода, в которой заявлялось, что «содержавшиеся в запросе положения не поколеблены объяснениями г. Председателя Совета министров».[74] В поддержку Столыпина голосовали только нейдгартцы и сторонники национальных курий из группы правых.[75] И хотя верный своим лицемерным привычкам Николай накануне заседания пожелал Столыпину «спокойствия и полного успеха»,[76] еще за неделю до этого Гучков передавал Поливанову, что премьер долго не удержится, ибо в Царском Селе уже было сказано, что применением ст. 87 «выстрелили по воробью из пушки», а удаления Дурново и Тре-

[68] Голос Москвы, 1911, 17 марта.
[69] Речь, 1911, 17 марта.
[70] Голос Москвы, 1911, 17 марта.
[71] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1369—1370.
[72] Красный архив, 1928, № 5 (30), с. 86.
[73] Русские ведомости, 1911, 19 марта.
[74] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1456, 1852.
[75] Русские ведомости, 1911, 3 апреля.
[76] ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 324, л. 1.

нова Столыпину не простят.[77] Все это понимал и Столыпин, попытавшийся удержаться в своем кресле ценою отказа от последних остатков собственной программы.

По иронии истории первый из столыпинских проектов местной реформы — волостной — был, наконец, вынесен на обсуждение Думы тогда, когда звезда Столыпина уже закатилась. В представленный осенью 1908 г. правительственный проект (см. гл. VI) комиссия Думы внесла довольно значительные изменения. Центр тяжести был передвинут с административных на хозяйственные функции волостного управления, построенного по земскому типу. Вместо единоличного волостного старшины была создана коллегиальная управа. Была отменена нижняя граница ценза, владение любым недвижимым имуществом, обложенным налогом, давало право голоса, избирательное право было предоставлено женщинам. В то же время были сохранены курии — не менее $^1/_5$ полного земского ценза, от $^1/_5$ до $^1/_{15}$, менее $^1/_{15}$ и особо — крестьяне-общинники. Обязательный, хотя и минимальный ценз недвижимого имущества по-прежнему лишал избирательных прав интеллигенцию («третий элемент») и отчасти торговцев (если они не имели собственного помещения, а снимали его у домовладельцев). Сохранялись, хотя и в урезанном виде, права земского начальника по надзору за деятельностью волостного управления. Хотя законопроект касался лишь волостного земства, он, как справедливо отмечал докладчик комиссии Ю. Н. Глебов, являлся фундаментом всей местной реформы. Поэтому, обращался Глебов к членам Думы, «влагая в законопроект известные основы и известные принципы, вы тем самым предусматриваете проведение этих основ и принципов в будущей реформе».[78]

Но Столыпину в феврале 1911 г., когда началось обсуждение законопроекта, было не до собственных принципов, тем более подвергшихся либеральной правке октябристско-кадетской части Думы. 6 февраля Столыпин предупредил, что правительство считает переработанный вариант волостной реформы слишком либеральным и откажется его поддерживать.[79] Поскольку октябристы тем не менее внесли 14 февраля законопроект на первое чтение, не вняв нажиму премьера, роль правительственного рупора снова, как и при обсуждении закона о начальных училищах, взяли на себя националисты, которые потребовали превращения волостного управления в административную, а не земскую единицу во главе с единоличным волостным старшиной, большего подчинения волости уездной администрации, а не уездному земству, восстановления права владельцев полного ценза проходить в гласные без выборов. Особенное недовольство националистов вызвало

[77] Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, с. 104.
[78] Государственная дума... Сессия IV, ч. II, стб. 1952—1968.
[79] Речь, 1911, 8 февраля; Русские ведомости, 1911, 8 февраля.

предусмотренное проектом право волостного земства самостоятельно вводить обложение владельцев недвижимостей налогом на местные нужды. В основе этого недовольства лежал страх крупного собственника перед возможным крестьянским большинством волостных гласных. Только в случае принятия их поправок националисты соглашались признать законопроект «приемлемым и не вредным для местной жизни».[80]

Еще более резко выступил от имени правых И. П. Созонович. Он также напал на право самообложения, увидев в нем «замаскированное принудительное отчуждение», с помощью которого «мы, частные владельцы, входящие в состав волостей, будем безусловно разорены в самый короткий период времени». Созонович критиковал правительство за «слабость», с которой оно защищает свою, как он выражался, «последнюю твердыню». «Если волость будет уступлена... земству, — вещал он, — тогда действительно гибель порядка, а может быть и государства, вполне обеспечена». Отождествляя, как это всегда делала легитимистская реакция, интересы поместного дворянства и государства, Созонович предлагал полностью отвергнуть проект, клонящийся «к нарушению справедливых интересов целых классов народонаселения империи и к умалению власти государства».[81]

Отвечая на критику справа, октябристы подчеркивали охранительный характер своего проекта. «Мы должны признать, — расшаркивался Звегинцев перед Столыпиным, — что министерство было на высоте задачи, что революция была им сломлена. Но, — переходил он к основной претензии октябристов к кабинету, — в такой ли степени министерство проявило свою деятельность тогда, когда надо было не ломать революцию, а подготовить такие обстоятельства, при которых революция была бы невозможна?.. Я очень боюсь, как бы и теперь мы не переживали такой период затмения, еще менее оправдываемый тем, что прошлый опыт, который мы прошли, должен был бы вас остерегать». Именно для того, чтобы создать «обстоятельства, при которых революция была бы невозможна», октябристы и призывали спешить с проведением реформ вообще и волостной реформы в частности. «В 1905 г., — говорил А. Н. Боратынский, — все готовы были присоединиться к общему возгласу, что во время пожара реформ делать нельзя, что нужно дождаться умиротворения и тогда строить. Гг., мы этого умиротворения дождались, пожар прекратился, и вот, если теперь мы не продвинем русскую жизнь вперед, тогда мы можем дождаться другого пожара». Ту же мысль развивал и Голицын, напоминавший оппонентам справа, что даже их земский съезд 1907 г. признал своевременность реформы местного управления. И Голицын, и Боратынский особенно подчеркивали, что предусмотренная Думой куриальная система обеспечивает «воз-

[80] Государственная дума... Сессия IV, ч. II, стб. 2107—2133.
[81] Там же, стб. 2133—2134, 2137.

можность прохождения в волостную организацию культурных элементов» и ограничивает доступ «народных масс, легко воспламеняющихся, легко волнующихся».[82]

К обсуждению волостного земства Дума вернулась после министерского кризиса, что не замедлило сказаться. «Победитель» Столыпин не только не внял призыву октябристов рассматривать их поправки как чисто деловые улучшения более сведущих в земской работе людей, но командировал на обсуждение товарища министра внутренних дел А. И. Лыкошина, который в первом же заседании (21 марта) заявил, что думским проектом создается «учреждение совершенно новое и не имеющее корней в прошлом» и «такой окончательный порыв с прошлыми историческими традициями может только затруднить введение реформы», т. е. откровенно пригрозил противодействием властей. На всех последующих заседаниях Лыкошин систематически выступал с предложениями, восстанавливающими правительственный вариант закона или даже уводившими еще дальше вправо. Он выступал за сохранение земских начальников, за лишение избирательных прав лиц, не только осужденных по статьям, карающим лишением таких прав, но и привлеченных к суду (даже если обвинение не подтвердилось), протестовал против замены волостного старшины коллегиальной управой, требовал сохранить за администрацией право утверждения членов волостных управ и других должностных лиц, что должно было обеспечить власти возможность убирать неугодных ей людей. При обсуждении вопроса о том, кто — предводитель дворянства или уездный член окружного суда — будет председательствовать в особом присутствии, контролирующем деятельность волостных земств, Лыкошин не только выступил в поддержку предводителя дворянства в данном случае, но и заявил 20 апреля: «правительство вообще считает исторически сложившееся участие уездного предводителя дворянства в местной земской общественной жизни и председательствование его в разных уездных коллегиях весьма полезным и ценным и находило бы нежелательным от этого отказаться».[83]

Изменилась и позиция октябристов. Глебов от имени комиссии продолжал поддерживать проект, но фракция при втором чтении упорно отмалчивалась, выставляя своих ораторов только для защиты ценза от критики слева. Глебов при этом заявлял, что лица, не имеющие возможности приобрести ценз, установленный для выборов в волостное собрание, «составляют тот пролетариат, допущение которого к государственному правлению или самоуправлению неминуемо поведет к крушению государственных основ». Уже в марте октябристы пошли навстречу требованиям правительства и провели поправку, разрешавшую в волостях с населением меньше 10 тысяч человек избирать не коллегиальную управу, а единоличного старшину. При третьем чтении (в мае) октябристы пошли еще дальше и поддержали поправки МВД об утверждении состава волостных управ уездным съездом и об ограничении права волостных собраний в установлении размеров местных сборов.[84]

По-прежнему отвергая думский и поддерживая правительственный вариант закона, националисты выдвинули в ходе второго чтения аргумент, не лишенный основательности. «Дело волостной реформы в том виде, как она проектируется рассматриваемым нами законопроектом, — говорил Д. И. Чихачев, — дело более или менее отдаленного будущего. Для этого требуется... класс единоличных собственников, достаточно самостоятельных, достаточно обеспеченных, чтобы играть крупную, наиболее влиятельную роль в этой волости. В настоящее время такой класс только нарождается, и трудно предполагать, чтобы он мог сыграть активную роль в этой волости». Аргумент этот отдавал, однако, явным лицемерием, ибо националистов, особенно из великорусских губерний, перспектива политического усиления сельской буржуазии пугала не меньше, чем правых, и они прибегли к этому аргументу, чтобы попытаться воздействовать на октябристов. Что же до правых, то их позицию Марков выразил с предельной откровенностью: «волость должна быть такой, как и теперь — сословной, крестьянской и никаких этих новых законопроектов не нужно».[85]

Во время третьего чтения правые и националисты прибегли к своему излюбленному приему — делегируя на заседание лишь немногих депутатов, они дали возможность оппозиции (вероятно, с участием некоторых левых октябристов) провести ряд поправок, придавших законопроекту более либеральный вид (были ослаблены позиции земского начальника и других представителей административных властей), чтобы тем самым сделать проект заведомо неприемлемым для Государственного совета.

13 мая Дума приняла закон о волостном земстве, а спустя несколько дней — 17 мая — «Россия» обрушилась на него, заявив, что в настоящем виде он для правительства неприемлем. Пытаясь спасти лицо, «Россия» винила в этом кадетов, якобы испортивших проект своими поправками, хотя закон в целом был детищем октябристов, более последовательно развивших принципы, лежавшие в основе проекта, внесенного Министерством внутренних дел, а в ряде случаев лишь восстановивших положения министерского проекта, снятые после обсуждения в Совете по делам местного хозяйства. Но Столыпину, как уже говорилось, было не до принципов. 27 мая Крыжановский направил в Департамент общих дел составленный «по поручению статс-секретаря Столыпина»[86] по-

[82] Там же, стб. 2264, 2289, 2290, 2296.
[83] Там же, ч. III, стб. 1393, 2458.
[84] Там же, стб. 1681, 1974, 3705, 3752.
[85] Там же, стб. 1338, 1754.
[86] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 185, 1907, д. 5а, ч. 4, л. 187—188.

вый проект положения об уездном управлении, в котором предусматривалось, что «председательствование в уездном совете принадлежит уездному предводителю дворянства».[87] Из лежавшего в обломках плана местной реформы был окончательно убран один из его краеугольных камней.[88]

В мае стала совершенно бесспорной и капитуляция правительства в вероисповедных вопросах. Это было видно уже из того, что в первых числах мая Лукьянов был сменен на посту Обер-прокурора Синода В. К. Саблером, ставленником салона Игнатьевой.[89] Подкоп под Лукьянова велся уже давно. В феврале Столыпину пришлось специально просить Николая хотя бы отложить увольнение Лукьянова до весны, чтобы оно не выглядело как победа черносотенного иеромонаха Илиодора,[90] с которым Столыпин и Лукьянов вели долгую и безуспешную борьбу. И действительно, едва Лукьянов был смещен, Илиодор явился в Петербург, где был принят в «Русском собрании» и в салоне Игнатьевой, отслужил молебен в монастыре Иоанна Кронштадтского, а в середине мая получил аудиенцию в Царском Селе.[91] Но торжество Илиодора было лишь наиболее бросающимся в глаза своей непристойностью признаком победы церковной реакции. Более существенным было решение Государственного совета отложить на осень законопроект о переходе из одного вероисповедания в другое, сопровождавшееся 18 мая обещанием «России», что правительство «представит свои соображения против тех думских изменений в проекте, с которыми оно затруднялось бы согласиться». Учитывая позицию Саблера, нетрудно было предвидеть, что на деле правительство откажется не только от думских поправок, но и от тех уступок принципу свободы совести, которые содержались в первоначальном проекте Министерства внутренних дел. С назначением Саблера связывалось и решение Николая не утверждать закон о правах лиц, снявших духовный сан.[92]

В итоге ни один из проектов реформ местного управления не был проведен в жизнь вплоть до февраля 1917 г. Закон о реформе местного суда, увеличивавший сеть органов Министерства юстиции, начал осуществляться в ряде губерний накануне первой мировой войны, но сохранение крестьянского волостного суда полностью отрицало ту идею, ради которой закон в свое время проектировался. Из вероисповедных законов действовало в качестве временного проведенное по ст. 87 Положение о старообрядцах. План политических реформ, задуманных Столыпиным в осуществление бонапартистского курса, не удался.

* *
*

То, что события министерского кризиса 1911 г. подвели черту под целым периодом русской истории, было очевидно уже для современников и участников событий. Прежде всего они означали крах столыпинской политики. Борясь в мартовские дни за свое кресло ценой отказа от собственной программы и понимая тщетность этой борьбы, Столыпин понимал и то, что лозунг легитимистов «не надо законодательствовать, а надо только управлять» не может спасти царизм, он продолжал видеть спасение царизма в куцых, верхушечных, но все же реформах, способных расширить социальный базис самодержавия. «Я, — говорил он Николаю, — за 5 лет изучил революцию и знаю, что она теперь разбита и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться. А что будет дальше, зависит от этих пяти лет».[93] Но задуманные Столыпиным реформы оказались чрезмерными для одних и недостаточными для других. В этом должен был публично расписаться и сам несостоявшийся российский Бисмарк. Его речи в Государственном совете и в Думе в связи с запросом о его действиях во время кризиса содержали, несмотря на некоторые различия в тональности и расстановке акцентов, признание провала его планов.

Выступая в верхней палате, Столыпин назвал политику, которую он хотел проводить, политикой «настойчивого, неторопливого преобразования не в направлении радикального, но постепенного

---

[87] Там же, ч. 2, л. 16.

[88] Сходная с нашей оценка существа борьбы в верхах вокруг местной реформы дана в статье П. Н. Зырянова «Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления» (История СССР, 1969, № 6, с. 45—62). Но мы не можем согласиться с мнением автора, будто бы после министерского кризиса и полученного от Николая обещания провести с 1 января 1912 г. изменение состава Государственного совета «Столыпин становился полновластным диктатором и мог беспрепятственно проводить нужные ему законы» (с. 61), что якобы усилило решимость определенных кругов физически убрать Столыпина. Обещанию Николая цена была грош, что показали уже ближайшие события. Это понимал Столыпин, это понимали и его противники. Дворянско-помещичьей реакции, которая по мнению П. Н. Зырянова, «использовала все легальные средства борьбы против Столыпина и его реформ», не было нужды прибегать к револьверу Богрова, поскольку в ее руках было менее эффектное, но более эффективное оружие — дворцовая интрига. Другое дело, что у Курлова и К°, которые по меньшей мере попустительствовали покушению Богрова, были свои, личные причины убрать Столыпина с дороги и, главное, была уверенность, что кары за это не последует. Но уверенность эта базировалась именно на том, что и без выстрела Богрова Столыпин был к 1 сентября 1911 г. не «полновластным диктатором», а «конченной личностью», чья физическая гибель избавляла от необходимости маскировать его уже состоявшуюся политическую смерть.

[89] Голос Москвы, 1911, 4 мая.

[90] ЦГАОР СССР, ф. 1467, оп. 1, д. 787, л. 61.

[91] Голос Москвы, 1911, 17 мая и 1 июня; Русские ведомости, 1911, 11 и 14 мая.

[92] Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за сессию 1910—1911 гг. СПб., 1911, с. 46—48.

[93] ЦГИА СССР, ф. 1662, оп. 1, д. 325, л. 2.

прогресса» и напомнил, что разработанные в этом духе законопроекты встретили «совершенно искреннее, но отрицательное отношение к ним Государственного совета».[94] В Думе, апеллируя к октябристам, Столыпин выражался гораздо резче по форме, но развивал ту же мысль по существу. «Припомним, гг., — предлагал он, — положение государственных дел до мартовских событий. Всем известен, всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание **уже правительственных законопроектов** (подчеркнуто нами, — *В. Д.*) обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов в результате царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах». В этих словах заключалось признание многих неприятных для Столыпина и его единомышленников фактов: и того, что даже в искусственно подобранной Думе 3 июня не нашлось большинства, готового поддержать столыпинские проекты в их чистом виде, и реформы проходили через Думу только с помощью нежеланных и опасных для Столыпина голосов либеральной оппозиции; и того, что у Думы, принявшей закон, «нет ни сил, ни средств, ни власти провести его дальше этих стен, провести его в жизнь», что думское законодательство это дорога, «не приводящая никуда», ибо на пути реформ стоят не желающие их силы, располагающие большинством в Государственном совете; и того, что в итоге вся система бонапартистского лавирования с необходимостью превратилась в систему «гармонически законченной законодательной беспомощности».[95]

Из признания краха ставки на третьеиюньскую Думу Столыпин пытался вывести теорию закономерности чрезвычайного законодательства через голову палат. Эту теорию премьера поддержала только «созданная им группа споспешествующих чиновников», как не без яда назвал Пуришкевич фракцию националистов.[96] Но и националисты понимали опасность превращения внедумского законодательства в постоянный способ управления страной и невозможность даже при третьеиюньском избирательном законе получить Думу, в которой поддерживающая правительство группа, образованная «от слияния националистов с правыми октябристами», составляла бы большинство. Отсюда вытекал вывод о необходимости нового государственного переворота, о котором 20 марта писал близкий к националистам И. Н. Балашов Столыпину, напоминая, что развивал ему эту идею «уже не раз подробно». Предлагая провести летом пересмотр избирательного

[94] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1793.
[95] Государственная дума... Сессия IV, ч. IIII, стб. 2857, 2861—2863.
[96] Там же, стб. 2894.

закона и самих Основных законов и созвать затем «„обновленную“, достойную России Думу, основанную преимущественно на земских началах — самых у нас устойчивых и надежных», Балашов тем самым тоже признавал провал третьеиюньского эксперимента. При этом речь шла не об осуществлении с помощью нового переворота старой столыпинской программы, поскольку основанная на земских, т. е. дворянских силах Дума, конечно, отказалась бы осуществить реформы, подрывающие в этом самом земстве позиции дворянства и усиливающие влияние сельской буржуазии. Не случайно Балашов предлагал до созыва Думы провести исключительно националистические законы — антифинляндские, антипольские, антиеврейские.[97] Балашов рекомендовал путь спасения для Столыпина лично, но не для его программы. Но, как справедливо отмечала 7 марта «Речь», если раньше Столыпин выходил из каждого кризиса ценою сдвига вправо, то теперь этот путь был для него исчерпан, «вправо поворачивать дальше некуда старому „кормчему“. „Убежденных националистов“ можно найти сколько угодно в их собственной среде. Для этой цели услуги П. А. Столыпина больше не нужны».

Об этом с полной откровенностью заявили Столыпину правые в ходе прений по запросам. Тактические различия правых в Думе, отрицавших право предъявлять правительству запрос, поскольку применение ст. 87 является прерогативой монарха, и правых в Государственном совете, выступивших с запросом (формально о нарушении ст. 86 — поднесении на подпись царю законопроекта, отвергнутого одной из палат), были второстепенны, ибо и те, и другие одновременно обвиняли Столыпина в подрыве авторитета верховной власти. Объясняя необычный для Государственного совета феномен — предъявление запроса председателю Совета министров, да еще за подписями представителей всех групп, — А. А. Нарышкин специально отмежевывался от мотивов, которыми руководствовались его коллеги слева. «В наши побуждения..., — подчеркивал он, — отнюдь не входило как цель защита так называемых конституционных гарантий, которые по моему убеждению в русском царстве не имеют никакого значения». Но, указывал Нарышкин, действия Столыпина, поднесшего на подпись царю закон в нарушение установленного порядка, подрывают авторитет царской власти.[98] То же самое, но в более грубой форме повторил в Думе И. И. Балаклеев: «Действия Совета министров... заслуживают с нашей стороны не только осуждения, но и самого резкого порицания как ставящие верховную власть в положение неудобное, не соответствующее ее существу как власти самодержавной, безусловно роняющие ее достоинство. Такие действия Председателя Совета Министров не верноподданны, они, по-моему, преступны».[99] Некоторые из правых приписывали

[97] Красный архив, 1925, № 2 (9), с. 291—294.
[98] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1411—1412.
[99] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 2975.

Столыпину самый страшный с их точки зрения грех, обвиняя его в том, что он стоит на «конституционной точке зрения», ибо, объявляя ст. 87 единственно возможным выходом из создавшегося в марте положения, тем самым «считает монарха конституционным в смысле подчиненности его Основным законам».[100]

Особое озлобление правых вызвало естественно то, что Столыпин попытался свести счеты с ними. Легитимистская реакция и ее прихвостни объявляли себя главным устоем существующего строя и конфликт Столыпина с ними изображали как подрыв государственных основ. «Направляя свои легкомысленные, скажу более, преступные удары против консерватизма независимого и стойкого, — так аттестовал Олсуфьев своих единомышленников в Государственном совете, — ... разрушают ту опору, которая одна поддерживает государство в минуты опасных для него кризисов». Олсуфьеву вторил Нарышкин, напоминавший, что Совет не в первый раз выступает против «увлечений» Думы и всегда по инициативе группы правых, которая, «когда замечала отступление от коренных начал, на коих покоится наш государственный строй, или от исторической политики России, всегда выступала на их защиту».[101] В качестве примеров Нарышкин приводил вероисповедные законы и вопрос о Морском генеральном штабе, т. е. выступления против «увлечений» не Думы, а Столыпина.

Единственное, что правые с удовлетворением приветствовали в действиях Столыпина, была бесцеремонность, с которой он обошелся с Основными законами, поскольку видели в ней демонстрацию отсутствия в России ненавистной им конституции. Выступая против закона о западном земстве по существу, Пуришкевич одновременно радовался тому, что «издание закона таким путем, как он издан, это есть торжество наших принципов, принципов неограниченного царского самодержавия». Доказательству незыблемости самодержавия и после 17 октября посвятил свою речь и Балаклеев. «В потребных случаях, — ликовал он, — верховная самодержавная власть может стать выше закона, ею же изданного и имеющего силу только по ее велению».[102]

Нужно отметить, что более осторожные и опытные лидеры правых в Государственном совете, также отрицавшие существование конституции в России, проявляли куда меньше радости в связи с нарушением Столыпиным Основных законов. Применение ст. 87 казалось им опасным в качестве прецедента на случай создания более либерального правительства.

Однако перспектива либерального кабинета представлялась большинству правых совершенно неактуальной, а идея законности была им настолько чужда, что они не могли отказать себе в удовольствии поиздеваться над октябристскими конституционными

[100] Там же, стб. 2964.
[101] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1452, 1814.
[102] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 786, 2973.

иллюзиями, так жестоко разрушенными Столыпиным. «Я прежде горячился и даже сердился, когда вы, — обращался к октябристам Марков, — меня уверяли, что в России существует конституция. Теперь я вас только жалею. Гг., уверяю вас, вы достойны жалости; никакой конституции у нас не было, нет и не будет, и нарушать того, чего нет, невозможно». Продемонстрировав, что, согласно букве Основных законов, царь имеет право собирать Думу всего на один час в году и что «можно соблюдать совершенно формально, точно и не давая права запросов, вашу воображаемую конституцию и не иметь никакой Думы и Государственного совета», Марков издевательски, но совершенно справедливо констатировал: «Вы, гг. конституционалисты, вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон, и за вами нет никакой силы».[103]

То, что вызывало злую радость Маркова — отсутствие силы, способной успешно выступить в поддержку умеренного монархического конституционализма против реакции справа и революции слева, — было постоянным кошмаром, угнетавшим и октябристов, и либеральную оппозицию. Как раз накануне министерского кризиса Е. Трубецкой посвятил этой теме статью, выразительно названную «Над разбитым корытом». «Нас губит, — сетовал он, — слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь... В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможнее осуществить „неограниченное народное самодержавие“, чем манифест 17 октября. Уродливый по существу проект „передачи всей земли народу“ безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т. е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект „принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение“. Ибо первый имеет за себя реальную силу крестьянских масс, тогда как второй представляет собой беспочвенную мечту отдельных интеллигентских групп, людей свободных профессий, да тонкого слоя городской буржуазии... Отсутствие действительной силы вынуждает наш либерализм искать опоры извне, оно делает его зависимым от соседних, более сильных партий. Хроническое тяготение октябристов к правым и кадетов к левым коренится в одном общем источнике — в бессилии и тех, и других». Трубецкой возлагал все свои надежды на удачный исход столыпинской аграрной реформы, которая создала бы «новый тип экономически независимого крестьянина-собственника». «Тем самым, — писал он, — создастся недостающий теперь социальный базис для русского либерализма, и непосильная на-

[103] Там же, стб. 797—799.

стоящему задача будет разрешена. Россия станет государством правовым».[104]

Но в те самые дни, когда Трубецкой писал о необходимости насаждения сельской буржуазии как основы будущего правового порядка, его единомышленник и коллега по партии мирного обновления Н. Н. Львов не менее резонно отмечал другую сторону дела — невозможность успеха аграрной реформы без одновременной реформы суда и местного самоуправления, без создания того самого правового порядка, которому сельская буржуазия должна была служить опорой. Столыпинская реформа, говорил он, «это есть вовлечение крестьянской собственности в круговорот капиталистического строя, это есть вовлечение крестьянской собственности в ту напряженную борьбу, где можно стать прочно на ноги только тогда, когда имеется охрана этой собственности твердо обеспеченными правовыми нормами,... в правильно организованном суде... в правильно организованном строе крестьянского управления».[105] Перед глазами уповавших на создание массовой опоры конституционализма вырисовывался заколдованный круг, из которого не было выхода.

«В оболочке „конституционного" кризиса 1911 года, — подчеркивал В. И. Ленин, — обнаружился несравненно более глубокий, чем прежде, крах конституционных иллюзий 1906—1910 годов».[106] Все выступления октябристов и прогрессистов в ходе прений по запросу о действиях Столыпина были публичным признанием этого краха. Подрыв «существующей у нас законодательной системы», возвращение к «административному произволу и усмотрению», «поворот к тому недавнему прошлому, когда лица, стоящие у власти, в свои удачливые дни устанавливали практику проведения своих усмотрений посредством поднесения на высочайшее утверждение,... минуя соответствующие учреждения»,[107] пример для низшей администрации, которая также станет еще шире прибегать к нарушению законов, — все эти упреки сливались в главном выводе, сформулированном М. Стаховичем, но звучавшем и во всех октябристских речах: «Хуже, чем медленность в обещанных реформах, хуже, чем отсутствие более или менее действительных реформ... открытое, задорное посягательство на наш единственный шанс спасения, на нашу надежду на водворение правового порядка».[108] И эхом ему звучали слова Мейендорфа: «Введение местного суда на один, два года позже, осуществление земской реформы в шести губерниях на несколько лет позднее — все это не является вопросом существования России», а важнее всего «зажечь огонь веры в закон и в возможность

[104] Русская мысль, 1911, № 2, с. 191—193.
[105] Государственная дума... Сессия IV, ч. II, стб. 2521.
[106] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 225.
[107] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 734, 736, 2866.
[108] Государственный совет... Сессия VI, стб. 1836.

относительного земного благополучия при нормальной власти». Из-под ног октябризма как политического течения, поставившего все на карту предотвращения революции в союзе с правительством, уходила почва. Но поскольку весь октябризм держался на «конституционной» иллюзии, он судорожно искал для нее новых подтверждений и готов был найти их даже в бунте Государственного совета, обиженного на неуважение к нему. В оскорбленном брюзжании заведомых врагов конституционного строя Мейендорф увидел «яркий симптом» того, что «правовая идея, уважение к закону все шире и шире растут», что «в этой стране, которую... считали страной произвола, все-таки остались и даже умножаются семена, — развиваются семена правильного правосознания».[109]

Министерский кризис предоставил кадетам благоприятную возможность критики октябристского курса на сотрудничество со Столыпиным. Подталкивание октябристов в оппозицию было постоянным мотивом кадетской тактики, особенно настойчиво звучавшим в недели, предшествовавшие кризису. Отталкиваясь от многочисленных проявлений недовольства, исходивших из октябристского лагеря в январе—феврале 1911 г., Маклаков подчеркивал, что, следовательно, «недовольны в настоящее время центральные элементы страны, которые более всего хотят мира, прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной волны, недовольны те элементы, на благоразумии и умеренности которых строились надежды на новый порядок», и призывал октябристов понять, что «идея центра, идея совместного обновления России правительством и Думой погибла». Со своей стороны Милюков упрекал октябристский центр за то, что тот не делает логических выводов из собственной оценки положения и «продолжает цепляться за ту старую политическую позицию, которая уже оказалась, по его собственным словам, несостоятельной», — за сотрудничество с кабинетом.[110] Когда Столыпин своими действиями заставил октябристов хотя бы на время, в первом приступе обиды, заговорить о невозможности сотрудничества, кадеты естественно не могли упустить случая, чтобы не ткнуть октябристов носом в их роль в создавшейся ситуации. «Не потому к вам не обратились, что боялись вашего неодобрения,.. — говорил Милюков. — К вам не обратились потому, что считали согласие ваше у себя в кармане. И вы сами, гг., в этом виноваты. Вы сами развратили власть, которой смотрели в глаза и желания которой старались угадывать».[111]

Но кризис весны 1911 г. был и кризисом кадетских конституционных иллюзий. Правое крыло партии строило эти свои иллюзии в расчете на успех октябристской «конституции попроще»

[109] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 3013—3016.
[110] Там же, ч. II, стб. 2841, 2860, 2986.
[111] Там же, ч. III, стб. 750.

и в конечном итоге на успех столыпинской политики. «Никогда,— быть может, — писал в феврале 1911 г. Маклаков, — судьба России не ставилась на такую азартную карту. Не мы эту карту поставили, но раз она поставлена и судьба всей России с нею связана, нам остается только желать, чтобы мы оказались неправы и чтобы этой карты нам не убили».[112] Левое крыло и милюковское руководство не разделяли иллюзий относительно Столыпина, но от этого их надежды на конституционное развитие России не становились менее утопичными, ибо не базировались ни на чем.

Говоря о наличии в России двух типов политической утопии, В. И. Ленин отмечал, что эти утопии «порождены интересами классов, которые ведут борьбу против старого порядка, крепостничества, бесправия, „против Пуришкевичей", одним словом, и которые не занимают самостоятельного положения в этой борьбе. Утопия, мечтания, есть порождения этой несамостоятельности, этой *слабости*».[113] Одним из этих двух типов утопии являлась вера либералов в то, что можно «без ожесточенной и до конца доведенной классовой борьбы, добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России...» [114] Именно потому, что либерализм не мог, с одной стороны, «не стремиться к свободе и законности», а с другой — не мог не бояться движения масс больше, чем реакции, он, вопреки очевидным и им самим констатируемым признакам усиления революционного движения и явного провала попыток осуществить самые умеренные реформы, должен был цепляться за иллюзию о возможности мирного, конституционного пути развития, иллюзию возможности эволюционного, а не революционного пути преобразования России. И не случайно, констатировав весной 1911 г. объективный крах конституционных иллюзий, В. И. Ленин полутора годами позже писал, что тем не менее эта либеральная утопия принадлежит к числу тех, которые «держатся наиболее крепко».[115] Сохранение либерализмом своих иллюзий являлось одной из форм проявления кризиса третьеиюньской системы.

Неслучайной была поэтому готовность «Речи» и «Русских ведомостей» в марте 1911 г. пойти навстречу Коковцову, не случайно передовые статьи «Речи» и выступления кадетских лидеров в Думе демонстрировали отсутствие у них какой-либо конструктивной идеи; не случайно мартовский призыв Милюкова к Думе «умереть с честью» сменился в апреле ликованием Тесленко в связи с «удивительным зрелищем, когда огромное большинство двух высших законодательных учреждений, когда люди разных партий, в обществе люди разных направлений и разных

[112] Русская мысль, 1911, № 2, с. 109.
[113] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 118.
[114] Там же, с. 117.
[115] Там же.

мнений объединились дружно, единодушно, забывши обычные партийные распри» во имя бережения Думы и Государственного совета (о котором кадеты так недавно высказывались в ином тоне), и его же упованиями на то, «что эти учреждения будут сберегаться, процветать и развиваться благодаря заботам именно их, именно тех, которые к этому самим законом призваны».[116] В мае и Милюков выступил с утверждением, будто «впервые в нашей конституционной истории явился факт согласного действия двух палат в защиту конституционных начал» и «конституционализм сделался лозунгом обеих законодательных палат».[117] Круг замкнулся. Кадеты, подобно октябристам, не хотели отказываться от своих иллюзий.

И как следствие этого в оценках ситуации, исходивших и от тех, и от других, настойчиво звучал один и тот же рефрен — революции не будет, революции не должно быть. «Достигла ли уже Россия „успокоения", — с тревогой и надеждой спрашивал Милюков в новогоднем обзоре, — или „революционная буря еще не затихла" — но это лишь **старая** революционная буря?».[118] Подводя итоги министерского кризиса и отмечая провал октябристов, Струве полуутверждал, полузаклинал: «В русской жизни не может не быть... подлинных, охранительных и либеральных в одно и то же время государственных сил, которые должны явиться становым хребтом права и прав».[119] То же самое твердили и октябристы. «В России прогресс возможен без переворота и без революции, и дай бог, чтобы так было дальше»,[120] — говорил в Думе Мейендорф, а Бобрищев-Пушкин (Громобой) успокаивал своих «товарищей по конституционализму», уверяя, «что за них истина и что эта истина настолько азбучна, настолько общепризнанна, что для защиты ее не требуется Коперников и Галилеев».[121] «Иллюзия, г. Громобой! — подчеркивал В. И. Ленин тщетность надежд на мирное, реформистское решение пронизывавшего все стороны жизни России глубокого политического кризиса. — Без „Коперников и Галилеев" не обойдется. У вас „не оправдалось", без этих не обойдется».[122] Во власти этой иллюзии российскому буржуазно-помещичьему конституционализму оставалось прожить менее шести лет.

[116] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 751, 3005.
[117] Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г.—13 мая 1911 г. СПб., 1911, с. 7, 8.
[118] Речь, 1911, 1 января.
[119] Русская мысль, 1911, N 4, с. 165.
[120] Государственная дума... Сессия IV, ч. III, стб. 3016.
[121] Голос Москвы, 1911, 30 марта.
[122] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 226.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдаков Н. С. 117, 118.
Аврех А. Я. 137, 138, 141, 146, 151, 195, 196, 199, 214, 216, 221.
Азеф Е. Ф. 29, 63, 124.
Айвазов И. Г. 149.
Акимов М. Г. 89, 128, 136, 159, 217, 218, 221, 227.
Алексеенко М. М. 209.
Андрейчук М. С. 197.
Апрен фон В. К. 119, 140, 194, 204, 210, 225.
Антоний, еп. Волынский 98.
Анфимов А. М. 15, 21.
Арно М. 118.

Бабецкий А. 85.
Бабянский А. Ф. 124.
Базилевский П. А. 89, 99.
Балаклеев И. И. 235, 236.
Балашов И. П. 97, 234, 235.
Балашов Н. П. 22, 221.
Балашов П. Н. 90, 92, 131, 134, 141, 221.
Бельгард А. В. 133.
Бенкендорф П. К. 86.
Бердяев Н. А. 54, 57, 58, 64, 66.
Березовский П. В. 156, 203.
Бестужев И. В. 137, 138.
Бобринский А. А. 92, 93, 135, 150, 195, 196, 208, 217, 220.
Бобринский В. А. 92, 216.
Бобрищев-Пушкин А. В. 50, 72, 73, 210, 211, 226, 241.
Богданов С. М. 125, 139, 154, 159.
Богданович А. В. 80, 84, 86, 89, 93, 128, 135, 137.
Богданович Е. В. 84.
Богров Д. Г. 232.
Бок М. П. 132.
Боратынский А. Н. 125, 229.
Булгаков С. Н. 64, 71, 118.
Булыгин А. Г. 98.
Буцкий В. Р. 155, 156.

Вайсберг И. Д. 13.
Василенко Н. П. 170.
Васильев А. 66, 117.
Вернадский В. И. 183.
Винавер М. М. 70, 79, 108. 166.
Виноградов П. Г. 118.
Витте С. Ю. 44, 84, 126, 127, 136, 214—216, 220.
Вишняков А. С. 118.
Воеводский С. А. 132.
Волконский В. М. 93.
Волконский Н. С. 157.
Вольский А. А. 187, 188.
Вормс А. Э. 118.
Восторгов И. И. 80, 88.
Вторых Н. М. 56.
Вырубова А. А. 137, 219.
Вязигин А. С. 92, 119, 139.

Гендриков В. А. 220.
Георгиевский Л. А. 202.
Гермоген, еп. Саратовский 98, 219.
Гернет М. Н. 26, 27.
Гершензон М. О. 64.
Герценштейн М. Я. 80, 81, 92, 149, 159.
Гессен И. В. 69, 80.
Глебов Ю. Н. 119, 226, 228, 230.
Говорухо-Отрок М. Я. 103.
Годнев И. В. 209.
Голицын А. Д. 106, 119, 225, 229.
Гололобов Я. Г. 119, 139.
Голубев В. С. 67, 117.
Горемыкин И. Л. 22, 44, 80, 126, 137.
Гредескул Н. А. 54, 60, 74, 97, 166, 170.
Гурко В. И. 104.
Гурлянд И. Я. 31, 32, 36, 37, 81, 129.
Гурьев А. Н. 31, 33, 35.
Гучков А. И. 5, 48, 50, 70, 75, 77, 78, 80, 89—94, 96, 97, 106, 107, 112, 115, 118, 120, 121, 124, 125, 128, 129, 137, 140, 141, 144, 146, 147, 153, 154, 161—163, 184, 192—195, 199, 207—209, 221, 223—227.
Гушка (Ерманский) А. О. 10.

Давидович А. М. 16.
Демчинский Н. А. 81.
Денисов В. 224.
Диллон Э. 126, 127, 138.
Добровольский А. А. 74.
Доррер В. Ф. 103, 127.
Долгоруков Пав. Д. 175, 179.
Долгоруков Петр Д. 69, 108, 123.
Дубровин А. И. 80, 81, 86, 88, 97, 128, 140, 142, 149, 151, 159.
Дубровский С. М. 18.
Думбадзе И. А. 149.
Дурново П. Н. 84, 89, 97, 99, 104, 126, 128, 136, 138, 159, 198, 206, 207, 215, 217, 218, 220—223, 227.
Дякин В. С. 20, 39, 82, 87, 131.
Евлогий, еп. Холмский 144.
Еропкин А. В. 51, 162, 194, 209.
Ещин Е. М. 56, 170.

Замысловский Г. Г. 93, 131, 154.
Звегинцев А. И. 106, 119, 137, 229.
Зиновьев Н. А. 213, 215.
Зыбин А. И. 84.
Зырянов П. Н. 232.

Игнатьева С. С. 98, 132, 143, 145, 149, 232.
Извольский А. П. 45.
Извольский П. П. 45.
Изгоев А. С. 55, 57, 64, 65, 67, 78.
Илиодор 219, 232.
Иоанн Кронштадтский 98, 232.
Иоллос Г. Б. 81, 92.
Искрицкий М. А. 119.

Камаровский Л. А. 199.
Каменский П. В. 119, 144, 145, 200, 223, 225, 226.
Камынка А. И. 78.
Капустин М. Я. 116, 119, 210.
Караваев А. Л. 92.
Касаткин-Ростовский Н. Ф. 87.
Кассо Л. А. 183.
Кауфман А. А. 58.
Келеповский С. И. 93.
Кизеветтер А. А. 61, 70, 164, 166.
Киреев А. А. 84—86, 98, 100, 102, 128.
Кистяковский Б. А. 64.
Кишкин Н. М. 73, 108, 179.
Клюжев И. С. 95, 204, 210, 212, 223.
Кноп Л. 118.
Кобылинский П. Н. 227.
Ковалевский Е. П. 105, 204.
Ковалевский М. М. 116, 175.
Коковцов В. Н. 44, 51, 86, 104—106, 134—136, 159, 160, 162, 209, 217—219, 221, 222, 240.
Кокошкин Ф. Ф. 53.
Колюбакин А. М. 108, 166.
Коновалов А. И. 117, 118, 185, 188, 189.
Коновницын А. И. 100, 131, 132, 149.
Коншин В. Д. 189.
Корелин А. П. 17, 18.
Корнилов А. А. 73.
Котляревский С. А. 54, 63, 65, 66, 71, 112, 116—118.
Крамарж К. 112.
Крестовников Г. А. 116—118, 188, 190.
Кривошеин А. В. 134, 137, 155, 218, 221.
Крупенский П. Н. 92, 106.
Крыжановский С. Е. 80, 81, 88, 102, 130, 131, 143—145, 151, 152, 178, 231.
Куракин А. А. 98.
Куракин И. А. 204.
Курлов П. Г. 132, 149, 176, 232.

Лаверычев В. Я. 6, 161, 185, 189.
Лебедев П. Н. 183.
Ледницкий А. Р. 179.
Ленин В. И. 3—18, 20—26, 29, 48, 56, 61, 62, 64, 71, 79, 81, 82, 89, 92—94, 108, 113, 115, 118, 123, 124, 136, 140, 161—163, 168, 169, 171, 173, 174, 180, 181, 191, 197, 198, 238, 240, 241.
Лерхе Г. Г. 119, 225.
Линд В. Н. 60.
Линдеман К. Э. 225.
Луи Ж. 126.
Лукьянов С .М. 150, 221, 232.
Лыкошин А. И. 230.
Львов В. Н. 146.
Львов Н. Н. 118, 238.

Макаров А. А. 96, 106, 132.
Макаров И. Ф. 15, 21.
Маклаков В. А. 63, 71, 93, 96, 97, 113, 116, 124, 183, 240.
Мандельштам М. Л. 79, 170.
Мануилов А. А. 183, 189.
Мамонтов С. Н. 189.
Марк Г. М. 118.
Марков Н. Е. 22, 87, 133, 134, 139, 146, 156, 204, 205, 215, 231, 237.
Маркс К. 3, 4, 16, 18, 22.
Матюнин П. Г. 207, 208.

Мейендорф А. Ф. 91, 93, 106, 161, 199, 200, 238, 239, 241.
Мензбир М. А. 183, 189.
Меньшиков М. О. 127, 139, 151, 152, 191, 195, 196, 206.
Мережковский Д. С. 62.
Мещерский В. П. 85, 98, 126, 132, 134, 135, 151, 152.
Милюков П. Н. 44, 51—53, 56—59, 64, 68, 70—73, 76, 78—80, 93, 94, 97, 105, 110, 112, 113, 122—124, 164—174, 194, 239—241.
Милютин Ю. Н. 77, 78, 119, 201.
Минаков П. А. 183, 189.
Минарик Л. П. 13, 14.
Митрофан, еп. Гомельский 144.
Морозов Н. Д. 185, 189, 191.
Муромцев С. А. 179, 180, 201.

Набоков В. Д. 69, 72, 166.
Нарышкин А. А. 14, 128, 235, 236.
Нейдгарт А. Б. 83, 84, 147, 159, 219.
Некрасов Н. В. 182.
Немешаев К. С. 132.
Никитина Е. 27.
Никольский А. И. 170.
Никольский Б. В. 80.
Новицкий П. В. 156, 220.

Оболенский А. Д. 147.
Олсуфьев Д. А. 88, 198, 236.
Ольденбургский П. А. 220.

Палицын Ф. Ф. 98.
Пачулидзев С. А. 130, 137.
Пасхалов К. 206.
Пергамент О. Я. 124.
Першин П. Н. 18.
Петрово-Соловово В. М. 93, 116.
Петрункевич И. И. 53, 59, 166.
Пихно Д. И. 126, 213, 217.
Плеве В. К. 209.
Подолинский С. С. 81.
Поливанов А. А. 104, 105, 134—136, 138—141, 182, 227, 228.
Половнев А. В. 159.
Половцов Л. В. 119, 146.
Полянский Н. Н. 27.
Протопопов Д. Д. 53, 109, 111, 170.
Пуришкевич В. М. 25, 57, 80, 88, 96, 132, 140, 158, 192, 195, 197, 213, 217, 234, 236, 240.
Пуришкевич М. В. 80, 196.
Пуришкевич М. М. 176.
Путятин М. С. 86.

Редигер А. Ф. 26, 135.
Римский-Корсаков А. А. 195.
Рогович А. П. 98, 143.
Родзянко М. В. 93, 119, 146, 194, 207, 225.
Родичев Ф. И. 59, 95, 96, 150.
Романовы:
Александр Михайлович 220, 221.
Александр III Николаевич 42, 149.
Александра Федоровна 138, 219.
Георгий Михайлович 219.
Ксения Александровна 220.
Мария Федоровна 219—221.
Николай II Александрович 3, 24, 26, 33, 42, 45, 82, 84—86, 94, 95, 97, 99, 100, 104, 106, 130, 131, 133—141, 143, 152, 169, 194, 206, 208, 217—222, 226, 232, 233.
Николай Михайлович 220.
Николай Николаевич 106, 220.
Ольга Александровна 220.
Сергей Михайлович 219.
Ромм Г. Д. 56, 174.
Рухлов С. В. 132, 221.
Рябушинский В. П. 61, 118, 185, 189.
Рябушинский Д. П. 118, 189.
Рябушинский П. П. 117, 118, 160, 185, 186, 188, 189, 191.

Саблер В. К. 98, 232, 233.
Савич Н. В. 201.
Садовский А. А. 100.
Сазонов Е. С. 181.
Самарин А. Д. 99, 150.
Самарин С. Д. 99.
Самарин Ф. Д. 23, 82, 99, 101, 102, 104, 148.
Скоропадский Г. В. 119, 157.
Смирнов А. 74, 76.
Созонович И. П. 93, 229.
Соколов В. С. 154.
Соколовский С. И. 187, 188.
Стахович А. А. 76, 77.
Стахович М. А. 238.
Стишинский А. С. 83, 84, 98, 99, 213.
Столыпин А. А. 147, 178.
Столыпин П. А. 5, 19—23, 25—27, 31—33, 37—39, 41—45, 47, 48, 50, 55, 61, 63, 67, 68, 71, 73, 78, 80—86, 88—92, 95—100, 102—107, 113, 121, 125—142, 145, 147—154, 156, 158—160, 162, 163, 179, 181, 183, 184, 192—202, 204—208, 210—240.
Столыпина О. Б. 19.
Стремоухов П. П. 219.
Струве П. Б. 52, 56, 57, 59—64, 66, 71, 112, 116—118, 164, 166—168, 174, 188, 189, 241.
Струков А. И. 14, 84.
Суворин А. С. 86.
Сухомлинов В. А. 140, 221.
Сыромятников С. Н. 31—35, 100, 133.

Тапеев А. С. 219.
Тесленко И. В. 171, 184, 240.
Тимирязев В. И. 132.
Тимирязев К. А. 183.
Тихомиров Л. А. 97, 100, 128, 133.
Толстой Л. Н. 180.
Толь С. А. 98.
Трапезников С. П. 18.
Трепов В. Ф. 136, 214, 215, 217, 218, 220—223, 227.
Трепов Д. Ф. 44.
Третьяков С. Н. 185, 189.
Трубецкой Е. Н. 54, 57, 58, 60, 61, 63, 65, 70, 71, 74, 237, 238.
Трубецкой П. Н. 99.
Тыркова А. В. 55, 71, 122.

Уваров А. А. 88, 91, 106.
Урусов А. П. 103.
Урусов С. Д. 112.
Ушаков Я. А. 83, 84, 134.

Федоров М. М. 118, 187.
Философов Д. А. 132.
Франк С. Л. 64.
Фредерикс В. Б. 217.

Харитонов П. А. 86, 147, 199.
Хомяков Н. А. 93, 123, 154, 170, 192, 200, 224, 225.

Цертелев Д. Н. 101.

Чаплыгин С. А. 183.
Челищев С. М. 14.
Челноков М. В. 71.
Черкасов Н. Г. 119.
Черменский Е. Д. 33.
Четвериков С. И. 118, 185, 188, 189.
Чихачев Д. Н. 231.
Чхеидзе Н. С. 220.

Шаффгаузен - Шенберг - эк-Шауфус Н. К. 45.
Шаховский Д. И. 166, 170.
Шацилло К. Ф. 107.
Шванебах П. Х. 45, 86, 97, 99, 100, 104.
Шварц А. Н. 192.
Шепелев Л. Е. 6.
Шереметев С. Д. 23, 82, 84, 98, 132, 135, 148.
Шечков Г. А. 146, 151, 152, 156, 202.
Шидловский С. И. 106, 116, 200, 209, 210, 222, 225.
Шингарев А. И. 74, 118, 122, 166, 170, 172.
Шипов Д. Н. 116.
Ширинский-Шихматов А. А. кн. 98, 159, 218, 219, 227.
Штильман Г. Н. 52.
Штюрмер Б. В. 98.
Шубинской Н. П. 119, 156, 157, 207.

Щегловитов И. Г. 137, 138, 152, 155, 157, 161, 221.
Щепкин Е. Н. 74.
Щепкин Н. Н. 163.

Эдуард VI 169.
Энгельс Ф. 3, 4, 16, 18, 22.

Юрский Г. 159, 209.
Юскевич-Красовский Н. М. 149, 159.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. «Успокоение» и реформы 26

Глава II. Октябристы и либералы о сущности третьеиюньской монархии и перспективах развития страны 48

Глава III. От 3 июня к III Думе 69

Глава IV. Правые, Столыпин и октябристы (ноябрь 1907—июнь 1908 г.) 91

Глава V. Либералы и октябристы. Борьба за «общественное мнение» (1907—1908 гг.) 108

Глава VI. Обострение политической борьбы в верхах. «Министерский кризис» 1909 г. 122

Глава VII. Свертывание правительственной программы реформ 142

Глава VIII. Внедумская тактика кадетов. «Левение» буржуазии (1909—начало 1911 г.) 164

Глава IX. Октябристы, Столыпин и правые (февраль 1910—февраль 1911 г.) 192

Глава X. Министерский кризис 1911 г. Конец „столыпинского" периода русской истории» 212

Указатель имен 242

Валентин Семенович Дякин

САМОДЕРЖАВИЕ, БУРЖУАЗИЯ И ДВОРЯНСТВО
в 1907—1911 гг.

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства А. Ф. Варустина
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры Г. М. Алымова и Э. Н. Липпа

ИБ № 8578

Сдано в набор 01.03.78. Подписано к печати 13.09.78.
М-18647. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Печ. л. 15½=15.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.73.
Тираж 5000. Изд. № 6830. Тип. зак. № 192. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 лин., 12